

НЕИЗВЕСТНЫЙ
ЮЛИАН
Семёнов

ВОЗВРАЩЕНИЕ
К ШТИРЛИЦУ

Юлиан Семенов

**Неизвестный Юлиан Семёнов.
Возвращение к Штирлицу**

«ВЕЧЕ»

2016

Семенов Ю. С.

Неизвестный Юлиан Семёнов. Возвращение к Штирлицу /
Ю. С. Семенов — «ВЕЧЕ», 2016

ISBN 978-5-4484-7892-5

Сборник рассказов и новелл Юлиана Семёнова повествует о различных событиях отечественной истории XX века. В центре внимания автора – Максим Исаев (Штирлиц) и герои Гражданской войны в России, а также участники послевоенных событий. Перо мастера создает яркие образы белых генералов и казачьих атаманов, советских разведчиков и простых людей.

ISBN 978-5-4484-7892-5

© Семенов Ю. С., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

От составителя	6
Неизвестный Максим Исаев	9
Исход	9
Шифровка для Блюхера	50
Действие первое	50
Картина первая	50
Картина вторая	53
Картина третья	54
Картина четвертая	57
Картина пятая	60
Картина шестая	62
Картина седьмая	65
Картина восьмая	67
Действие второе	69
Картина первая	69
Картина вторая	72
Картина третья	75
Картина четвертая	80
Картина пятая	82
Картина шестая	86
Картина седьмая	88
Картина восьмая	91
Действие третье	92
Картина первая	92
Картина вторая	96
Картина третья	99
Картина четвертая	102
Эпилог	104
Провокация	105
1	105
2	111
3	115
4	119
5	120
6	123
7	124
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Юлиан Семенов

Неизвестный Юлиан Семёнов.

Возвращение к Штирлицу

© Семёнов Ю.С., наследники, 2016

© Семёнова О.Ю., под редакцией, 2016

© Репин А., составление, 2016

© ООО «Издательский дом «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

От составителя

Нельзя делить историю на ту, которая делалась без нас, и ту, которую делаем мы; так или иначе мы есть правопреемники прошлого.
Юлиан Семенов

1968 год. В разгар работы над романом «Семнадцать мгновений весны» Юлиан Семенов делает пометку в дневнике: составить для издательства «Советский писатель» сборник повестей – «Исход», «Держись за облака!», «Господин большевик»...

Сегодня даже преданные читатели и знатоки творчества Юлиана Семенова удивятся, услышав эти названия. Только сейчас вы сможете прочитать эти повести и другие скрытые до сей поры в архиве произведения писателя в очередном томе издания «Неизвестный Юлиан Семенов».

Подзаголовок его – «Возвращение к Штирлицу» – не случаен. В первом разделе, «Неизвестный Максим Исаев», публикуются произведения – повесть и две пьесы, не вошедшие в известный цикл «политических хроник».

Повесть «Исход» – второе после романа «Пароль не нужен» произведение Юлиана Семенова с главным героем Владимировым-Исаевым-Штирлицем. В сокращенном варианте повесть была опубликована в газете «Московский комсомолец», затем планировалась к выпуску в сборнике «Приключения-1968» издательства «Молодая гвардия», однако опубликована не была. Рассогласование хронологии «Исхода» с другими произведениями «исаевского» цикла заставило автора в итоге изменить имя главного героя. Повесть была экранизирована в 1968 году режиссером Анатолием Бобровским, одноименный советско-монгольский фильм с популярными актерами Владимиром Заманским и Натальей Фатеевой стал одним из лидеров годового проката.

Пьеса «Шифровка для Блюхера» сочинялась автором параллельно с романом «Пароль не нужен» и развивает одну из сюжетных линий романа. А вот пьеса «Провокация» имеет вполне оригинальный и острый сюжет – действие происходит в 1938 году в Швейцарии, где разведчик Исаев проводит одну из своих операций...

Впервые публикуются (или переиздаются после полувекового перерыва) повести и рассказы, показывающие эволюцию творчества писателя в 1960-х годах от лирико-романтической «молодежной» прозы к детективным и остросюжетным произведениям, политическому роману.

Главное место в разделе занимают повести «Держись за облака!» и «Господин большевик».

...1919 год. ЧК арестовывает бывшего личного пилота императора Николая II Ивана Савостьянова и предлагает ему совершить рискованный перелет через фронты Гражданской войны из Москвы в Будапешт и доставить туда агента Коминтерна Яноша Перцеля, за которым охотится контрразведка Вооруженных сил Юга России и Антанты... Повесть «Держись за облака!» в сокращенном виде была опубликована в газете «Московский комсомолец» в январе 1969 года. В 1971 году вышел одноименный советско-венгерский фильм, который, однако, имел мало общего с повестью, в связи с чем Ю. Семенов снял свое имя из титров и впоследствии повесть не переиздавал...

...1944 год. Бельгия. Гестапо разыскивает командира отряда Сопротивления, известного как «господин большевик»... История московского студента Степана Богданова включает в себя добровольный уход на фронт, окружение и плен, три побега, подготовку диверсии в партаканцелярии НСДАП в Берлине... Повесть написана в 1959 году и была второй повестью писателя (первая, «Дипломатический агент», в том же году была опубликована отдельной книгой).

Попытки автора опубликовать «Господина большевика» продолжались до 1970 года. К повести предъявлялись претензии в легковесности, снижении образа подпольщиков и чрезмерной авантюристичности сюжета. Однако в основу повести были положены реальные события. Дальнейшую судьбу героя повести – Степана Богданова – читатели узнают из романа «Майор Вихрь», где он появится в числе персонажей.

Впервые публикуется и начальная часть повести «Жизнь комиссара Иванова» – о бывшем политруке штрафной роты, попавшем в хитросплетения интриг послевоенной теневой экономики и коррупции. Новеллы о милиционерах, разведчиках, подпольщиках, в большинстве своем впервые публикуемые, с большим интересом будут встречены всеми любителями остросюжетной прозы.

Одним из последних произведений Юлиана Семенова были «Ненаписанные романы» – цикл историко-мемуарных эссе, созданных в период работы над «Отчаянием» – последней «политической хроникой» об Исаеве-Штирлице. По трагическому предчувствию автора, это действительно были конспекты романов, которые Юлиан Семенов уже не успел написать. И в них он, как и его герой Исаев в «Отчаянии», размышляет о судьбах России, истоках революционного насилия и сталинского террора, путях преодоления этого тяжелого наследия. Составной частью «Ненаписанных романов» стали некоторые автобиографические рассказы из цикла «37–56», созданные в 1961–1964 годах. В нашем издании они впервые публикуются в полном объеме по авторским рукописям, как впервые с 1988 года переиздается рассказ «Да здравствует Вл. Ворошилов...» и публикуется новелла «Дюкло» – последняя из цикла «ненаписанных романов» и, вероятно, последнее написанное Юлианом Семеновым произведение.

Как отмечают исследователи творчества писателя, успех романов о Штирлице базируется, во-первых, на профессиональной работе автора с архивами и историческими источниками, а во-вторых, на личном жизненном опыте, в том числе полученном в различных журналистских командировках. Результатом командировок, помимо статей, репортажей и интервью, были публикации, написанные в формате очень удачного сплава документально-художественного очерка и дневниковых путевых записей, который сам писатель назвал «отчетом по командировкам». Несколько «архивных отчетов» мы приводим в соответствующем разделе. Особо хочется отметить первый опыт такого рода – документальную повесть «Люди штурмуют небо» (единственный раз издана в 1960 году) – ведь впечатления от сибирских и дальневосточных командировок легли в основу соответствующих страниц литературной биографии Исаева-Штирлица. И совершенно особенным «отчетом», написанным по горячим следам событий, является документальная пьеса-детектив «Поиск-891», в свое время с успехом поставленная Галиной Волчек в театре «Современник».

Завершает сборник подборка архивных материалов. «Начало начал. Первая книга» – так автор подписал папку, в которой хранил свои первые опыты в художественной прозе. Возможно, он и не собирался их публиковать, однако, прочитав рукописи, мы убедились, что эти несколько страничек будут интересны не только филологам и историкам литературы, но и широкому кругу читателей.

Обладая знаниями и опытом профессионального историка, литератора и кинематографиста, Юлиан Семенов на протяжении всего своего творческого пути старался пробудить у читателя интерес к истории своей страны, ее урокам и альтернативам развития, полагая, что только просвещенный гражданин и патриот может стать гарантом законности, социальной справедливости и экономического процветания России.

Лев Аннинский в свое время высказался так:

«Дело, которое Семенов сделал в русской литературе двадцатого века (и которое, как я убежден, обеспечит ему место в ее истории), можно в грубом приближении назвать созданием интеллектуально-милицейского жанра.

Тоньше: соединением высокой умственной аналитики и низкого, непредсказуемого, “авантюрного” материала.

Еще тоньше: попыткой стянуть хотя бы “общим туманом” края пропасти между разумом и неменяемостью в фантастической реальности, называемой Россией.

Если знать этот ключ, музыка будет услышана.

И двери отворятся».

Неизвестный Максим Исаев

Исход

Зима 1921 года в Европе выдалась странная и необычная. В январе было тепло, шли дожди, казавшиеся скорее весенними, а в начале февраля вдруг ударили морозы, деревья в Париже сделались игольчато-белыми, все в заледеневшем снегу; выпал снег; сначала он был мокрым, но свирепые предутренние морозы сделали его скользко-хрустким; люди, не ждавшие такого мороза, кутались в коротенькие пальто – последняя американская мода; высокий разрез сзади, кепи с длинным козырьком, тупорылые, бульдогами, ботиночки; покати́лась волна таинственной инфлюэнцы; особенно страдали дети: маленькие гробики то и дело отвозили на кладбище, и промерзшая земля глухо ударялась в серо-желтые доски.

В один из февральских дней возле здания французского Генерального штаба было особенно оживленно.

То и дело останавливались машины, выскакивали генералы в легких шинелях и рысцой бежали к дубовым массивным дверям; подвозили машины и штатских – шляпа, низко надвинутая на глаза; идут неторопливо, видимо не французы – мороза не боятся; глаз от земли не поднимают, дышат тяжело, сквозь зубы – по всему видно, русские.

В этот неприметный морозный день во французском Генеральном штабе собрались на совещание высшие представители белогвардейской эмиграции, наблюдатели из Лондона и французские военачальники.

Указывая на большую – во всю стену – карту России, высокий сутулый человек с одышкой – по выправке видно, военный – негромко покашливая, говорил:

– Давайте научимся смотреть правде в глаза, господа. Увы, революция нас научила многому, однако умение смотреть правде в глаза – это великое умение, которому учат не революции, но жизнь. Ситуация такова. – Он взял со стола длинную черную указку и, заученно обернувшись, ткнул ею куда-то в желто-коричневые взгорья, простирающиеся между Сибирью и Дальним Востоком. – Созданная Лениным Дальневосточная республика, так называемая суверенная республика, с центром в Чите, по праву называется кремлевскими сатрапами красным буфером. Вопрос заключается в том, сможем ли мы в ближайшее время превратить этот красный буфер в белую государственность. Тогда огромное пространство от Владивостока и до Байкала, – быстрый взгляд на французов и англичан, – территория, превышающая по своим размерам Европу раза в три-четыре, станет оплотом новой, демократической России, построенной на принципах свободы, равенства и братства, на принципах Учредительного собрания и конституционной законодательной власти. Опять-таки, ситуация такова, что история подарила нам последнюю возможность – да, да, именно последнюю возможность – попробовать взять реванш за разгром великолепных героев Деникина и Колчака. Таких возможностей больше не будет. Не воспользоваться сейчас этой возможностью не просто глупость – это преступление перед будущим, это преступление перед нашими русскими потомками. Почему я утверждаю, что сейчас, и только сейчас, мы, русские, мы, истинно русские патриоты, с помощью наших французских, английских и японских союзников можем утвердить в Сибири новую Россию? Во-первых, потому, что Россия Ленина задыхается в голоде и разрухе. Во-вторых, никогда еще силы Белого движения не были так точно и могуче объединены в сокрушающей мощи, сконденсированной, – опять-таки жест указкой на карту, – от Харбина до Урги, столицы Монголии. Войска атамана Семенова, барона Унгерна, генералов Бакича и Резухина стоят вдоль по границам восточной российской окраины. Успех всякого начинания – я глубоко убежден в этом – зависит от того, кто начнет первым. Из перечисленных мною русских патриотов я счи-

таю своим долгом выделить барона Унгерна фон Штернберга – философа, политика, востоковеда, дипломата, военачальника. Этот человек готов вступить в Монголию, подчинить эту страну своему влиянию и оттуда нанести сокрушающий удар по Иркутску.

Почему барон Унгерн придает такое большое значение вступлению в Монголию? Почему мы ставим на карту именно Монголию? Потому что Монголия в настоящее время оккупирована отрядами китайского генерала Чжан Цзо Лина. Народ Монголии ненавидит китайских оккупантов, нареченных этим страдающим народом гаминами. Следовательно, Унгерн будет иметь преданных ему союзников – монголов. Следовательно, таким образом, Унгерн будет иметь монолитный и крепкий тыл. Следовательно, он будет иметь то, чего так не хватало всем белым освободительным армиям. А имея монолитный, крепкий тыл, Унгерн бесспорно разовьет победоносное наступление на Сибирь. Если он сможет перерезать одну-единственную нить, связывающую Владивосток с Москвой, – снова жест указкой, – я говорю о Транссибирской магистрали, тогда летом этого года наше дружеское совещание мы сможем продолжить если не в Петрограде, то, во всяком случае, в Иркутске.

Человек покашлял в кулак, осторожно положил указку на большой дубовый стол и сказал:

– Мой друг, генерал Балакирев, полковник Сомов и я готовы представить вам, господа, исчерпывающие материалы, которые будут со всей полнотой свидетельствовать о том, что мы предлагаем вам не мифическое прожектирование, но выверенную и выстраданную реальность.

ПОГРАНИЧНАЯ СТАНЦИЯ. В купе, где сидит один человек, входят двое пограничников.

Они проверяют паспорта пассажиров.

– Господин Лорс?

– Да.

– Подданный Франции?

– Да.

– Следуете в Харбин?

– Да.

– Пожалуйста. Счастливого пути.

Пограничники уходят. Поезд медленно трогается. В купе входят три пассажира. Один из них забрасывает на сетку баул, второй садится возле Лорса, третий прилипает к окну.

Лорс поднимается со своего места, хочет выйти из купе. Тот человек, который забрасывал баул в сетку, каким-то очень незаметным, но точным движением подставляет Лорсу ножку. Лорс падает, поворачивается на спину, выхватывает из бокового кармана пистолет. На него бросается один из троих. Быстрая борьба, сопение, ругательства. Поезд, дрогнув, останавливается. Тот, что боролся с Лорсом, спрятал его пистолет в карман, поднялся и сказал:

– Только давайте без цирка, Сомов. Пошли...

КАБИНЕТ НА ЛУБЯНКЕ, В МОСКВЕ. Сомов-Лорс кончает писать свои показания, передает их Всеволоду Владимирову – работнику Восточного отдела ЧК. Тот просматривает написанное и говорит:

– Вы так много пишете, что мне трудно выявить для себя главное.

– Победенные всегда пишут много. Особенно любят мемуары сочинять в камере, – усмехается Сомов.

Владимиров внимательно смотрит на Сомова и переспрашивает:

– Страшно?

– Да.

– Что ж, страх в данном случае неплохой базис для сотрудничества...

– Вы предлагаете мне...

– Я вам пока ничего не предлагаю. Я констатирую явление.

– Я готов сотрудничать с вами...

– Да?

– Да.

Владимиров чуть улыбается, снова листает материалы и спрашивает:

– Значит, как я могу понять из ваших показаний, в парижском эмигрантском центре барона Унгерна считают наиболее перспективной фигурой?

– Да.

– План его выступления распадается на две фазы: первая – поднять монголов против гаминов, прогнать их, а после – рывок на Москву? Не так ли?

– Вы правильно меня поняли.

– Вы посланы координационным парижским центром для того, чтобы на месте, в Монголии, скорректировать планы совместных выступлений всех белых сил против нас – на Востоке и на Западе?

– Да.

– Хорошо... Можете идти...

Сомов медленно поднимается с табурета, стоящего посредине комнаты.

– Одну минуту, – останавливает его Владимиров. – Опишите мне, пожалуйста, вашего парижского шефа, генерала Балакирева.

– Старик. Брит наголо, с большой седой бородой. Очень высок... очень худ...

– Когда он должен выехать к Унгерну?

– Через две недели.

– За две недели вы надеялись ознакомиться со всеми планами Унгерна?

– Да. Дней за десять.

– Так же, как вы, – через нас?

– Нет. Через Японию...

– Ясно... Пожалуйста, распишитесь на этом листке.

– Нужен мой почерк? – спрашивает Сомов, медленно отходя к двери. Владимиров кивает.

– И последнее – назовите мне пароли и явки в Харбине. Кто вас должен переправить оттуда к Унгерну.

Сомов оборачивается и напряженно, сосредоточенно всматривается в лицо Владимира:

– Вы погибнете там. Я не пылинка, меня знают многие...

– Ваши знакомые – тема особого разговора. Итак, пароль.

– В русское консульство я должен явиться к генералу Бакичу...

МОНГОЛЬСКАЯ ЮРТА. Два гамина гонялись за девушкой. Молоденький высокий офицер стоял возле порога, придерживая старуху, которая плакала, рвалась и кричала:

– Дарима! Дарима!

Яростно отбивалась Дарима от гаминов, но они повалили ее, связали руки веревкой и вывели из юрты.

Когда они проводили ее мимо офицера, тот погладил ее по щеке и сказал:

– Девочка, ты так прелестна. Зачем кричишь ты? Тебя ждет счастье подле меня, а не горе.

Офицер вышел вслед за девушкой из юрты, а старуха ползала за ним на коленях, хватала его за сапоги и причитала:

– Отпустите Дариму, отпустите Дариму!

Офицер шел мимо десятков монголов, которые стояли на коленях на поляне, а гамины выгоняли скот – баранов, коней, коров. Два солдата затолкали Дариму в машину – старенький открытый «линкольн», – она крикнула людям, стоящим на коленях:

– Скажите Мунго, скорее скажите Мунго!

Офицер сел подле девушки, гамины – один за руль, другой на первое сиденье, и машина умчалась. А люди продолжали стоять на коленях, потому что пять кавалеристов пересчитывали скот, который потом они погнали следом за автомобилем.

ЖЕЛТАЯ, СОЛНЕЧНАЯ МОНГОЛЬСКАЯ СТЕПЬ. На многие километры растянулась армия Унгерна: пешие, конница, автомобили, артиллерия, обозы. Головной отряд состоял из шести всадников. Это барон Унгерн, его заместитель – бурят Ванданов и личная охрана.

– Где монастырь? – спросил барон одного из охранников.

Охранник оглядел небо и, прищурившись, кивнул головой на восток:

– Там.

Унгерн пустил коня. Свита – следом.

Монастырь старика настоятеля Дамба Доржи – маленький: всего двенадцать юрт.

В самой большой юрте старик молился. Он строго смотрел на изображение.

В юрту, осторожно ступая, зашли Унгерн и Ванданов. Охранники стали у входа, а старик продолжал молитву:

– Бог, помоги, спаси из тюрьмы твоего сына, императора нашего Богдо Гэгэна.

Загремела снова музыка, заухали барабаны, простонали флейты.

– Бог, вырви из темницы Хатан Батора Максаржава.

Снова загремела музыка, и снова заухали барабаны. Унгерн обернулся к Ванданову и тихо спросил:

– Кто такой Хатан Батор?

– Это военный министр монголов.

Старик-настоятель услышал шепот у себя за спиной, обернулся и увидел высокого, молодого еще, рыжего, вислоусого, поджарого человека в монгольском халате, подпоясанного красным кушаком, с генеральскими русскими погонами и с крестом Владимира на остром кадыке.

– Что тебе? – спросил старик.

– Отец, я хочу принять твою веру, – сказал Унгерн, – я хочу принять желтую веру Будды.

– Приняв новую веру, ты предаешь старую.

– Старой больше нет. Ее продали большевикам евреи и банкиры.

– Ты говоришь слова, не понятные мне. Кто ты?

– Я Унгерн.

– Тот Унгерн, который хочет освободить нас от гаминов?

– Да, отец. Я ничего не хочу, кроме одного: прогнать гаминов, спасти императора, поставить границу на юге и севере...

– Какой ты примешь обет? Первый обет для начинающих лам – гынин. Ты должен не красть, не пить, не лгать, любить старцев, не убивать.

– Я должен убить и старца, если он враг мне. Мне и монголам.

– Приняв обет, ты волен его нарушить, а после обратиться молитвы к Будде, и он простит тебя, если ты был прав в своем гневе.

– Тогда я приму самый трудный обет.

– Ты примешь обет «второго гициля»: не иметь женщину, всем говорить правду, воздерживаться от роскоши, спать три часа и есть один раз в день. Готов ли ты к этому?

– Готов.

– За что ты любишь нас, Унгерн?

– За то, что вы чтите бога и скорбите о вожде, который поправ.

Старик улыбнулся какой-то непонятной, быстрой улыбкой и, хлопнув в ладоши, сказал:
– Придите все!

Из-за занавески в юрту вошли бритоголовые ламы. Они расселись на низеньких скамейках. Настоятель незаметно кивнул, и монахи запели молитву. Голоса их то сливались в один, то, распадаясь на восьмирегистровое многоголосье, звучали по нарастанию – мощному и трагическому: очень тихо, тихо, чуть громче, громко, очень громко, рев, тихое бормотанье, тишина.

Настоятель позвонил в колокольчик, вступила музыка: барабаны, дудки, флейты, трубы – грохот, мощь, сила, и снова тишина, и снова по нарастанию – шепот, песня, громкая песня, рев, молчание.

Настоятель подошел к Унгерну, положил ему руку на плечо. Барон опустил на колени.

– Говори вместе со мной святые слова пятизвучия жизни: ом мани пад ми хом.

– Ом мани пад ми хом, – певуче повторил Унгерн.

– Держи руки у лба щепотью покорности Будде, – шептал настоятель.

Ламы заревели молитву, запел Унгерн. Тишина. Грохот оркестра. Тишина.

– Теперь ты сын Будды, – сказал настоятель, – брат монголов.

Слезы полились по щекам Унгерна, морщины разгладились, лицо просветлело – тихое, только глаза сияют стальным, несколько истерическим высветом.

Ванданов, чуть улыбнувшись, сказал Унгерну:

– А вы боялись чего-то, барон...

Унгерн, продолжая улыбаться, покачал головой.

– Позови Оэна, – попросил настоятель служку. Снова запели монахи, и в юрту вошел прокаженный – рот в язвах, глаза слезятся, руки покрыты коричневой бугорчатой коростой.

– Он заболел проказой, когда его угнали к себе гаминь, – сказал настоятель. – Он брат твой перед богом. Побратайся с ним, как сын Будды с сыном Будды.

Старик достал из-за пазухи тряпицу, развернул ее и протянул Унгерну серебряную пиалу. Мальчик-служка налил в пиалу чай. Старик Дамба Доржи, не отводя глаз от побелевшего лица Унгерна, отхлебнул глоток, передал пиалу прокаженному; отпил и тот, протянул пиалу барону. Тихо, тихо запели ламы, не спуская глаз с лица Унгерна. Барон прищурился – губы сжаты, уголки книзу, желваки вспухли, – взял пиалу, медленно поднес ее ко рту, резанул старика острым взглядом, сделал быстрый глоток и вернул пиалу Дамба Доржи. Тот тоже сделал глоток, только медленный. Поставил пиалу на пол и сказал:

– Он, – кивнул на прокаженного, – брат моего брата. А его брат – Хатан Батор Максаржав. Он сейчас в тюрьме. Освободи его, освободи императора – и твое имя станут повторять в молитвах.

Старик помолчал, раскурил свою маленькую трубочку, потом сказал:

– Покажи мне свои ладони!

Унгерн протянул настоятелю свои руки. Тот внимательно разглядывал линии жизни, воли и сердца и потом сказал:

– Тебя ждет счастье, сын мой, потому что именно сегодня ночью начинается праздник нашего мессии майдари – праздник веры.

ТЕМНЕЛО. Унгерн со свитой неся бешеным аллюром по степи. Вдруг он остановился.

– Водка есть?

Ванданов протянул штоф. Унгерн ополоснул горлышко, принял, пил жадно, полоскал рот, мыл водкой губы.

Лицо его морщилось гримасой брезгливости и ужаса, всего его трясло, и он беззвучно шептал:

– Ох, братья, ну, ждите, братья, желтые братья!

Потом он ударил себя кулаками по рту – в кровь. Сплюнул кровь, размазал ее по лицу, промыл раны водкой, хрипя что-то жуткое и бессловесное, а потом отшвырнул штоф и, обмякнув в седле, тронул коня иноходью.

ДОЛИНА была стиснута со всех сторон коричневыми бугорчатыми спинами гор. Здесь шел праздник мессии майдари: состязаются всадники, распластав коней по степи; соревнуются люди в стрельбе из лука: борются сильнейшие «орлы» – люди, унаследовавшие от дедов и прадедов великое искусство национальной монгольской борьбы.

И вдруг весь этот шум и гам праздника перекрыл длинный, протяжный рев трубы. Люди обернулись и увидели глашатая, который восклицал:

– Сегодня праздник для желтых монголов. Посланник северного брата Унгерн принял нашу веру и ведет войска, чтобы освободить нас от гаминов.

Ликовали люди, радовались.

И среди этого многоголосого, шумного веселья шел Мунго – известный по всей Монголии человек: разбойник не разбойник, анархист не анархист. А так – добрый малый. Живет себе один в горах, кобылиц доит, объезжает коней и охотится от зари до зари. Видно, как люди уважают его и чтят: вот он тронул рукой стрелка, и тот передал ему лук. И Мунго послал стрелу точно в красный центр мишени. То всаднику перед заездом подтянул подпругу – все принимали его с улыбкой и доброй уважительностью.

Мунго вошел в тесное кольцо зрителей, окруживших «орлов». В последней паре последнего тура двое борются: молодой и старик. Оба они сильны, даже, пожалуй, старый борец кажется мощнее и крепче – только кожа у него чуть дряблая, и виски изрезаны морщинами, и глаза все в мелкой сетке.

Борцы танцуют свой танец «орлов» вокруг своих секундантов. Секундант старика, то выкрикивая гортанным голосом, то переходя в плавную песню, возглашал:

– Великий борец Ванган не был побежден никем и никогда. Сила его рук, это сила его сердца, а сила его сердца, это мощь весенней Селенги. Пусть же молодой Лаусурен попробует сразиться с Селенгой, самой сильной рекой на земле, пусть!

Как только замолчал секундант Вангана, секундант молодого Лаусурена ответил ему:

– Лаусурен очень уважает великого борца Вангана, но если Ванган силен мудростью старости, то Лаусурен богат дерзостью молодости. Пусть же честный бой решит, за кем победа на земле – за молодостью или за старостью.

– Бойся, бойся, маленький Лаусурен! – кричит, поет, закатывает глаза секундант Вангана. – Бойся поражения и радуйся ему, потому что ты уже получил честь сразиться с великим.

– Жди, Ванган, – поет секундант Лаусурена, – жди боя!

Бросались друг на друга противники, и пот заливал их глаза, мышцы были напряжены – то они замирали античной бронзой, то переходили в яростное, стремительное движение.

Закурив трубочку, Мунго наблюдал за борьбой.

Бросил наконец Лаусурен старика Вангана. Танцует танец «орла», летает по кругу вокруг поверженного. А после Ванган понуро уходит с круга и люди смеются над ним, а молодого Лаусурена славят и кричат ему слова лести.

Мунго быстро разделся, вышел на середину круга и начал танцевать танец «орла». Тут секундант, что был с Ванганом, запел:

– Мунго Харцкай будет сражаться с молодым победителем, который слишком радуется победе над старым Ванганом!

Мунго кончил танцевать, обернулся на восток, поклонился людям. Потом поднял свою голову к нему и прошептал:

– Тебе, Дарима!

Мунго схватился с Лаусуреном и быстро, почти без труда, уложил его на обе лопатки. Яростно заулюлюкала толпа только что вознесенному Лаусурену, а Мунго подошел к Вангану и сказал:

– Я боролся с дерзостью, теперь я хочу сразиться с мудростью.

Красиво боролись Ванган и Мунго, красиво, точно артисты, кричали секунданты, подбадривая своих подопечных, прыгали вокруг них, хлопали ладонями по спинам, пели, кричали, шаманили.

– Подержись еще немного, старик, – шепнул Мунго Вангану, – еще чуть-чуть, а после я лягу. Когда силы кончатся – шепни.

– Они... уже... кончились...

Секундант Мунго, ликуя, кричал:

– Все видят силу и ловкость Мунго, пусть убедятся еще раз, – что нет в Монголии никого сильнее, чем он!

– Клади его, Мунго! – кричали зрители. – Старик кончился, – кричали они. – Он выдохся!

И вдруг – снова мертвая тишина: на земле лежал поверженным Мунго, а Ванган стоял над ним, протягивая ему обе руки. Он помог ему встать, из круга они вышли вместе, и тишина сменилась ревом восторга.

Ванган шепнул:

– Спасибо тебе, победитель. Я больше никогда не приду бороться.

А зрители неистовствовали:

– Слава Вангану непобедимому!

А Ванган шептал:

– Ты бы мог положить меня на первой минуте, Мунго.

А зрители кричали:

– Слава Вангану сильнейшему!

Маленькой точкой несется в горы всадник. Вот он все ближе, ближе, вот он спешился, вот он пробирается через кричащую, поющую, торгующую толпу. Это мальчик, лицо его заплакано – в копоты и кровоподтеках. Он продирается сквозь толпу, все время повторяя: «Мунго, Мунго, Мунго!» Он долго добирался к Мунго, который стоял в толпе, дернул его за рукав.

– Мунго, гамины увели Дариму!

– Куда они поехали?

– К Синей реке. Верст шестьдесят уже отъехали... на одном коне не догонишь.

Мунго стряхивает пальцы мальчика со своей руки, пробирается сквозь толпу и просит одного из всадников:

– Дай коня, Дембрель.

– Меня ждет больной сын, Мунго. Я еду к нему.

Мунго обращается ко второму:

– Продай коня, друг.

– На чем я вернусь сам?

Человек, который стоял чуть поодаль, слышал и то, что мальчик сообщил Мунго, и то, как Мунго просил себе коня.

Он обернулся к двум своим спутникам и закончил тихо:

– Всем нашим передашь – место встречи – Кяхта. Оттуда будем начинать.

Трое его спутников дали коням шенкеля и умчались в разные стороны. Человек долго наблюдал за тем, как Мунго продолжал просить то одного, то другого:

– Одолжи коня! Продай коня! Одолжи коня!

Всадник чуть приподнялся в стремях и негромко сказал:

– Поди сюда, друг.

Мунго подошел к всаднику.

- Что у тебя случилось?
- Невесту гамины угнали. А здесь все... Как бороться, так Мунго, Мунго!
- Возьми коня.
- Сколько хочешь?
- После сочтемся.
- Кто ты?
- Меня зовут Сухэ Батор.
- Куда мне вернуть коня?
- Держи его при себе, придет время – вернешь.

СТЕПЬ РАЗРЕЗАНА ПОПОЛАМ МЕДЛЕННОЙ СИНЕЙ РЕКОЙ. Пять гаминов-кавалеристов гнали стадо баранов и кобылиц. Наперерез им с горы несли Мунго – голова на гриве, ноги впились в бока коня. Он приблизился к гаминам и крикнул:

- Где девушка?
- Гамины засмеялись, о чем-то поговорили между собой, снова посмеялись.
- Где Дарима? – спросил Мунго.
- Гамины продолжали смеяться, что-то быстро говорили по-своему.
- Верните людям их скот, – тише, сдержаннее сказал Мунго.

Тогда один из гаминов приблизился к Мунго и хлестнул его поперек лица тонкой витой нагайкой. Взбухла синяя полоса от лба к подбородку.

После длинной паузы в одно мгновение прозвучали пять выстрелов – в обеих руках Мунго по маузеру, стволы дымятся. Тихо. Только четверо гаминов медленно сползали с седел, а пятый, видимо раненный, крича что-то длинное, заячье, уносился прочь. Мунго пустился вслед за ним. Он гнал его по степи словно волка, а потом, выбрав какое-то, инстинктом учуянное мгновение, остановил коня, вскинул руку, выстрелил – и пятый повалился с седла.

Мунго объехал отару баранов, крикнул что-то гортанное коням и погнал их в обратную сторону.

Поздний вечер. Мунго подогнал отару и табун кобылиц к поляне, на которой так и стояли старики, женщины, мужчины и дети – на коленях, со связанными за спиной руками. Мунго медленно ездил на своем скакуне между связанными людьми и кричал:

– Жалкие трусы! Сами не могли за себя заступиться?! Тех было пятеро, а вас сколько?! Отдали Дариму?! Ну?! Мужчины! Вы рождены в юртах, умереть должны в поле. Что молчите?! Ах?! Мунго вас освободит, да?! Кто пойдет сейчас со мной за Даримой?!

Молчат люди. Белый от гнева Мунго еле сдерживает коня.

- Ну?
- У тебя нет детей, Мунго, – говорит один из мужчин.
- Ваши дети будут такими же рабами, как и вы! Освобождайте сами себя!
- И повернув коня, Мунго понесся в горы, к юрте, где жила Дарима с матерью.

Возле юрты он спешился, отбросил полог. Увидел у себя под ногами маленькую сережку, гранатовую, – словно капелька крови. Оглядел сережку, почистил ее от пыли, продел в мочку левого уха, шагнул в юрту, позвал тихо:

- Мама.
- Никто не ответил ему.
- Не отчаивайтесь, мама, я найду нашу Дариму.

Никто не ответил ему. Мунго запалил фитиль, осветил юрту и попятился: возле очага лежала убитая старуха и, оскалившись, глядела широко открытыми глазами на иконописного Будду.

Мунго вышел из юрты, долго стоял возле коня и незряче смотрел вниз, на поляну, где стояли люди на коленях со связанными руками, потом он вспрыгнул в седло, на всем скаку

спустился вниз, не слезая с коня, острыми и точными ударами сабли перерезал веревки мужчинам и умчался в горы, в тугую багрово-синюю сумеречную темноту.

ПОЕЗД ОСТАНОВИЛСЯ НА ХАРБИНСКОМ ВОКЗАЛЕ.

Ах, Харбин, Харбин двадцать первого года! Кого здесь не было – русские академики, эмигрировавшие из Петербурга, ютились в одних подвалах с артистами Москвы и Киева; молодые физики снимали мансарды вместе с большими художниками, жили впроголодь, питались подавляющими спекулянтов, которые и тут, в далеком Китае, быстро акклиматизировались, сняли себе особняки, купили тупорылые американские машины и разъезжали от китайского банка к американскому, от французского консульства к эмигрантскому русскому посольству – и всюду лихо и быстро делали свои дела. А дела у них одни: перевести в зеленое долларовое золото российскую николаевскую, керенскую и колчаковскую дребедень.

Здесь же, в Харбине, можно было встретить на улицах тысячи штатских, но с такой военной выправкой, что было ясно – эти люди только ждут сигнала, когда же взяться за оружие.

И казалось, что здесь, в этом китайском городе, громадном, разросшемся за последние десять лет, европейцев больше, чем местных. И это не было обманчивым первым впечатлением. Когда приходил поезд и из вагонов выходили люди, казалось, сюда, в Азию, приехала Европа.

И на этот раз из вагона вышел высокий человек, сел в коляску рикши и сказал:

– В русское консульство.

Рикша провез человека по вечерней, плохо освещенной белоэмигрантской столице к зданию под Андреевским стягом, с двуглавым орлом над входом.

Человек расплатился с рикшей, вошел в здание консульства. Казак, сидевший у входа, спросил:

– Вам кого?

– Генерала Бакича.

– Как доложить?

– Доложите: из Парижа Сомов.

Казак ушел. Человек сел на диван, подвинул к себе пепельницу, закурил, огляделся. Он услышал где-то в пустом здании консульства гулкие шаги. Казак подбежал к нему и сказал:

– Генерал Бакич вас ждут.

Человек пошел вслед за казаком. Они миновали несколько пустых темных комнат, остановились возле оцинкованной двери. Казак нажал кнопку. За дверью громко и нудно прогудел звонок, оцинкованная дверь медленно отворилась. Человек вошел в комнату шифровальщиков. Навстречу ему поднялся генерал, протянул руку и сказал:

– Бакич.

Визитер пожал протянутую руку и ответил:

– Сомов.

– Весьма рад, – сказал Бакич.

Они пошли во вторую комнату, устроились в креслах друг против друга. Бакич протянул Сомову руку ладонью вверх. Сомов достал из кармана портмоне, вытащил оттуда половинку фотографии, положил ее на ладонь Бакича. Бакич отпер сейф, достал оттуда вторую половинку фотографии, сложил их, поднялся и трижды – по-братски – поцеловался с Сомовым.

– Наконец-то, – сказал он, – теперь, когда Париж включился в борьбу, мы прижмем красных и с Востока, и с Запада! Вы с Унгерном знакомы?

– Нет.

– Эрудит, востоковед, умница! С ним мы поднимем национализм Востока под лозунгами ненависти к людям иного цвета кожи, иного мышления. Если Монголия станет нашим антиболь-

шевистским плацдармом, полковник, через год в Кремле молебны служить станем. Кстати, как печень у графа?

– Вы имеете в виду...

– Графа Григория.

– Вы перепутали, генерал, вы все перепутали. Он страдал камнями в почках.

Бакич стал серьезным, посуровел:

– Простите, Сомов, не гневайтесь на двойной пароль. Уезжать вам к Унгерну надо сегодня. На днях он штурмом пойдет на Ургу. Это зависит от того, удастся ли ему на этих днях освободить императора из китайской тюрьмы.

– Я вижу, барон не только отменный востоковед, но и человек с младенческой душой: он любит обставлять войну подпорками рыцарских времен: Дюма, мушкетеры, император...

– В Азии это нельзя считать рыцарской подпоркой, полковник. Азия не может жить без императора. Поклоняться надо кому-то, обязательно надо азиату поклоняться...

Бакич хлопнул в ладоши, пришел казак, вытянулся в дверях.

– Чайку бы, Романыч, – попросил Бакич, – только не зеленого, надоел, спасу нет...

– Слушаюсь, ваше превосходительство, – ответил Романыч и вышел.

– Да, совсем запамятовал, – сказал Бакич, подвигая Сомову пачку американских сигарет «Лаки страйк» в бело-красной металлической коробочке, – вам здесь письмо от вашего приятеля. Он просил вас немедленно связаться с ним, как только приедете.

– Это кто ж? – радостно удивился Сомов.

– А вот угадайте.

– Трудно.

– Кто из ваших давних приятелей сейчас на Востоке?

– Далькенброк из восемнадцатого уланского, брат Пысина, Валерьян Викторович в Мукдене... Погодите, погодите... Видимо, штабс-капитан Аросев?

Бакич, напряженно всматривавшийся в спокойное лицо Сомова, откинулся на спинку кресла и покачал головой. Улыбнулся:

– Профессор Юрасов здесь.

– Да? Где он?

– На море, верст десять отсюда. Едем?

– С удовольствием... Сегодня только каравана к барону нет?

Бакич наморщил лоб, вздохнул.

– Да, – сказал он, – ничего не выйдет. Караван уходит сегодня ночью. Черканите Юрасову несколько строк.

Бакич протянул Сомову перо и бумагу. Сомов написал несколько строк и размахисто расписался – точно, как Сомов, не зря он его заставлял это проделывать в Москве, на допросе.

Вошел казак с чаем. Бакич извинился и вышел. Он зашел к себе в кабинет и сказал одному из шифровальщиков:

– На графологическую экспертизу.

Медленно ползут в ночи три грузовика, груженные оружием. В первой машине возле русского шофера – Сомов. Фары машины утыкаются в воду.

– Снова река, – чертыхается шофер, – ни хрена мы к барону не попадем.

– Надо поспокойнее, – говорит Сомов. – Карта есть?

– Какие здесь, к черту, карты?! Нету здесь карт, господин полковник.

– Ну, станем, – просит Сомов, – по звездам поглядим.

Он вылез из машины, размял ноги, потянулся с хрустом.

Ночь – сине-багрово-голубая – лежала над монгольской холмистой степью. Редкие порывы ветра несли в себе пьяные запахи полыни и одолень-травы.

– Во-он медведица, а рядом что это? Здесь Орион? А? – Сомов вдруг засмеялся чему-то, поглядев на злое лицо шофера.

Вдруг где-то неподалеку громыхнул выстрел. Второй, третий. Сомов быстро обернулся на выстрелы. Увидел в темноте, на фоне багрово-серого неба, высверки выстрелов. Четверо всадников преследовали одного, этим одним был Мунго: уже третий день он пробирался в Ургу, но и на этот раз неудача постигла его – она нарвался на заставу гаминов, которые держали все пути в Ургу под неослабным контролем.

Мунго подскакал к машине – конь в пене, сам он весь оскаленный, горячий с боя.

– Русские?

– Русские.

– Там гаминь, отпугнем вместе!

Сомов, шофер и Мунго стреляют несколько раз в гаминов. Те, сделав круг возле машин, прокричав что-то свое, длинное и злое, скрылись в ночи.

Ехал караван машин дальше, а в первой машине возле Сомова сидел Мунго и показывал дорогу:

– Теперь влево и по Изумрудному ручью.

– Глаза у тебя как у филина.

Сомов несколько раз задерживался взглядом на сережке, которая болталась в ухе монгольского провожатого.

– Направо сворачивайте.

– Что это за сережка такая занятная?

– Таких только две в Монголии. Сам из граната сделал. Одна у моей невесты, другая у меня.

– А где невеста?

– Гаминь в Ургу угнали. А пройти не могу: кругом кордоны. То Унгерна, то гаминов – черт вас всех забери. Стой! Здесь прямо, версты три: там Унгерн.

– Тебя как зовут?

– Мунго.

Сомов достал блокнот и записал что-то – четким, крупным почерком.

– Это пропуск. Русские кордоны вас пропустят всюду. Я написал, что вы – мой проводник. Держите.

Мунго спрятал записку за отворот шапки и, не сказав ни слова, вылез из кабины, свистнул коня, который шел следом, и скрылся в ночи – будто и не было его.

СТАВКА УНГЕРНА НА ГОРЕ. Внизу палатки войск, обозы, кухни. Сомов спрашивает казака, попавшегося ему навстречу:

– Где барон?

Казак оборачивается, кивает глазами на большую юрту. Сомов входит туда.

Остановившись на пороге, видит Унгерна – в исподней рубахе, выпущенной поверх галифе. Тот склонился над картой, вычерчивает что-то циркулем.

– Полковник Генерального штаба Сомов прибыл к вам из координационного парижского центра.

Унгерн вскинул голову, оглядел Сомова и сказал:

– А на кой вы мне здесь ляд, любезнейший?

– Простите?

– Я говорю: какого черта вы сюда приехали? Я ненавижу все связанное с Европой. Милюкову ручки жмут, Савинкова-цареубийцу лобызают. Нет белого цвета, остался один желтый, на него и надежда.

– Генерал, я прибыл только для того, чтобы координировать план общего выступления.

– А мне на ваш план плевать. У меня свой.
– Отличный от того, который мы готовили в Париже?
– Отличный, батенька, отличный.
– Что мне передать в Париж?
– Послушайте, Сомов, в человеках я чту только одно – наличие у них детскости, пусть анфан тэррибль, только бы анфан. Так вот, детишки наиболее распространенным жестом своим считают фигу.

И Унгерн показал Сомову кукиш.

– Генерал, вы прикажете мне вернуться в Париж?

– А это как хотите. – И Унгерн крикнул: – Доктора мне!

Пошел за ширму. Скрипнула кровать. Бросил на ширму рубаху, галифе.

В юрту вошел доктор. Унгерн из-за ширмы сказал:

– Знакомьтесь, Сомов. Доктор Баурих.

Доктор и Сомов обменялись рукопожатием. Доктор с саквояжем зашел за ширму, и оттуда раздался громкий шепот Унгерна:

– В левую колите, в левую.

В юрту вбежал казак:

– Ваше превосходительство, от Ванданева гонец. Семь кордонов хунхузов прошли, сегодня ночью будут воровать императора ихнего.

– Где они стоят? – спросил Унгерн из-за ширмы.

– У Черного дуба.

– Скажите Ванданову, что завтра утром император должен быть здесь. Без императора мы не можем начинать штурм Урги.

Посыльный выбежал из юрты. Следом за ним, пожав плечами, вышел Сомов. Он сел на маленькую скамеечку возле юрты, закурил, наблюдая за тем, как казаки кончали разгружать машины с оружием.

Из юрты вышел доктор, посмотрел на растерянного Сомова и спросил:

– Возвращаетесь в Париж? Завидую.

Сомов поглядел на доктора, спросил:

– Что вы желтый такой?

– Малярня треплет, помирать пора.

– Странно, – сказал Сомов, – я не знаю больших пессимистов, чем доктора, врачеватели людских недугов. Боже мой – помирать пора!

Сомов достал блокнот и записал:

«Барон составил новый план выступления против Советов. Миссия моя пока проваливается. Но в интересах общего дела придется задержаться, с тем чтобы выполнить ваше задание по координации общих выступлений против Кремля. Постараюсь в ближайшее время дать о себе как-нибудь знать.

Сомов».

Он спрятал эту записку в конверт и написал адрес: «Париж, рю де Ришелье, 17, Простынкину. Срочная телеграмма» – и протянул шоферу вместе с деньгами.

– Немедленно отправить из Харбина.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие.

ВЕЧЕР. Юрта близ черного, разбитого молнией дуба.

Старик монгол сидит возле люльки, укачивая ребенка. Ванданов – сейчас в халате без погон, в лисьей шапке, надвинутой на глаза, – мечется из края в край юрты, то и дело поглядывая на часы.

Старик напевает внуку:

Назови мне трех далеких,
И ответил старец внуку:
Солнце мертвому далеко,
Дом далек коням усталым,
Дня конец – голодным людям.
Назови мне трех небывших,
И ответил старец внуку:
Крыши не было над морем,
Пояса у гор высоких
И столбов, державших небо.

Отворился полог юрты, и вошли четверо разгоряченных бурят – все из личной охраны Унгерна, те самые, которые сопровождали Унгерна и Ванданова к старику настоятелю в монастырь Дамба Доржи.

Олин из охранников достал из-за пазухи большой ключ, протянул его Ванданову:

– Точный слепок.

Ванданов схватил ключ, ощупал его со всех сторон, сел возле очага, выдохнул облегченно и сказал:

– Ну вот, теперь можно считать – главное сделали.

Охранник сказал:

– Только пришлось ему еще сорок тугриков уплатить. У нас было тридцать, десять мы ему должны.

Ванданов пожал плечами, усмехнулся, достал деньги, дал их охраннику. Тот, попробовав на зуб, спрятал за пазуху.

– Резиной копыта обтянули? – спросил Ванданов.

– Да.

– Жеребчика Дамбреля не берите, он ржет, всех переполошит.

– Хорошо.

Отворился полог юрты, и вошел Мунго – глаза запали, лицо, одежда, сапоги запыленные. Старик бросился к нему, кланяясь на каждом шагу. Ванданов удивленно посмотрел на старика, потом на Мунго – что это за гость важный прибыл?

Старик усадил Мунго, полез куда-то в маленький шкафчик, достал оттуда самую почетную чашку для гостей – серебряную, с инкрустациями, – налил в нее чай и с поклоном протянул путнику.

– Знаю, знаю, все знаю, – говорил старик Мунго, – знаю про твою горе. Бог помогает добрым.

– Я не прошел в Ургу через кордон, – сказал Мунго.

– Как ты шел? – спросил старик. – Серой падью, Мунго?

– Да.

Ванданов быстро переглянулся с охранниками.

– Ты что, тот самый Мунго? – спросил Ванданов.

– Какой? – пожал плечами Мунго.

– Которого любят монголы.

Мунго снова пожал плечами.

– Ты шел Серой падью?

– Да.

– А в Ургу надо через другое место идти.

– Ты кто? – спросил Мунго.

– Ванданов я, полковник Ванданов, брат Унгерна. Пойдешь с нами? Ты нужен нам, Мунго, а мы добра не забываем.

– У вас своя дорога, у меня – своя.

– Чтобы войти в юрту, надо открыть полог, – сказал Ванданов. – Освободив императора из тюрьмы, мы освободим Ургу, мы освободим твою Дариму. Ты знаешь Ургу, помоги нам, Мунго, а мы поможем тебе, друг...

НОЧЬ. Караул гаминов у въезда в Ургу. Караульные – в островерхих желтых меховых шапках – напряженно вслушиваются в конский топот. К костру из темноты подъезжают пять всадников. Это Ванданов, Мунго и охранники.

Старший по караулу, снимая с плеча винтовку, спросил Ванданова:

– Кто такие?

Ванданов подъехал к охранникам еще ближе и сказал:

– С почтой к наместнику Сюй Ши Джэну. – Он кивнул своим спутникам и сказал: – Покажите бумаги страже.

Те подъехали к караульным, в одно мгновение скатились с седел на гаминов – не успел никто и крикнуть, всех сняли.

Тихо в Урге. Только вдруг всполошатся собаки, завоют, перетявкают, и снова воцаряется тишина.

Всадники ехали по темным улицам, мимо громадного буддийского храма Кандан – вниз, к берегу реки, туда, где растянулся длинный – без окон – барак тюрьмы.

Метров за тридцать до тюрьмы Ванданов и трое охранников спешили, а Мунго и один из охранников остались возле лошадей.

Ванданов и охранники ползли к часовым возле тюрьмы. Часовые ходят тихо – пять шагов вправо, пять шагов влево, штык острой тенью царапал белую в лунной ночи тюремную стену. В зубах у Ванданова был зажат нож. Он едва дышал, и движения его были по-кошачьи осторожны и точны.

Мунго достал из-за пазухи маузер, осторожно загнал в ствол патрон, наблюдая за тем, как Ванданов и его спутники ползли к часовым.

Ванданов взбросился с земли, ударил ножом одного часового, трое охранников бросились на другого. Но тот, сорвав с плеча винтовку, вскинул ее и – секунда – пальнул бы в Ванданова. Тогда – тревога, тогда – провал операции.

Мунго резким движением отвел назад левую руку. Остро высверкнул в ней нож, швырнул нож прямо перед собой, и часовой, выронив винтовку, тихо осел на землю, даже не вскрикнул.

Ванданов обернулся, оскалился благодарно. Достал из-за пазухи большой ключ, отпер ворота тюрьмы.

...Протяжно звонит звонок тревоги в здании караула.

...Гамины бросаются к винтовкам, составленным в козлы.

Медленно в кромешной тьме тюрьмы крадется Ванданов и, запалив спичку, отпирает оцинкованную дверь. Он видит, как на кровати, свернувшись в комочек, спит старый человек.

– Император, – шепчет Ванданов, – император, мы принесли тебе свободу.

Богдо Гэгэн испуганно прижался к стене, зашептал:

– Уходите, не надо, не надо мне ничего. Начнут стрелять, мы все погибнем. Не надо, не надо.

– Ваше величество, – шепчет Ванданов, – барон Унгерн ждет вас у ворот Урги, не медлите, ваше величество. Нам нужно вывести еще и Хатан Батора Максаржава. Скорее, ваше величество.

– Уходите! – взвизгнул Богдо Гэгэн. – Оставьте меня все!

Он пятился к стенке, заворачиваясь в одеяло, испуганно смотрел на Ванданова, часто икал и быстро-быстро моргал глазами, словно на ярком солнце.

– Берите его! – сказал Ванданов. – В одеяло заворачивайте!

И верещавшего императора, завернув в одеяло, потащили по тюремному коридору словно куль.

Ванданов, обращаясь к своим охранникам, говорит им:

– Ищите Хатан Батора, скорее.

И в это время тишину ночи взорвал выстрел – один, второй, десятый.

Это Мунго и оставшийся возле коней охранник отстреливаются от гаминов, которые бегут к воротам тюрьмы. Метко стреляет Мунго, не спеша, выборочно.

Застонал охранник, сидевший на лошади подле него, сполз с седла.

Мунго видит, как из ворот тюрьмы выбегает Ванданов с тремя спутниками, чуть не волоча под руки императора Богдо Гэгэна. Они сажают его на коня. Ванданов хрипит:

– Придержи их, придержи гаминов.

Мунго кивает головой. Всадники уносятся в ночь. Гамины кричат что-то, а Мунго неторопливо, прислушиваясь ко все удаляющемуся конскому ржанию, продолжает стрелять в солдат. Потом, когда топот коней стих, он дал шпоры своему коню и ринулся вслед за скрывшимися в ночи. Ему нужно было проскакать через площадь, залитую лунным светом, и когда ему оставалось еще два шага до темноты, до тени от высокого забора, шальная пуля свалила его лошадь.

Конь придавил Мунго, гамины бросились к нему, стали бить ногами в лицо. Они что-то кричали ему и волокли по лунной улице к тюремным воротам.

Тревожной ночью – где рацией, где по прямому проводу – неслась с Востока, через громадные просторы Сибири и Урала, через заснеженную голодную Волгу в Москву составленная из хитрых цифр шифровка в Реввоенсовет республики – Складскому.

А когда усталые шифровальщики по знакомому им коду перевели колонку цифр в строчки слов, заместитель председателя РВС республики Складский, зажав свою большую голову сухими ладонями, углубился в чтение:

«Сообщаю, что положение на Востоке республики крайне угрожающее. Войска барона Унгерна, которые в русской советской печати легкомысленно называют бандами, являются действительно серьезнейшей угрозой для жизни республики. Войска соединений Унгерна, прекрасно вооруженные, подчиненные воле и военному разуму барона Унгерна, захватили уже половину Монголии, прикрываясь лозунгом освобождения монголов от китайских империалистов. Народ Монголии обманут Унгерном и верит, что барон пришел освободить их по поручению всего русского народа. Как мне стало известно, в ближайшие дни Унгерн собирается атаковать столицу Монголии Ургу, выбить оттуда китайских оккупантов и провозгласить создание союзной ему монархической Монголии, которая пойдет следом за ним в его борьбе против нашей республики.

Всю дальнейшую информацию я буду пересылать по мере возможности по установленным заранее каналам».

Подпись под шифровкой – 974. Складский знает, от кого эта шифровка. Складский достает красный карандаш и в верхнем левом углу пишет: «Переслать товарищам Ленину и Дзержинскому для ознакомления».

ТЮРЬМА. Сумеречно. Два ящика. Из отверстий, проделанных в ящиках, с деревянными колодками на шее торчат две головы, одна против другой. Ящики маленькие – не повернуться. В ящиках двое – Хатан Батор Максаржав и Мунго. Мунго весь окровавлен, а лицо Максаржава желто и пергаментно, хотя и без следов побоев.

Мунго пробует вертеть шеей. Скулы играют на щеках.

Хатан Батор тихо спрашивает его:

– Что ты сделал такое, что они удостоили тебя такой чести? В эти ящики гамины сажают самых именитых врагов.

– Я помог освободить императора.

Хатан Батор кивнул, чуть улыбнулся:

– Сделал – не бойся... Боишься – не делай...

Мунго посмотрел на своего соседа и спросил:

– Кто ты, чтобы меня учить?

– Хатан Батор Максаржав.

Мунго посмотрел на него и сказал:

– За тебя поют молитвы во всех монастырях.

– Видно, без пользы. Может, неделю продержусь, сил нет больше.

Открылись ворота тюрьмы, и яркий солнечный свет ворвался в это жуткое вместилище пыток, крови и слез. Трое гаминов подошли к ящику, в котором был заключен Мунго, и один из трех, развернув свиток, зачел:

«Бандит Мунго Харицай приговаривается наместником к смертной казни – четвертованию – завтра утром, с восходом солнца».

Так же, как появились, гамины ушли – будто истуканчики. Ступают ровно, говорят тихо, в глаза не смотрят.

Затворили за собой дверь. Лязгнул ключ, и снова стало темно и сумеречно.

– Мне погибать не страшно, – сказал Мунго, – я сто раз умирал, я привык умирать. Хатан Батор Максаржав, спаси Дариму.

Хатан Батор пожевал губами, спросил:

– Жена?

– Невеста.

– Где она?

– Где-то в Урге... Гамины угнали...

– Как я ее узнаю?

Мунго долго молчал, а потом вдруг лицо его разгладилось от морщин, он вздохнул – как-то прерывисто, по-детски – и сказал, улыбнувшись:

– Она самая красивая под солнцем.

Гремит уличный бой. Ургу пытаются удержать гамины, но с сопок, тесня противника, растекаются лавиной войска барона Унгерна.

Унгерн со своим штабом стоит возле монастыря Кандан, наблюдая в бинокль за боем.

Оборачивается к свите и говорит:

– Возле реки гамины здорово держатся.

Встречается глазами с Сомовым, щурится, цедит:

– Ну что, координатор? Координировать легче, чем землю жрать?

– Барон, образность вашего языка меня подкупает.

– Мой маленький анфан тэррибль, история простит мне мой язык – история не простит только одного – бездействия...

– Вы позволите мне покинуть вас?

– Караван в Харбин ожидается послезавтра.

– Я имею в виду передовую, барон, передовую.

И не дождавшись ответа барона, Сомов пустил коня вперед.

Сомов пришпорил коня и пустил его туда, в самое пекло уличного боя. Унгерн долго смотрел ему вслед, потом подмигнул Ванданову и сказал:

– Скоро вернется. Штабист. А в седле, между прочим, держится неплохо. Только здесь не Елисейские Поля.

А то место, куда скачет Сомов сейчас, – гостиница для офицеров-гаминов, превращенная в крепость: два пулемета держат все улицы под обстрелом.

Сомов спустился в город, привязал коня к заборчику, лег рядом с казаками.

– Ну? – спросил он. – Что лежим? Устали?

– Ваше благородие, из пулеметов сядят, головы не подымеешь. Вон сколько наших покосили.

– Гранаты есть?

– А какой толк? Не достанешь их. Там штаб у них, офицеры живут.

– Отползайте за пагоду, – попросил Сомов, – не все, не все. Вы постреливайте, шумите больше.

Трое казаков отползли вместе с Сомовым к лошадям. Сомов достает из кожаного под-сумка веревки, бросает их казакам.

– А ну привязывайте меня под брюхо.

– Ваше благородие, лошадь повалят, вас замнет.

– Ну! – прикрикнул Сомов. – Быстренько.

Выносятся из-за маленькой пагоды конь, несется во весь опор через площадь к зданию хунхузского штаба, туда, где пулеметчики засели. Конь без седока, на седло накинута попона – цветастая, видно, какому князю конь принадлежал. Пулеметчики смотрят на коня, который несется через площадь, смеются, говорят что-то друг другу. Один из них скручивает лассо, чуть поднимается с земли – хочет заарканить коня, но в это мгновение Сомов бросает две гранаты – одну за другой. Грохочут разрывы, ржет конь, поднявшийся на дыбы, режут казаки, бросившиеся в штыковую.

Сомов берет левой рукой нож, который был зажат у него во рту, перерезает веревки, акробатически выпрыгивает из-под коня, катится кубарем по земле, быстро отползает к забор-чику, перемахивает через него.

Тот молоденький, ласковый офицер, который захватил Дариму, сейчас хлещет девушку по щекам, тащит ее к машине. А она вырывается от него, то и дело оборачиваясь к востоку – туда, откуда гремят залпы унгерновских орудий. Гамины, пробегающие мимо офицера, кото-рый тащит за собой девушку, вытягиваются по стойке «смирно», козыряют офицеру. Он что-то кричит им на своем языке. Они помогают ему бросить Дариму в машину. Девушка пытается выбраться из машины, но офицер снова бьет по лицу и в яростном остервенении срывает у нее сережку – точь-в-точь как та, что у Мунго в мочке.

Сомов с казаками и с монгольскими солдатами вот-вот настигнет машину. Но нет, офи-цер приткнулся к пулемету, установленному на заднем сиденье. Двое гаминов бросили Дариму на пол, прижали ее ногами, и, поливая огнем преследователей, машина скрылась в переулке.

Выскакивают из штаба гамины с поднятыми руками – и офицер, и унтер-офицер, и сол-даты. Проходят мимо Сомова, который сидит на коне – запыхавшийся, шапка прострелена пулей, лицо исцарапано в кровь шальным осколком. Он смотрит на проходящих мимо гаминов и видит на каменистой твердой земле, как капельку крови, сережку. Он поднимает сережку с земли, смотрит в бинокль на машину, в которой увозят девушку, весь подается вперед и видит номер: Л-293.

Оборачивается, замечает медленно въезжающего в город Унгерна со свитой, козыряет барону.

Унгерн подъезжает к нему вплотную, улыбается.

– Умница, – говорит он, – не ждал.

И треплет Сомова по щеке, будто девушку. Ванданов и охранники бегут к тюрьме.

Они открывают тюремные ворота. Ванданов бежит мимо ящиков – заключенные провожают его радостными, в слезах улыбками. Останавливается напротив ящика Мунго, срубает пашкой замки с ящиков, в которых томились Хатан Батор и Мунго, выводит их из тюрьмы – шатающихся, окровавленных, счастливых. Их окружают казаки, помогают им сесть на коней. Ванданов возвращается в тюрьму и спрашивает первого сидящего в ящике:

– За что сидел?

– Против гаминов говорил.

– И правильно говорил. Свободен.

Срубает замок, выпускает из ящика человека, переходит к следующему.

– За что сидел?

– Свою дочь гаминам не отдал.

– Свободен.

Разрубает ящик, выпускает человека. Подходит к следующему:

– За что сидел?

– За то, что большевик.

Ванданов молча стреляет человеку в лоб, подходит к следующему ящику с тем же вопросом...

ГРОМАДНАЯ ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД ХРАМОМ БУДДЫ.

На трибуне – император, Унгерн, Хатан Батор вместе с Мунго, Сомов, доктор Баурих, Ванданов, главы дипломатических миссий.

Медленным шагом на середину огромной площади выходит глашатай. Он объявляет:

– Великому воину Унгерну, освободителю Монголии, спасителю желтой веры, император дарует титул «дархан хошой чин ван» – великий богатырь, князь непобедимый.

Ревет площадь, взлетают в небо желтые лисьи шапки, палят из ружей стрелки.

Поднимается Унгерн, нервно мнет белую папаху в левой руке, говорит:

– Император! Братья солдаты! Бог привел меня к вам для того, чтобы отдать жизнь в борьбе против развращенного Запада. Вожди должны быть восстановлены на престолах! Народ изживет из себя яд либеральных веяний, а мы вернемся обратно сюда, в великую Азию, которая может принадлежать только азиатам. Отсюда идет великое избавление миру.

Грохочет оркестр. На площадь выскакивают маски драконов – черные, желтые, мелово-белые, красные – начинается мистерия ужаса. Разноцветные маски прыгают вокруг громадного желтого черепа, кланяются ему, завывающе поют в его честь древние гимны.

Вдруг маска желтого черепа, взмахнув неестественно длинными черными палками рук, что-то кричит – протяжное, длинное. И все остальные маски – а их больше тридцати, – падают ниц и медленно уползают в распахнутые ворота храма. Череп кланяется трибунам и, пятясь, скрывается в воротах.

С противоположной стороны вбегают два певца. Кланяются трибунам. Начинают соревноваться в песне.

Первый поет:

– Назови ты мне три острых!

Второй отвечает:

– Голодающего зубы,

Умирающего взоры,

Солнца луч меж облаками!

И спрашивает первого:

– Назови мне три обманных!

Первый отвечает:

– Эхо горное обманно,
Сон обманен в этой жизни
И мираж в пустыне знойной!

Убегают певцы с площади, провожаемые овацией. Из ворот храма медленно движется маска «желтый череп», на распростертые его черные руки надеты две громадные клетки с орлами.

Череп приближается к тому месту, где сидит Унгерн, кланяется барону и говорит:

– Эти орлы сражают врагов, лис и дзейрин. Великий воин, желтая вера хочет, чтобы эти орлы охраняли тебя днем и ночью.

Унгерн, поднявшись, низко кланяется черепу. Два казака из его охраны ставят клетки с орлами возле барона.

На площадь выбегает глашатай:

– Император Богдо Гэгэн пожаловал славного воина Хатан Батора Максаржава должностью военного министра!

Ревут люди на трибунах, летят в голубое небо желтые лисьи шапки, палят в небо стрелки. Кланяется людям Хатан Батор Максаржав. Потом, опустив руку на плечо Мунго, говорит:

– Если я стал военным министром, то Мунго пусть будет эскадронным первого монгольского полка.

И снова на площадь выскакивают маски и продолжается мистерия. Гремит оркестр. Невидимый глазу хор лам поет буддийские песнопения.

И все это время, пока продолжается мистерия, Сомов медленно пробирается среди зрителей ближе к Мунго, стараясь не упустить его из поля зрения.

А когда глашатай объявил перерыв в мистерии, а император пригласил Унгерна и Хатан Батора к себе во дворец выпить зеленого, пахучего, с салом ицахантасом, монгольского чая, Сомов подошел к Мунго и положил ему руку на плечо.

Тот, обернувшись, сразу узнал Сомова, и они обнялись, как старые знакомые.

– Слышал, слышал, – сказал Сомов, – теперь ты такой большой начальник, что можешь забыть мое имя.

Мунго ухмыльнулся и ответил:

– Тебя зовут Сомов, а начальником я быть отказался.

– Почему?

– Ищу Дариму.

– Где ты думаешь ее искать?

– Не знаю... Где-нибудь на юге.

Сомов, покачив головой, говорит:

– Нет, Мунго. Ты сделал одну ошибку, а сейчас хочешь сделать вторую: на юге ее нет.

– А мне хоть сто ошибок – лишь бы найти ее.

Сомов, достав из кармана красную сережку, положил ее на ладонь и сказал:

– Машина Л-293. Ушла с ней на север. Так что погоди, Мунго. Погоди...

«Генерал-лейтенанту Унгерну фон Штернбергу от агента 17-13. Почтительно докладываю:

На севере Монголии, в Кяхте, бандитом Сухэ Батором образовано красное правительство Монголии, люди Сухэ Батора переходят границу, направляясь на юг, в области, освобожденные нашими белыми войсками. Здесь они ведут работу по разложению населения, стараясь привлечь людей на свою сторону, соблазняя их ленинскими лозунгами Сухэ Батора.

Как мне стало известно от источника 24-А, несколько посланцев Сухэ Батора направлены в Ургу, где ищут связи с неизвестными мне красными подпольщиками и прямыми разведчиками Москвы. Прошу передать это мое донесение начальнику контрразведки Сипайло с тем, чтобы он принял все возможные меры для того, чтобы схватить означенных красных монгольских лазутчиков, допросить их с пристрастием и узнать все явки подполья в столице Монголии.

Вашего высокопревосходительства имею честь быть покорным слугою».

КАБИНЕТ ИМПЕРАТОРА. Сейчас здесь Унгерн, Ванданов и Хатан Батор Максаржав.

Император расхаживает по громадному кабинету, подолгу задерживаясь возле чучел диких животных и рыб – он страстный коллекционер.

Унгерн, склонившись над картой, энергическим жестом правой руки делает бросок на север, к границам РСФСР.

– Запад есть Запад, Восток есть Восток, – говорит он. – И вместе им не сойтись. Так вот, я говорю вам: пора на север, дальше.

Хатан Батор Максаржав ответил ему:

– Монголия освобождена, дальше идти некуда, там Россия.

– На севере не только Россия, – сказал Ванданов, – на севере банды Сухэ Батора.

– Он монгол, – возразил Хатан Батор Максаржав.

Унгерн сказал:

– Нет, он не монгол. Монгол желтый, а он – красный.

Хатан Батор пожал плечами:

– О том, что он объявил красное правительство монголов, я не знаю, но я знаю, что он отдал арадам скот. Если это красный монгол, то мне это нравится...

Унгерн и Ванданов быстро переглянулись. Унгерн положил свою девичью, красивую, тонкую руку на плечо Хатан Батора и сказал:

– Ну что ж, брат, может быть, ты и прав. Если говоришь так ты, народный воин и герой, мы должны прислушаться к твоим словам.

Унгерн и Ванданов, поклонившись императору и Максаржаву, уходят.

Идут Унгерн с Вандановым в окружении охранников по Урге – среди пьяного разгула победителей. В одном месте пьяные казаки. На пустыре пьяные идут с гармошкой, поют лихую песню, с присвистом и улюлюканьем, в другом молчаливо дерутся из-за водочной бутылки, в третьем дерутся с монголом, отбирая у него барана. Унгерн подошел к казаку, стукнул его ребром ладони по шее, остолбенел казак, вытянулся в струнку, Унгерн обнял монгола, похлопал его по плечу, сказал ему что-то на родном языке, монгол упал на колени, воздел к Унгерну руку. Барон сказал казаку:

– Сволочь! Глупая сволочь. Если сердце отдыха просит – на пустырь пойди, а не здесь – где глаз тысячи.

Бросил казаку монету, кивнул Ванданову, пошел дальше. На пустыре пьяное казачье колет шашками чучело, на груди у которого приколот бумажка: «Я – Сухэ Батор».

Идут среди этого дикого, пьяного разгула Унгерн и Ванданов не спеша, сосредоточенные, молчаливые.

– Собери штаб, – наконец говорит Унгерн, – будем думать, как поступать дальше. Каков орех, а!

– Орех крепок.

– Русские не такие орехи грызли.

– Ты же не русский, барон.

– Милый мой, если есть на земле русские, так это только остзейские немцы. – Унгерн усмехнулся чему-то. – Все-таки история изобилует массой элегантных благоглупостей, и в то же время, не зная истории – только дрова пилить. Ты представляешь себе, раскосый, – ну не

сердись, не сердись, душа моя, люблю, знаешь, что люблю, – ты представляешь себе, как это будет элегантно, ежели народный герой отдаст богу душу... Ну, словом, подумаем. Обожаю ребусы. Это тренирует мозг. Надо все время тренировать мозг и пальцы ног – это йоги уверяют. Так вот, штаб собирай, штаб.

Ванданов спросил:

– А парижского координатора?

Унгерн, подумав минуту, ответил:

– А знаешь – он солдат, его – тоже.

МАЛЕНЬКИЙ ДВУХЭТАЖНЫЙ ДОМИК НА ОКРАИНЕ УРГИ. Здесь ночной бар и отдельные номера с проститутками содержит японец Бонаяси, пергаментный старик, свободно изъясняющийся на нескольких европейских языках.

Сейчас здесь в зале пусто. Где-то за бамбуковой занавеской женщина поет грустную песню. На ковре сидят доктор Баурих и Сомов. Оба изрядно пьяные, и Сомов предлагает:

– Послушайте, знахарь, теперь давайте выпьем за берцовую кость.

– Их две, за которую? Давайте за правую. Я люблю все правое. Левое и правое, центр. Тьфу, прошляпили Россию, левые – правые. Есть только правые и неправые. Ура!

– Ура! – соглашается Сомов, тоже выпивая. – Между прочим, очень вкусная гадость.

– Кругом самозванцы, психи и пройдохи, – говорит Баурих. – Послушайте, Сомов, неужели вы верите этому неврастенику? Неужели в Париже на него делают серьезную ставку? Мир населен полутора миллиардами одичавших, изверившихся зверей, которые сплющены страхом, – оттого и революции делают.

Сомов, оглянувшись, спрашивает:

– Вы что, плохого мнения о контрразведке барона?

Баурих махнул рукой:

– Они интеллигентов не понимают. Если бы я говорил «люблю жидов», или «готовлю покушение на Унгерна», или «Ленин – неглупый человек», – вот тогда к стенке. А такой язык им непонятен, пугает их только как детишек – и все. – Баурих засмеялся. – Парадокс: охранка без интеллигентов не может. Мы без них можем, они без нас – нет. Так сказать, неразделенная любовь. А потом, я ничего не боюсь – Унгерн врачей обожает. Он даже зубную врачиху здешнюю – еврейку Розенблюм – не разрешил подстрелить, потому что боится зубной боли. Скоро снова дальше, большая дорога предстоит.

– Большая?

– Он велел сорок ампул заготовить. На каждой двадцатой версте колется – восемьсот верст. А потом он что-то с этим красным монголом задумал.

– С Сухэ Батором?

– А черт его знает. Словом, все одно к одному.

Из-за бамбуковой занавески выходит женщина, которая пела песню. Она молода еще, в глазах льдинки остановившиеся, лицо белое, декольте громадное, безвкусное. Она стоит и шепчет:

– Скоты, скоты, грязные скоты!

А где-то за ее спиной из номеров раздается заунывная, с пьяным всхлипыванием казачья песня. Доктор хватается Сомова за руку и шепчет:

– Боже мой, Варя! Варенька Федорова! Господи, я же всю ее семью лечил! Неужели она? Варя, – говорит он. – Варенька, это вы?

Варя посмотрела на доктора. В лице ее что-то дрогнуло, сломилось ее лицо.

Доктор подбежал к ней, обнял ее, стал целовать ее, прижимать к себе, гладить по голове, повторяя:

– Варенька, боже ты мой, Варенька, девочка! Варенька, что же это с вами, милая? Ну сейчас, сейчас, золотко, сейчас, погоди, сейчас я закажу всего, будем вместе сидеть. Знакомься, это Сомов – полковник из Парижа, Андрей Лукич.

Варя, когда услышала слова доктора, как-то изумленно, с ужасом посмотрела на Сомова, шагнула к нему, сжав у горла худенькие свои кулачки, хотела что-то сказать, но вдруг, словно пьяная, упала к его ногам.

Доктор захлопотал над ней, стал дуть ей в лицо, хлопать по щекам, потом бросился за перегородку. Там он сшиб что-то, выругался и закричал визгливым, непохожим голосом:

– Бонаяси, Бонаяси, иди сюда! Воды! Воды! Бонаяси!

Варя медленно вздохнула, поднялась, посмотрела на Сомова прежним, враз остановившимся заледеневшим взглядом, как-то непонятно, сквозь силу, усмехнулась и сказала:

– Между прочим, полковник Генерального штаба Андрей Лукич Сомов – мой муж.

Из-за занавески, куда только что скрылся доктор, вывалился горячечно пьяный офицер.

– Мамзель, – сказал он, – мы так не уговаривались. Я вам аплодировал, а вы – дёру! Я вам два доллара уплачу за нежность.

Сомов достает из кармана пятидолларовую бумажку, протягивает ее офицеру и говорит ему:

– Подите отсюда прочь, милейший.

Варя смотрит вслед ушедшему пьяному и говорит:

– А мой муж никогда не был таким щедрым. Что с вами, Андрей Лукич, эка вы переменились. И внешне, и внутренне. Усы сбрили, вместо лысины – ишь какой элегантный.

Сомов приблизил к Варе свое лицо и сказал:

– Так вот: ваш муж – в Москве, на Лубянке. Случись что со мной здесь, он заложником пойдет.

Варя усмехнулась. Что-то быстрое, яростно животное, промелькнуло у нее в глазах, и она сказала:

– Мой муж Сомов в Стамбуле за два фунта стерлингов продал меня на ночь купцу. Так что не пугайте меня его жизнью.

Сомов откинулся к стене, полез за сигаретами, деревянно, зацепенело закурил, сказал:

– Ну, собственно, если вы хотите заглянуть в контрразведку, это четвертый дом отсюда. Видимо, вам, в вашем теперешнем состоянии, не поверят, скорее всего поверят мне. Ну ладно, даже если поверят, какой выигрыш? Я-то знал, на что иду, а вы? Сейчас платят два доллара – будут платить полтора. Каждая ночь – морщины и седина. Зеркальце-то есть? Посмотрите. А может быть, вам выгоднее пожить у меня дома хоть неделю, поспать спокойно, без блевотины? Может быть, вам лучше прийти в себя, а через неделю я вас отправлю куда хотите – в Париж, в Берлин.

– Какое вы имеете право говорить мне это? – жестко усмехнувшись, спросила Варя. – Я ненавижу вас, понимаете? Это вы лишили меня родной России моей, вы слышите? Это вы меня лишили и дома, и семьи, и чести, что вы мне про зеркальце-то? Это я такая по вашей вине, чьей же еще?

– Не будем считаться кровью, – тихо сказал Сомов. – Счет будет не в вашу пользу. Ваш папа, профессор Иннокентий Васильевич Федоров, ведет курс в Петроградском университете, а моего отца в девятьсот шестом повесили казаки. Ваш брат, Николай Иннокентьевич Федоров, служит в артиллерии Московского военного округа, служит нам, красным изуверам, а моего брата расстреляли в девятьсот девятнадцатом в Виннице. Так что не будем считаться кровью, Варенька, не будем.

– А мать? – спросила Варенька.

– Мать умерла от сыпняка в девятьсот двадцатом, – ответил Сомов.

Он достал из кармана френча маленький – с перламутровой ручкой – браунинг.

– Ну вот что, – сказал он, – времени у нас в обрез, так что давайте, как говорится, подождем бабки. Я вас сейчас могу пристрелить, понимаете? Я скажу, что вы покончили с собой, и мне поверят. Мне очень противно это делать, но выхода нет. Ясно? Или, – он подтолкнул ей браунинг, – стреляйте вы в меня. Потому что мне незачем жить, если я не смогу сделать того, что я должен сделать. Валяйте, он на взводе.

Варя схватила браунинг, подняла его и стала целить в грудь Сомову.

– В грудь не надо. Только раните. Цельте в лоб. Не бойтесь, не бойтесь, разворотит только затылок, вас не испачкает.

Вечность прошла. Варя выронила браунинг: не выдержала она взгляда Сомова, усталого, доброго, умного, не выдержала она, ткнулась лицом в грудь, заплакала, повторяя:

– Скоты, какие же вы все скоты... не ведаете, что творите, скоты...

Баурих выскочил из-за занавески с водой и полотенцем. Застыл, пораженный.

– Тсс, – сказал ему Сомов. – Тсс, я объясню все позже.

ШТАБ УНГЕРНА. Унгерн рассказывает по кабинету, говорит:

– Надо полагать, что знамена, под которыми идет быдло, только потому и остаются знаменами, что лозунги на них можно писать каждый год новые. Видимо, никто из вас не сомневался в том, что мои объяснения в любви здешнему племени есть не что иное, как высшее проявление жертвенной любви к России, к ее великому вождю, к ее растоптанной вере, к ее одуроченному народу. Эрго, любыми средствами надо убрать Сухэ Батора – террористическими или мирными, но убрать.

Ванданов сказал:

– Он ходит без охраны... Убрать его я берусь в неделю.

Унгерн обвел взглядом собравшихся здесь.

– Какие будут мнения?

– Поколения довольно точно реагируют на безвинно пролитую кровь, – сказал Сомов. – Зачем же нам ставить в нелепое положение человека, который взял на себя великое бремя испугительного антибольшевистского похода? – Сомов кивнул на Унгерна. – Не целесообразнее ли попробовать мирный путь: пригласить Сухэ Батора сюда, посулив ему должность в императорском правительстве?

– Вообще-то парижанин прав, – сказал Унгерн. – Кровь – это очищение. Но здесь необходим точный лекарь. Давайте попробуем. Кого мы можем послать к нему?

– Есть один человек, который может выполнить это поручение, – сказал Сомов, – Мунго.

Ванданов кивнул.

– Да, – согласился он, – этот пройдет.

Вскочив из-за стола, Унгерн снова забежал по кабинету, внезапно, толчком, остановился возле стола:

– Все это хорошо, но мне дорог каждый час, каждый день. Монголия – бушующее море, утонуть в нем ничего не стоит, сгинуть – тоже, а мне – жди?!

– Я его доведу до красных кордонов, – предложил Сомов. – Тогда мы, во всяком случае, будем уверены, что он у красных, и его невозвращение будет означать для нас сигнал к действию здесь в том аспекте, который предлагал наш друг Ванданов.

Снова забежал по кабинету Унгерн, потом остановился над Сомовым, взял его за уши, приблизил его лицо, спросил:

– Сколько времени ждать?

– Пять дней терпит? – спросил тот.

– Семь, – ответил Унгерн, – семь, парижанин. Я за это время в Харбин съезжу. В Харбине все обговорим. К этому времени здесь должна быть полная ясность: на кого ставим, кого в заклание – Сухэ или Максаржава. Все ясно, господа?

КВАРТИРА СОМОВА. Сейчас здесь Сомов и Варенька. Сомов собирает походные вещи, а Варя медленно разбрасывает на ломберном столике карты. Улыбается чему-то, мешая карты, отбрасывает их в сторону. Льет кофейную гущу на стенку чашки, подносит чашку к глазам, тихо говорит:

– Хотите, я вам все расскажу про ваше будущее?

– Хочу.

– Вы принесете много зла людям, потому что вы добрый сердцем, но жестокий мыслью, видите, какие резкие углы сопутствуют вашей линии? А внутри они мягкие – это ваше сердце. Самое ужасное, когда добрые люди несут зло в себе. . . Вы еще никогда не любили, – она быстро, затаенно взглянула на Сомова, – но вы еще полюбите – неожиданно для вас и очень обреченно.

Сомов, усмехаясь, продолжал собирать вещи.

– Чтобы мои слова о вашем будущем были во всем верны, я должна знать хоть что-нибудь о вашем прошлом.

Сомов покачал головой, сказал:

– Через час после того, как я уеду, за вами придет доктор. В семь часов вас ждут у датского консула, там будет барон, вам надлежит быть обворожительной.

– Хотите подложить меня Унгерну?

Сомов даже споткнулся. Оборотившись, сказал:

– Должен оказать вам, что бестактность – это первейшее проявление душевного заболевания. А мы так с вами не уговаривались.

– Любимый муж, лубянский сатрап в обличье Сомова. Хотя хрен не слаще редьки. Не мучайтесь запонкой, я ее вдену вам, идите сюда. Не бойтесь – я не стану вас обольщать, ну, сядьте, мне же неудобно. Вот так, – сказала она, вдев ему запонку в манжетку. – После тех офицеров, которые прошли через мою кровать, вы меня как-то ужасно угнетаете своей благопристойностью. Это как пытка: вы заставляете меня быть самой же себе отвратительной.

Сомов как-то неожиданно мягко улыбнулся и оказал:

– Наверное, это ужасно, когда для человека революция становится бранным словом, я не зову вас прощать кому бы то ни было ваше горе, я просто хочу, чтобы вы поняли, все поняли. – Он замолчал, потом снова усмехнулся. – Объяснить не умею, ужасно! А что касалось моего прошлого, так оно не суть важно.

Варенька сидела за столом и смотрела на Сомова громадными глазами, и взгляд её сейчас был совсем иным – так еще она на Сомова никогда не смотрела. А потом опасливо протянула руку и дотронулась до пальцев Сомова и смутилась вдруг, отодвинулась в тень, запахнулась шалью, и Сомов смутился, отошел в темный угол – только свет папиросы освещал его лицо и сощуренные, тревожные глаза.

В комнату входит Мунго, одетый по-походному.

Сомов целует паре руку. Мунго подхватывает его баул, и они вместе выходят. Слышен за окном топот копыт. Варя подходит к столику, берет карты, выбрасывает их из колоды. Все черные ложатся – пики, трефы. Она подходит к окну и долго смотрит в темноту, ничего не видно, только собаки лают.

Сомов и Мунго едут по равнине. Чуть поодаль – три стражника из унгерновской охраны.

– Ты зря на меня сердись, Мунго. В Урге Даримы нет, она на севере. На север просто так не попадешь, там кордоны. Мне сдается, что тот офицер интернирован красными. . . Сдался в плен русским. Самому, по своей воле, туда не пробиться. С посланием от императора ты войдешь туда как хозяин.

Мунго прерывисто вздохнул:

– Я иногда себя бить по голове начинаю, когда верить перестая. Бью, бью себя кулаками – тогда проходит.

– Когда кончится война, тебе, знаешь что нужно будет делать? Читать учиться.

– Зачем? От книжек люди лысеют, зубы шатаются.

Едут по степи два всадника. Громадная луна висит в небе, и необозримая тишина кругом.

Сомов и Мунго подъехали к юрте того самого старика, у которого Мунго познакомился с Вандановым. Они вошли в юрту, и старик бросился к Мунго со слезами:

– Мунго, Мунго, бог тебя привел ко мне. Волки прирезали трех моих коней, я один, Мунго. Стая здесь волков, порежут и баранов, что нам делать тогда?

– Старик, – ответил Мунго, – у меня же времени нет.

– Где? – спросил старика Сомов.

Старик показал рукой на север:

– Там, возле ста деревьев.

Сомов сказал стражникам:

– Вы отдыхайте.

...Раннее утро. Через дубовый лес, который разбросался на вершине гористого холма, несутся на конях Мунго и Сомов. В желтой, красной, синей и зеленой траве мелькают серые волчьи спины. Ударяют тугие выстрелы.

Это Сомов и Мунго бьют с вытянутой руки из короткоствольных американских карабинов.

Два волка падают. Сомов несется дальше, за остальной стаей, а Мунго делает над каждым стремительный круг и достреливает корчащегося в траве зверя в упор. А после догоняет Сомова, и они дальше гонят трех волков. Снова звучат выстрелы, и один волк падает. Двух волков гонят всё дальше и дальше. Волки уходят по каменистому склону пологой сопки, но пологая она только с одной стороны, откуда их гонят в яростном охотничьем запале Сомов и Мунго. Там, куда несутся, отжав назад острые уши, длинные волки, – каменистый обрыв – будто трамплин, и – далеко внизу камни.

Снова гремят выстрелы. Еще один волк падает, а последний, самый большой, видимо вожак стаи, стремительным махом ведет за собой всадников к обрыву. Ахнул волк вниз, на маленькую каменную площадку, затаился, ждет. Сомов поехал направо, чтобы перерезать волку дорогу к спуску в равнину.

А Мунго, распластавшись на коне, – за ним, за волком. В самое последнее мгновение увидел он волчью ловушку – откинулся в седле назад, вырвал ногу из стремени, попытался было осадить коня – куда там, рухнул конь в пропасть, на камни. Мунго полетел следом за ним, только в самый последний миг ухватился руками за выступ каменной площадки. Прервалось дыхание. Смотрит на волка, волк – на него. Уши прижал, крадется по камню, щерится, будто кошка.

Сомов не заметил, как пропал Мунго. Только-только он видел его наверху, на гребне сопки, а сейчас нету.

– Мунго! – крикнул он.

Молчание. Тихо. Только ветер вокруг просвистит, и снова молчание.

– Мунго!

Сомов пустил коня вверх, к тому месту, где только что был Мунго. Откуда-то снизу вдруг он услышал волчий нутряной быстрый лай и хрипение человека.

Сомов соскочил с коня, бросился к краю сопки, заглянул вниз. Метрах в двух под ним, уцепившись одной рукой за край каменистой площадки, висит Мунго – вот-вот сорвется. В другой руке нож – отмахивается от волка, который рвет его грудь, тянется к шее, царапает острыми когтями руку.

Сомов ложится на край обрыва, выцеливает из маузера волка и всаживает в него несколько пуль. Волк, обмякнув, распластывается неподвижно на каменистой площадке.

Мунго поднимает голову вверх, лицо у него мучнисто-белое. Шея расцарапана в кровь, руки изодраны. Сомов бросает ему кушак, а Мунго не в силах взять его. Тогда Сомов осторожно сползает вниз.

– Не надо, – хрипит Мунго, – зачем двоим погибать.

Сомов спускается все ниже по отвесной каменной стене, срывает ногти, судорожно ищет опору. Опоры нет. Тогда, повиснув в воздухе, он зажмуривается и, раскачавшись так, чтобы попасть на каменный выступ, прыгает вниз. Попал он на площадку. На какое-то мгновение кажется, что не устоит – так он балансирует руками, корпусом, нависнув над пропастью. Устоял. Вытащил на каменную площадку Мунго, судорожно выдохнул, засмеялся, поглядел вниз. Прижал Мунго к камням, вытер платком лицо. Мунго с трудом расцепил зубы, сказал:

– Теперь я тебе жизнью должен на всю жизнь.

Громадная равнина, далеко впереди, и то если смотреть в бинокль, виден кордон красных монголов.

– Ну, Мунго, – говорит Сомов, – давай, и сделай все так, как я тебя просил.

Они обнимаются, и Мунго уносится вперед. А Сомов в сопровождении стражников из личной охраны Унгерна возвращается назад, к Урге.

СЕВЕР МОНГОЛИИ. Революционная Кяхта – центр красного монгольского правительства.

Мунго в сопровождении трех монгольских красноармейцев с красными звездами на шапках идет по Кяхте, ведет за собой двух коней.

Возле кузни – табун кавалерийских коней. Два громадных, в одних шароварах кузнеца подковывают коней. Им помогает Сухэ Батор, оглядывает лошадей, пробует мышцы, смотрит зубы, без кавалерии в степной войне погибнешь.

Один из красноармейцев проводит Мунго через табун и окликает:

– Сухэ Батор, тебе привезли письмо из Урги.

Сухэ Батор оглянулся, увидел Мунго, улыбнулся ему:

– А, здравствуй, старый знакомый. Здравствуй, Мунго.

– Здравствуй, – ответил Мунго.

– Ты ко мне?

– Нет, я к Сухэ Батору с письмом от императора.

– Ну я и есть Сухэ Батор.

– Нет, ты не тот Сухэ Батор, ты просто Сухэ Батор, а мне нужен Сухэ Батор – вождь красных монголов.

Сухэ Батор усмехнулся:

– Вождь, говоришь?

Смеются красноармейцы. Недоуменно смотрит на них Мунго – в своем командирском наряде с перьями на шапке, в цветном халате, с большим орденом на груди.

– Ну, давай твое письмо.

– Я отдам тебе коня, Сухэ Батор, – сказал Мунго, – я подарю тебе два тугрика за твою доброту, Сухэ Батор, но письмо императора я должен дать в руки вождю Сухэ Батору, а не просто Сухэ Батору – монголу.

Сухэ Батор кивнул:

– Ну, пошли.

И пошли по Кяхте Мунго и Сухэ Батор – в красной рубашке одет, как все, скромно одет, а Мунго разряжен, идет – перья на его шапке раскачиваются в такт шагам. Свернул Сухэ Батор к маленькому домику, у входа – двое охранников взяли под козырек, пропустили Сухэ Батора.

Мунго остановился, будто споткнулся. Он увидел, как Сухэ Батор надел халат с большим орденом Красного Знамени на груди. Мунго опустил на колени и пополз к Сухэ Батору, кланяясь ему и прикасаясь лицом к земле.

Сухэ Батор смеется.

– Знаешь, – говорит он, – когда перед вождем революции падают на колени, это значит, революция кончилась. Ну-ка встань, давай сюда бумагу и садись в кресло – в мягкое.

Он прочитывает послание Богдо Гэгэна и спрашивает Мунго:

– Ты знаешь, что в этом письме?

– Нет.

– Прочти.

– Я не умею.

– Они меня приглашают к себе в гости как брата.

– Не может быть.

– Почему?

– Они убьют тебя. Они твое чучело на улицах колют.

– Ну так что же мне делать – идти или нет?

– Не ходи.

– Как же это так получается: ты у них служишь, их письмо мне привез, а идти не советуешь?

– Я кому угодно служить буду, хоть дьяволу, только бы мне найти Дариму, – тихо, с болью сказал Мунго и виновато улыбнулся Сухэ Батору.

ПОЗДНЯЯ НОЧЬ. Пограничный пункт между РСФСР и красной Монголией, который проходит через Кяхту.

Мунго подходит к русским пограничникам и говорит:

– Мне нужен командир погранотряда.

Молоденький красноармеец говорит:

– Мы все тут командиры. Чего тебе?

– Мне надо пройти к часовщику, который ремонтирует будильники с английским боем «бам, бим, бом».

Молоденький пограничник смеется:

– Ты в Лондон езжай, милок, в Лондон.

Но старший по караулу командир, услышав пароль Мунго, говорит:

– Пойдем.

Он ведет Мунго по ночным улицам, оглядываясь, нет ли кого следом. Подходит к маленькому домику, звонит условным звонком в дверь. Дверь открывает пожилой мужчина в полувоенной форме без знаков отличия. Командир пограничников говорит:

– Товарищ к вам, просит отремонтировать часы с английским боем.

– Прошу вас, – говорит человек, впуская Мунго. Мунго входит в маленький, плохо освещенный кабинет – мягкая плюшевая мебель, голые стены, только маленький портрет Фридриха Энгельса в простенке между окнами.

Мунго передает часовщику старомодную серебряную луковицу.

– Сказали, что вы в них разбираетесь.

Часовщик внимательно посмотрел на Мунго, кивнул головой, взял часы, пошел в другую комнату, бросив на ходу:

– Пожалуйста, отдохните здесь.

Во второй комнате шифровальный аппарат, радиостанция. Это отделение ЧК на границе с Монголией.

Часовщик разбирает серебряные часы. В них шелковка. Часовщик говорит шифровальщикам:

– Это от товарища 974, его пароль.

Шифровальщик берет шелковку, начинает читать:

«Первое. Как я уже сообщал через парижского Простынкина, Унгерн скрывает от всех план выступления. Поэтому я вынужден был внедряться в работу более тщательно и затратно. Армия Унгерна оснащена первоклассным оружием, мощна и мобильна. В ближайшие дни Унгерн выезжает в Харбин на совещание по координации совместного выступления белогвардейцев вдоль всех восточных границ республики.

После того как совещание окончится, я постараюсь вернуться к вам вместе с планом – иначе моя миссия бесполезна.

Второе. Товарищу Сухэ Батору ехать на переговоры с императором ни в коем случае нельзя, это ловушка.

Третье. По предварительным данным, выступление Унгерна нужно ожидать в течение ближайшего месяца. Направление главного удара выяснить не удалось, ради этого остаюсь здесь.

Четвертое. По возможности окажите помощь человеку, который передаст вам эти часы. В лагере интернированных гаминов у офицера, которому принадлежит машина под номером Л-293, – невеста Мунго. Крайне важно помочь этому человеку.

974».

Часовщик потер переносье, попросил шифровальщика:

– Пожалуйста:

«Из Парижа через Харбин к Унгерну выехал генерал Балакирев – непосредственный начальник Сомова по координационному центру. Видимо, в ближайшие дни он появится в Урге. Вам необходимо закончить операцию в течение ближайших пяти-шести дней. Мы со своей стороны примем все меры, чтобы не дать возможности Балакиреву поехать в Ургу из Харбина вместе с Унгерном. Желаем удачи».

И прячет шифровку в часы Сомова.

ЛАГЕРЬ ИНТЕРНИРОВАННЫХ ГАМИНОВ. Это целая улица палаток, разбросавшихся вдоль шоссе-дороги. В темноте солдаты грузят в повозки тюки с вещами. Русский возница наблюдает за погрузкой. Возле него пожилой китайский офицер.

– Эти повозки доведут нас только до границы? – спрашивает он русского.

– Да. Как только вы покинете нашу территорию и перестанете быть интернированными, наши повозки вернутся, – сердито ответил тот.

– А вы что сердитесь? Мы ж пока еще не воюем с вами.

– И не советую, – отвечает русский.

В одной из палаток горит яркий свет: шесть свечей установлены в красивом резном подсвечнике, их тени слабо мерцают сквозь зеленое полотно палатки.

Мунго ползет между палатками, замирая возле каждой, прислушиваясь к тому, что там происходит. Он подползает к той палатке, что освещена изнутри шестью свечами. Слышит голоса, доносящиеся оттуда, вжимается в землю, медленным, кошачьим движением достает из деревянных ножен длинный кинжал, перерезает веревки, крепящие основание палатки к колышкам, врытым в землю.

А в палатке тем временем, на маленькой тахте, – Дарима и офицер. Он подвигается еще ближе к Дариме, обнимает ее, опрокидывает, ищет губами ее рот. И вдруг – какая-то сила поднимает офицера.

Это Мунго поднимает его с земли, бьет по лицу, швыряет в угол палатки.

Офицер скребет ногтями кобуру.

Мунго кричит:

– Дарима! Там кони! Беги!

Девушка выскакивает из палатки, Мунго кидается на офицера, и начинается яростная мужская драка. Свернул Мунго руки офицеру, поднял его, отвел к пологу, приблизил его лицо к своему, долго смотрел на него молча, а потом бросил офицера на столбик, стоявший посреди палатки, – на нем держалось полотно палатки. Успел выскочить Мунго, а палатка обрушилась на офицера, тот, вереща что-то, метался под полотном, стараясь выбраться, а Мунго и Дарима на всем ходу перемахивают через колючую проволоку – и вот уже в Монголии они проносятся через спящую монгольскую Кяхту и скрываются в перелесках.

– ...Мы заявляем решительный протест – бандиты похитили из палатки майора девушку, дайте нам возможность немедленно связаться с Харбином.

– Хорошо. Я доложу своему начальству. Пойдемте.

Кричит офицер-гамин, машет кулаками – и все трое скрываются в темноте.

Ночь. Но уже в том, как зыбок свет луны и как по-окаянному ярки звезды, видится приближающееся утро. Мунго и Дарима едут медленно. Им навстречу попался чей-то громадный табун, и они протискиваются сквозь сотню лошадей. И лошади провожают громадными своими синими глазами Мунго и Дариму.

ХАРБИН. Город в эти дни жил какой-то особой нервической жизнью. По всему чувствовалось – быть большим событиям. Шифровальщики в русском посольстве приняли совершенно секретные депеши государственной важности из Парижа, Лондона, Токио. Антанта не только одобрила план выступления всех белых сил на Востоке, но и обещала самую широкую помощь оружием, деньгами, людскими ресурсами. Через дипломатические каналы Генеральные штабы Японии, Франции и Англии оказали давление на штаб китайского генерала Чжан Цзо Лина с тем, чтобы китайская военщина, правильно поняв действия барона Унгерна, не только не чинила никаких препятствий в борьбе белых сил против ленинской России, но, наоборот, оказывала самую полную, самую дружескую и самую серьезную поддержку белой контрреволюции.

В это утро один за другим к зданию русского посольства подъезжали автомобили, хроникеры делали фотографии атамана Семенова, барона Унгерна, генералов Бакича, Резухина, Балакирева, который только вчера прибыл из Парижа с совершенно секретным посланием и французского Генерального штаба, и русского эмигрантского центра во Франции.

Подъезжали машины с дипломатическим штандартом Японии, Франции, Англии. Бравые казаки у распахнутых дверей посольства, вытянувшись в струнку, поедали глазами и свое и иноземное начальство, провожали всех в большой мраморный зал.

Быстрые рукопожатия, улыбки, переброс ничего не значащими репликами, колючие настороженные взгляды, снова улыбки.

Председательское место занимает Унгерн. Поднимается, картинно замирает в молчании, потом начинает негромко, но очень весомо и жестко излагать свою программу.

– Мы достаточно долго жили эмоциями в восемнадцатом голу. Сейчас двадцать первый. У нас остался последний шанс, поскольку Ленин альтернативой голоду и разрухе выдвинул свою новую экономическую политику. НЭП – главная угроза патриотическому Белому движению. Следовательно, мы имеем сейчас последний шанс, и мы должны его использовать. Господа, желтый цвет, помноженный на белый, дает благородный колер слоновой кости. Теперь, когда план нашего совместного выступления утвержден, когда господа Бакич, Резухин и Семёнов разъезжаются по своим частям, стянутым к красным границам, мы должны еще раз со всей определенностью поблагодарить наших азиатских коллег за помощь, оказанную нам в первый период. Мне нет нужды еще раз объяснять нашим братьям – гаминам, что принятая мною так-

тика панмонголизма не что иное, как разменная тактика, подчиненная основной стратегической идее, и вопрос обычных в такой операции человеческих жертв.

Китайский генерал поднялся и сказал:

– Для нас вопрос человеческих жертв вторичен, как все материальное, ибо для нас вопрос вопросов – это торжество идеи в борьбе против красной заразы. Во имя этого мы готовы на любые жертвы.

Генерал садится. Все аплодируют ему.

– Итак, господа, – говорит Унгерн, – я говорю вам: пора.

Снова все аплодируют. Потом переходят в соседний зал, где столы накрыты а-ля фуршет.

К Унгерну подходит генерал Балакирев.

– Мой дорогой Балакирев, – говорит ему Унгерн, – должен сказать вам, что полковник Сомов произвел на меня самое приятное впечатление. Он солдат. Поначалу, не скрою, я отнесся к нему с известной долей скептицизма. – Унгерн оскалился и закончил: – Как, впрочем, и к вам. Вы едете сегодня со мной?

– К сожалению, барон, в посольстве мне сказали, что послезавтра придет шифровка из Парижа, я вынужден задержаться на два дня.

– Не опоздайте, генерал, на скрижали заносят тех, кто начинает, а не заканчивает.

Балакирев тонко улыбнулся:

– Из всякого правила бывают исключения, барон.

Отошел к столику, положил себе на тарелочку ветчины, сухого сыра.

В это время к Унгерну приблизился генерал гаминов и сказал:

– Барон, у меня к вам личная просьба: в Кяхте, в лагере для интернированных наших войск, ваш эмиссар по имени Мунго похитил приятельницу моего сына.

Унгерн пожал плечами:

– Генерал, вы имеете в виду красных монголов или красных русских?

– Я имел в виду красных русских, только там есть наши интернированные части.

– Генерал, вы ошибаетесь. Я не посылал к красным русским своих эмиссаров. Мой эмиссар Мунго был только у красных монголов. Опять-таки тактика, тактика и еще раз тактика.

Лицо генерала стало непроницаемым, и он сказал:

– Барон, расследование, проведенное моими людьми, исключает ошибку.

– В таком случае я обещаю вам сразу по прибытии немедленно заняться этим вопросом.

Для меня это такая же неожиданность, как и для вас.

Поздняя ночь. К Урге подъезжает Мунго. Крадется по улицам, минуя заставы.

Подъезжает к дому Сомова. Тихонько стучит кнутовищем в окно. В окне – испуганное лицо Вари.

– Сомов дома? – спрашивает Мунго.

Варя скрывается. Через мгновение распахивается дверь. На пороге стоит Сомов. Он улыбается, говорит Мунго:

– Заходи.

Та же ночь. Кабинет Унгерна. Сейчас здесь Унгерн и Ванданов. Унгерн оживленно снимает с себя дорожный френч, надевает просторную рубаху и говорит Ванданову:

– Ну что ж, вроде бы все хорошо, все хорошо. Все готовы, вот-вот выступим. Теперь так: что-то непонятно с этим вашим народным героем, кретином с перьями.

– Мунго, что ли? – говорит Ванданов.

– Да, с ним. Понимаешь, он был у красных. А если он был у красных, если его столько времени нет обратно, то я от этого ничего хорошего не жду. Посему...

Унгерн задумался, закурил трубочку, хмыкнул:

– Помнишь, я тебе говорил про кроссворды? Так вот, представь себе, что дней эдак через пять, в ночь перед наступлением на Россию, глашатаи всей Монголии сообщают народу, что от руки Сухэ Батора пал народный герой Хатан Батор Максаржав.

– Это как?

– Хитер, хитер, а дурак. Где же азиатская сердцевина твоя? У русского ум, у азиата – коварство. Ну, думай, думай, тренируй извилины... Не понял?

Ванданов отрицательно покачал головой. Унгерн остановился перед ним и сказал:

– Так вот что. Сейчас я еду к императору. Ты готовь коней. Завтра утром, самое позднее – ночью, поедешь с новым главкомом Северной армией Хатан Батором к передовым красным позициям.

– Так он же еще пока...

– Будет главкомом, а ты – его заместителем. Пришлю тебе записочку: «Убирайся дома, пора ждать гостей». Это сигнал. Записку сожжешь. Максаржава хлопнешь, забьешь тревогу – мол, красные здесь были, от Сухэ Батора.

– Понял я, – сказал Ванданов, – понял.

– Ну и слава богу.

– Ух и хитер ты, барон. А меня следом за Хатан Батором не отправишь?

– Запомни: только тех помощников убирают с пути, которые умны, во-первых, и пользуются любовью народа, во-вторых.

Унгерн снова улыбнулся непонятно:

– Не обижайся, ты у меня умен, умен, а вот с народной любовью туго – сатрапов-то не любят. Ничего, ничего, погоди, придет время, с тебя для Софийского храма икону прикажу написать. Ну, давай с Богом, собирайся.

КВАРТИРА СОМОВА. Мунго сидит в гостиной, а в маленькой комнатке Сомов сжигает на огне керосиновой лампы шелковку, прячет в карман часы – те, что вернул ему Мунго.

– Варя, – говорит он, – сегодня ночью уходит караван в Харбин. Вы сейчас уедете туда. Здесь вам оставаться больше нельзя ни часу.

Варя отрицательно качает головой. Сомов говорит ей:

– Вам не хочется ехать в Харбин?

Варя снова отрицательно качает головой.

– Вам хочется ехать в Москву?

Варя качает головой.

– В Париж?

– Нет.

– Полноте, – говорит Сомов Вареньке. – Полноте.

Он достает из кармана деньги, оставляет себе немного, остальную пачку протягивает женщине:

– Этого вам хватит для начала. А если защемит и станет очень плохо, в Париже найдете наших торговых представителей и скажете им, что муж ваш Сомов, что он сейчас в Москве и что вы просите дать вам возможность увидеть его. И вам эту возможность дадут. Во всяком случае, если я доберусь до наших.

– А если не доберетесь?

– Вы знаете, я почему-то очень верю, что нужно требовательно, настойчиво в самом себе сохранять, как в Бога, верование в дело. И я считаю, что дело – мы, знаете, затаскали это слово, – дело, это обязательно удача.

– Я как кошка, – говорит Варя, – только мурлыкать еще не начала, боялась все. Как кошка.

Она вздыхает, поднимается, застегивает чемодан.

– На сентиментальность тянет. А раньше была груба ужасно. Дай вам Бог. Я даже не знаю, как зовут вас. И тем не менее – спасибо вам.

Сомов, Мунго и Варя идут по ночной Урге. Они подходят к тому месту, где гортанно кричат караванщики, собираясь в обратный путь на Харбин. Сомов подходит к хозяину каравана, который едет в большом крытом экипаже, и говорит ему:

– Эту даму в Харбине отвезешь в самый центр, к Дзянь Сюа.

Он протягивает караванщику деньги, кладет в экипаж чемодан Вари.

Варя смотрит на него, спрашивает:

– Может быть, вы хотите, чтобы я еще немножко притворилась – ваша жена, уезжаю – плакать надо, целовать. Я могу.

Сомов сильно сжимает ее руку, подводит к экипажу. Помогает сесть.

Караванщик кричит что-то протяжное. Варя высовывается в окошко экипажа, шепчет:

– Спасибо, Сомов, спасибо.

Экипаж трогается с места, скрывается в ночи.

Сомов обернулся к Мунго:

– Тебе в городе оставаться нельзя, сегодня до утра надо уходить. Еще час или два. Пошли к доктору.

Возле дома доктора Сомов попросил Мунго задержаться, а сам вошел в квартиру к Бауриху.

Доктор спал тревожным сном пьяного человека, сжавшись в комочек на широкой тахте. Сомов тронул его за руку. Доктор ошалело завертел головой.

– Кто? Что? Зачем?

– Это я. Док, вы можете послушать меня?

– Не совсем. Голова трещит чудовищно. Дайте-ка мне, милый, скляночку, там спиритус вини ректификатум.

Сомов принес доктору склянку со спиртом, Баурих налил спирт в стакан, выпил, завертел головой, засопел носом.

– Знаете, – сказал он, – если бы на земле не было той сволочи, которая выдумала, как можно из хлеба или сахара гнать спирт, то мир был бы спасен от войн и революций.

– Послушайте, док, – сказал Сомов, – в сейфе у барона, как я узнал сегодня точно, лежат страшные документы о моей жене. Ее трагедия стала достоянием гласности. Вы знали Варю раньше. Только вы можете мне помочь достать все это из сейфа Унгерна.

– Полковник сошел с ума?

– Полковник в своем уме.

– Вы знаете мое отношение к этому истерику, Сомов, но как я смогу помочь вам?

– Очень просто. В какое время вы его колете?

– Четыре раза в день.

– Вечером? Ночью? Утром?

Доктор посмотрел на часы.

– Черт возьми, сколько сейчас по вашим? Эти стоят.

– Сейчас три.

– Он просыпается в пять утра. В пять я его колю, и он начинает работать.

– Ясно. Так вот, вместо наркотика вы ему вкатите снотворное. И все. Только окно перед уходом отворите – то, что во двор выходит.

– Сомов, вы верите в сны?

– Верю.

– Мне снилось, будто черные быки наперегонки по полю гоняют, а поле выложено Врубелем – демоны лежат, руки по-бабьи запрокинули, а лица их все мелком крест-накрест перечеркнуты. К чему это, а?

– В бридж сегодня не играйте, просадите все.

– Когда вы хотите все это делать?

– Сегодня...

Та же ночь, только звезды ярче блещут – дело идет к утру. На приступке домика Унгерна дремлет казак. Он вытягивается по стойке «смирно», когда из дома выходит доктор с маленьким чемоданчиком под мышкой. Провожает доктора глазами, пока тот не скрывается в темноте. Снова садится, тяжело борется с дремотой.

Прокричал петух, второй, третий. Пролаяли собаки, и снова тихо.

К заборчику, окружающему внутренний двор дома Унгерна, подкрадывались две тени.

Это Сомов и Мунго. Сомов перемахивает через забор и ждет мгновение. Потом быстро подходит к окну, бесшумно подтягивается на руках, залезает в комнату.

Унгерн во сне говорит какие-то жаркие, быстрые слова. Сомов осторожно подходит к его одежде, быстро ощупывает карманы, достает связку ключей, подходит к сейфу, отпирает его, достает бумаги, карты, документы. Отходит к столу, на который падает белый лунный свет, открывает папку с грифом «Святая святых», и чуть ниже – «План кампании». В папке – карты с направлением главного удара. И Сомов быстро перерисовывает план. Листает дальше.

На белом листе бумаги донесение:

«Сроки выступления Бакича, Резвухина и Семенова будут переданы послезавтра курьерами. Посол в Пекине Киселев».

Сомов чуть слышно ругается, захлопывает папку, открывает следующую. Там письмо, отстуканное на машинке:

«Бакичу, Семенову и Резвухину. В ближайшие дни будет уничтожен “красными агентами” Хатан Батор Максаржав, что послужит для монгольских частей сигналом к мести. Сроки выступления будем ориентировать, подгоняясь к этому дню».

Сомов изумленно прочитывает документ еще раз. Потом прячет все это в сейф, подходит к окну. Видит, как казак, только что дремавший, сейчас, позевывая, прохаживается по двору взад-вперед. Сомов замер у окна, спрятавшись за занавеску. Ждет.

По-прежнему бредит во сне Унгерн – то шепчет что-то, то жалобно стонет, то закричит вдруг.

Сомов ждет, пока казак отходит в ту сторону, где притаился Мунго, появляется в лунном пролете окна и делает Мунго знак.

Казак поворачивается, чтобы отойти, но в то же мгновение Мунго каким-то акробатическим кошачьим движением перемахивает через забор, и казак плюхается лицом вниз, даже слова не вымолвив.

В те дни в Москве, в Российском телеграфном агентстве – РОСТА, – не спали до утра. В Кремле Ленин несколько раз принимал делегацию красной Монголии. Советники Чичерина в Наркоминделе самым тщательным образом выверяли текст коммюнике: опубликование такого коммюнике в газетах, естественно, вызвало бы взрыв во всей мировой империалистической и эмигрантской белой прессе.

Впервые два руководителя великой и малой страны сидели за столом переговоров, как равный с равным, как братья в великой борьбе за дело освобождения угнетенных. И в Наркоминделе, и в РОСТА, и в Реввоенсовете республики понимали, что опубликование этого сообщения будет как гром среди ясного неба для всех, кто исповедовал право силы.

В эти же дни невидимыми путями пришла в Реввоенсовет республики Складскому шифровка из Монголии: «Положение крайне напряженное, назревают события громадной важности. Прошу передать главкому 5-й армии Уборевичу и главкому Дальневосточной республики Блюхеру, что в ближайшие дни надо ждать чрезвычайно серьезных военных акций. 974».

В ЮРТУ МАКСАРЖАВА ПРОСКАЛЬЗЫВАЕТ МУНГО. Максаржав в юрте один, молится перед бронзовым изображением Будды.

– Хатан Батор, – шепчет Мунго.

Тот недовольно оборачивается. Видит Мунго, и лицо его добреет. Он поднимается с колен, идет к Мунго, здоровается с ним.

Мунго приложил палец к губам:

– Тише. Твой русский друг, твой красный русский друг велел передать, запомни его слова: «В тот час, когда тебя назначат главнокомандующим Северной армией и Ванданова – твоим заместителем, не спускай с Ванданова глаз, он враг тебе».

Максаржав снова опустился перед Буддой на колени, начал молиться. Потом, обернувшись, сказал:

– Как там Сухэ Батор?

Мунго пожал плечами. Продолжая молиться, Хатан Батор спросил:

– Что же ты молчишь?

Мунго снова пожал плечами:

– Что мне говорить? Мало не скажешь, много – не сможешь.

– Хочешь чаю?

– Мне надо уходить из города, Максаржав. Я нашел Дариму.

– Счастливого пути тебе.

– Запомни слова нашего друга, Хатан Батор.

Хатан Батор кивнул головой:

– Ладно, я запомню эти слова.

Мунго мягкой тенью выскочил из юрты.

Хатан Батор снова опустился перед Буддой на колени и стал жарко шептать:

– Пошли спокойствие моему народу, всемогущий, пошли мир монголам.

Хатан Батор поднялся с колен, вышел из юрты. Медленно светало.

Во двор к Хатан Батору въехал на взмыленном коне Ванданов с пятью охранниками, он соскочил с коня, поклонился Хатан Батору и протянул ему свиток.

– От императора, – сказал он.

– Что это? – спросил Максаржав.

– Приказ о твоём назначении Верховным главнокомандующим Северной группой войск.

– А кто поедет со мной туда?

– Твоим заместителем назначен я, твой друг и раб.

– Когда нужно ехать?

– Сейчас. Кони ждут.

КОРИДОР ШТАБА УНГЕРНА ПРОНИЗАН СОЛНЦЕМ. Раскланиваясь со встречающимися офицерами, по коридору идет Сомов. Он спрашивает одного из штабистов:

– Что у вас здесь, как на Пасху, не протолкнешься?

– Пришло несколько машин из Пекина.

– А генерал Балакирев разве не приехал?

– Нет, он на легковой, видимо, – послезавтра.

– А Унгерн один? Он меня что-то вызывал?

– Да, барон один.

Сомов входит к Унгерну.

– Ваше превосходительство, вы просили меня?

Унгерн потер руку, сказал:

– Просил. Собственно, вызывал. Но не будем субординаторами – просил, Сомов, просил. Хорошие вести из Харбина. Прекрасные вести из Парижа. Запад зашевелился. Надолго ли хватит? Но тем не менее. Так вот, милейший, Ванданов у меня умница и душенька, но в военном деле он понимает столько же, сколько я в прободении кишечника. Вот вам письмецо к Ванданову, передайте ему, и, если по обстановке, которую вы сможете оценить без особого труда, придется командовать Северной группой войск, вы будете ею командовать.

– Но ведь там Максаржав.

– Арта эла герра, дес де фуэра – всякое может быть.

Унгерн протянул Сомову запечатанный сургучом конверт. Тот спрятал его в нагрудный карман, козырнул и вышел.

КВАРТИРА СОМОВА. Сомов, взломав сургучную печать, вскрыл конверт, читает письмо:

«Двадцать пятого убирайся в доме, пора ждать гостей. В тот же день начинай».

Сомов быстро глянул на календарь. На листке была выведена цифра – 19. Сомов хлопнул рука об руку:

– Теперь можно уходить, порядок!

Он быстро сжигает бумаги, просматривает свои вещи – не оставить бы чего в карманах, сует в задний карман брюк плоский пистолет, в подсумок кладет несколько гранат и выходит.

Во дворе он отвязывает от коновязи коня, вскакивает в седло и пускает коня по улицам.

Он видит, как в Ургу вступают запыленные части казачьих войск. Он видит, как тянется по улицам артиллерия, и медленно едет навстречу этим колоннам войск.

На борту одной из тачанок написано: «Даешь Иркутск!»

Сомов едет неторопливо, чуть улыбаясь.

Проезжает мимо штаба и не замечает, что у подъезда стоит запыленный открытый «линкольн». Из ворот штаба выскакивает дежурный офицер и кричит:

– Господин полковник, барон вас обыскался...

– В чем дело? Я сейчас занят, позже можно?

– Барон очень просил, на две минуты.

Сомов спрыгнул с седла, привязал коней и пошел через большой мощный двор к штабу.

А в кабинете Унгерна в большом кресле сидит генерал Балакирев. Унгерн кивает на мощный двор, через который идет Сомов, и говорит:

– Ну вот, порадитесь, – ваш любимец.

Балакирев смотрит во двор, равнодушно оглядывает Сомова и спрашивает:

– Кто это?

– То есть – как кто? Полковник Сомов.

– В таком случае вы – Александр Федорович Керенский, – сказал Балакирев.

Унгерн даже обмяк в кресле. Потом открыл ящик стола, вытащил пистолет, спрятал под папку с бумагами.

– Не называйте свою фамилию, – быстро проговорил Унгерн, – я вас представляю как генерала Кудиярова из Владивостока.

Входит Сомов, кланяется Унгерну, кланяется генералу.

– Прошу вас, полковник, знакомьтесь – генерал Кудияров из Владивостока.

– Сомов.

– Очень приятно.

– Садитесь, батенька, – кивает Унгерн на кресло.

Сомов садится в кресло, закидывает ногу на ногу, любезно улыбаясь, спрашивает:

– Барон, вы требовали меня к себе, я пришел.

– Скажите, пожалуйста, полковник, – говорит Унгерн, – вам с генералом Балакиревым не приходилось встречаться? Он на днях должен сюда прибыть.

– Генерал Балакирев – мой непосредственный начальник.

– Будьте любезны, полковник, где конверт? Я запомнил дописать там пару строчек.

Сомов резанул глазами Унгерна и генерала, сидящего напротив. Сработало все – вспомнил портрет Балакирева.

– Пакет дома, ваше превосходительство, – отвечает он, чуть склонив голову. А руки его, незаметно опустившись, открывают дверцы клеток, где сидят орлы. – Я могу съездить за пакетом сию минуту и вернуться.

– Ну полно, что ж вас гонять? Вестовые есть.

И Унгерн, достав из-под папки пистолет, направил его на Сомова.

– Вестовые есть, полковник, – повторил он. – Руки держать на столе! – вдруг визгливо закричал Унгерн. – На столе держать руки!

А в это время громадный орел вырвался из клетки. Затрещали крылья. Отшатнулся Унгерн. Вскочил с кресла генерал Балакирев.

Второй орел выскочил. Сел на стол, размахивает крыльями. Тонко кричит Унгерн.

Сомов, схватив генерала Балакирева, прикрываясь им, пятится к двери. Грохот выстрела. Орел, обмякнув, падает на стол.

Сомов открывает дверь, швыряет Балакирева перед собой. Генерал падает на пол, Сомов несется по коридору, расталкивает встречающих военных.

И возле самой двери, когда, казалось, еще секунда – и Сомов будет на свободе, какой-то маленький офицерик вытянул мысок, Сомов споткнулся и растянулся на полу. На него бросились сразу несколько человек, скрутили руки, подняли – бьют кулаками в лицо, рвут френч, дергают за волосы. Унгерн протолкался сквозь толпу, смотрит, как избивают Сомова, жадно глядит ему в глаза, наблюдает за тем, как ведет себя Сомов.

– Стоп, – медленно говорит он, – побежденный враг уже не враг, отведите его ко мне.

... Унгерн сидит в кресле напротив Сомова. Руки Сомова в наручниках. На столике перед Унгерном зеленый чай. Унгерн наливает чай в маленькие фарфоровые чашки.

– Угощайтесь, – предлагает он Сомову, – чаек отменно хорош.

– Благодарю, – Сомов кивнул на свои связанные руки, – но я пока еще не овладел тайной циркового мастерства.

– Я вас сам угощу, сам...

Унгерн сел на краешек кресла, совсем рядом с Сомовым, поднес к его рту чашечку, подождал, пока Сомов сделал несколько глотков, участливо глядя на него.

– Не горяч?

– Нет... Вполне...

– Как вы нелепо попались-то, а?

– Не говорите...

– Не ждали Балакирева?

– Почему? Ждал...

– Будем в открытую или придумали себе историю?

– А вы как думаете? Мне интересен, в общем-то, ваш опыт. Как бы вы поступили?

– Вы с моим досье знакомы?

– У вас занятное досье. Мы в Берлине им интересовались.

– Хотите выдать себя за агента Берлина? – спросил по-немецки Унгерн.

– А почему бы нет, – тоже по-немецки ответил Сомов. – Почему нет.

– Концы с концами не сходятся. Я не Берлину интересен, я интересен Москве. Политический деятель интересен только тому, кому он угрожает. Еще чаю?

– С удовольствием.

– Прошу вас. Выпейте, а я буду говорить. Хорошо? Так вот, милейший мой, спасти вас может только одно: ваша работа как двойного агента.

– Я в эти игры не играю, барон.

– Салтыкова-Щедрина знаете?

– Я его люблю.

– Так вот, по Салтыкову – русский народ все сожрет, только б не на лопате... Ради идеи можно погибать, но во имя этого народа, право, смешно. Я обращаюсь к вашему разуму интеллигента. Чем страшнее народ, тем тоньше интеллигенция в этом народе. Правда за мной, дружище, правда за моей позицией: поверьте, это выстрадано. Я сделаю страну, в которой миллион элиты будет подтвержден ста миллионами концлагерных рабочих. И этот миллион элиты принесет в мир новый Рим и новые Афины, новое Возрождение, новый Ренессанс. Я отдам часть будущего сияния, которым благородный мир окружит мою элиту тем, кто подтверждал работу мысли работой рук в концентрационных лагерях. Следовательно, вся нация будет осиянна, вся. Это моя мечта, я живу мечтой, но не честолюбием. А долг интеллигента – поддерживать мечтателя. Ну как? А в довершение ко всему вы храбрый солдат, я ценю храбрость в интеллигенте, это редчайшее качество. Поэтому я предлагаю вам должность начальника моей политической разведки.

– Заманчиво.

– Согласны?

– А почему бы нет?

– Сейчас я вызову стенографиста, и вы продиктуете ему все про ваших прежних руководителей и расскажете про вашу работу здесь. Да?

Сомов отрицательно покачал головой, откинулся на спинку кресла, закрыл глаза:

– Скорее кончайте, барон. Я здесь был один, так что надеяться мне не на что. Кончайте по-джентльменски, без зверства.

– Я вас пальцем не трону. Но с природой я не в силах состязаться. Подойдите к окну, пожалуйста.

Сомов и Унгерн подошли к окну, Унгерн взял бинокль, приладил его, приложил к глазам Сомова.

– Нет, нет, правее смотрите. Это крыша тюрьмы.

И Сомов увидел окровавленные лица людей, потрескавшиеся губы, вывалившиеся языки, волдыри на голых телах.

– Сорок три градуса показывает термометр, а на солнцепеке будет пятьдесят пять. Континентальный климат. А? Что делать, дружище? Будете диктовать здесь, или придется подумывать под солнцем. А?

Едет по дороге все выше и выше в горы Мунго. Останавливается, оглядывается на город, поднимает к глазам бинокль, смотрит ургинские улицы, задерживается на штабе, видит большой «линкольн» возле подъезда, потом переводит бинокль дальше и охает: прямо перед ним окровавленное лицо Сомова на крыше тюрьмы.

Мунго, надвинув на глаза лисью шапку, подъехал к «линкольну», подошел к шоферу и сказал:

– Друг, у меня две девочки есть... Съездим... Тут рядом...

– Давай, давай отмазывай отсюда, – лениво ответил шофер, разморенный жарой.

– Одна блондинка, другая черненькая, – продолжает Мунго, осторожно присаживаясь рядом с шофером.

Тот свирепо глянул на Мунго и осекся: в ребра ему уперся маузер.

– Пристрелю, – сказал Мунго шепотом. – Буддой клянусь! Езжай.

Шофер включил мотор, тронул машину. Мунго свистнул коню, тот побежал следом.

Несется «линкольн» к тюрьме, навстречу машине выскакивают стражники, на всем ходу «линкольн» врывается в толпу стражников. Мунго палит в остальных, которые в ужасе разбегаются, машина тормозит возле стены, Мунго кричит:

– Прыгай, Сомов, прыгай вниз!

А Сомов лежит, обгоревший, и медленно ползет к краю крыши – еле-еле двигается, а уж стреляют где-то, визжат казаки, слышно конское ржанье.

– Ну! – кричит Мунго. – Скорей, Сомов!

Он успел заметить, как шофер тянется к ручке, чтобы выпрыгнуть из машины. Мунго ударяет шофера рукоятью маузера, кричит:

– Пристрелю! Сидеть!

Подполз к краю крыши Сомов, и здесь силы оставили его, Мунго подтянулся к нему, ухватил его за шею, Сомов громко застонал. Мунго сбросил его в машину, крикнул:

– Гони!

И начинается погоня казаков за машиной. Мунго отстреливается.

Сомов почти без сознания лежит на заднем сиденье. И вдруг машина начинает выделывать восьмерки – вот-вот перевернется. Мунго оборачивается к шоферу, а тот лежит на руле с простреленной головой.

– Сомов! – кричит Мунго. – Сомов! Его убили, Сомов!

Машину разворачивает и несет обратно на преследователей.

– Сомов! Сомов!

– Помоги мне, – хрипит Сомов.

И Мунго перетаскивает его на переднее сиденье. Сомов берется за руль распухшими, обожженными пальцами, плачет от боли, матерится, шепчет что-то окровавленными губами, а Мунго стоит рядом с ним, широко расставив ноги, и выборочно стреляет в преследователей.

Отстает постепенно погоня. Несется вперед машина. Кипит вода в радиаторе.

ЮРТА СТАРИКА, У КОТОРОГО ОСТАЛАСЬ ДАРИМА. Хлещет яростный дождь. Грохочет гром. Зеленые молнии высвечивают низкое небо, затянутое причудливыми белыми тучами.

Мунго вносит в юрту Сомова, кладет его на кошму, говорит:

– Старик, молись за него. Дарима, вари травы дамбасу. Он обожжен до костей.

– Мунго, – тихо говорит Сомов, – возвращайся поближе к Урге. Будь тенью Унгерна. Ходи по ночам следом за ним, не отставай от их армии, все время иди следом верстах в трех – пяти, чтоб тебя могли найти мои люди, если понадобится. Ты отвечаешь за Унгерна, он нужен нам... Дарима, ну-ка покажись мне, – вдруг мягко улыбнулся Сомов.

Девушка смущенно закрылась рукавом. Сомов закрыл глаза, вздохнул и прошептал:

– Пусть старик помолится, чтобы завтра утром я смог встать...

Мунго отвел Дариму к котлу, в котором кипели травы, и, прислушиваясь к медленному песнопению старика, стоявшего перед трехглазым Буддой, говорил невесте:

– Дарима, старик даст коней, ты должна завтра отвезти Сомова к Хатан Батору Максаржаву, он возле Кобдо. Ты знаешь дорогу туда. Мимо синей реки. Там вы смените коней в юрте у Дугаржава. Потом пойдешь дальше, через Рысю падь, и там сменишь коней, в юрте Ценде. Потом вы пройдете еще полночи и смените коней у охотника Цевена. Ты запомнила, Дарима?

– Я запомнила, Мунго.

А Мунго вышел из юрты, исчез в крошечной темноте...

ЛАГЕРЬ СЕВЕРНЫХ ВОЙСК. Хлещет дождь, заливая лагерь. Запали щеки у Сомова, заострился нос, на лбу шрамы от ожогов. Он обнимает Дариму, говорит ей:

– Девочка, спасибо тебе. Возвращайся к Мунго, скажи ему: за ним Унгерн. Он поймет.

Палатка Хатан Батора Максаржава. Хатан Батор спит. В палатку входит Сомов, подбрасывает в очаг аргала. Вспыхнувшее пламя высвечивает его лицо, черные круги под глазами. Он зачерпывает из котла холодного чая, неотрывно выпивает громадную кружку.

Хатан Батор чуть приоткрыл глаза, наблюдает за ним. Лезет под подушку, достает маузер, спускает предохранитель, прячет маузер под одеяло.

Сомов подходит к спящему Максаржаву, садится на табуретку. С его одежды капает вода. Он тихо говорит:

– Хатан Батор, проснись.

Максаржав спрашивает его, не открывая глаз:

– Кто ты?

– Это долго объяснять. Я друг тебе. Я пришел с приветом от Мунго.

– Почему я должен тебе верить? Ты – Сомов, полковник из штаба Унгерна.

– Если бы я был полковником Унгерна, я бы пришел сначала к Ванданову, а не к тебе. Барон приказал убить тебя завтра утром, двадцать пятого, в месяц большой курицы одиннадцатого года, многими возведенного.

– Почему я должен тебе верить? – снова спросил Максаржав.

– Максаржав, вспомни, что тебе говорил Мунго. Он говорил тебе: «В тот час, когда тебя назначат главнокомандующим Северной армией, а Ванданова твоим заместителем, не спускай с Ванданова глаз, он враг тебе».

Максаржав быстро глянул на Сомова. В лице его что-то дрогнуло, и он улыбнулся:

– Значит, завтра, говоришь? – спросил он.

– Да.

– Ну что ж, если утро должно принадлежать им, то ночь-то ведь наша.

Хатан Батор хлопнул в ладоши. Из-за перегородки в юрту вошел высокий парень.

– Это мой сын, – сказал Максаржав. – Он проводит тебя к красным.

– Вот это, – он написал что-то по-монгольски, – ты отдашь Сухэ Батору, – сказал он сыну. – А ты своим, – продолжал он, глядя на Сомова, – скажешь: завтра над Северным войском Максаржава будет развеиваться красный флаг Сухэ Батора. Пусть шлют помощь, один я не продержусь, одного меня Унгерн сломит, но вместе мы сломим его.

МАЛЕНЬКАЯ КОМНАТА ЧАСОВЩИКА В КЯХТЕ. Натяжно звонит звонок. Часовщик отпирает дверь, и в комнату вваливается Сомов. Он секунду стоит на пороге, а потом как подкошенный падает.

– Завтра, – прошептал он, – утром.

Достал листок бумаги, положил рядом с собой в лужу, которая стекает с его одежды.

– А теперь – спать.

ЯРКОЕ, ОСЛЕПИТЕЛЬНОЕ СОЛНЦЕ. Полощут по ветру багряные стяги русской и монгольской революции.

Горн разрезает пронзительным боевым призывом тысячные колонны всадников. Атака, атака, конная атака! Сверкают клинки, тонким свистом гонят врага монгольские конники, лавина несется с гор, лавина монгольских всадников, словно вся Монголия поднялась под знамена Сухэ Батора против Унгерна.

Бегут унгерновские войска, бросают технику, сдаются в плен.

Унгерн с монгольской сотней, полосуюя нагайками всякого, кто боится вступить в бурную реку, заставляет людей переправляться вплавь. Тонут люди, гибнут люди. Ржут кони, захлебываясь в яростном потоке воды.

На тот берег, скрывшись от преследования, выбралась всего половина. Мокрые, яростно ругающиеся, скрываются в синем сосновом бору.

ВЕЧЕР. Лагерь Унгерна в горах. Возле костров сушатся солдаты. Тихо ропщут люди возле костров:

– Вандижанцана казаки расстреляли с внуками...

– А Харцкая повесили...

– Надо к Сухэ Батору идти сдаваться...

– Как животные, в лесах гнием...

– Моего брата шомполами забили...

И не думают люди, что к их словам так жадно прислушиваются: Мунго, старый борец Ванган и Дарима, спрятавшиеся в кустарнике возле ручья.

Палатка Унгерна. Унгерн лежит на кошме – желтый, высохший, Усы обвисли, лицо то и дело сводит судорогой. Возле него – доктор. Унгерн шепчет:

– Ну, доктор, где же? Колите! Не могу!

– У меня кончились ампулы.

– Что?!

– Я запасался на победу, а не на бегство... Здесь нет аптек, барон.

– Что?! – визгливо спрашивает Унгерн, хватая доктора за отвороты френча. – Что?! Сволочь! Сволочь! Ну, миленький, ну, хороший, я молю тебя, уколи меня, а?

– Я пойду, – сказал доктор. – Не могу больше. Я был с вами, барон, я долго был с вами, но я не могу больше, я уйду.

– Доктор, ну что вы, доктор! Простите меня, доктор, только будьте со мной, доктор! Я же не могу один, доктор, я совсем не могу один.

Доктор отрицательно качает головой:

– Нет, я пойду. Я пойду. Медицина может принимать все, кроме бессмыслицы, я пойду, барон.

Он медленно и понуро идет к выходу.

Унгерн достает из-под кошмы пистолет и стреляет ему в спину.

Открывается дверь юрты Унгерна, шлепается на землю тело доктора, в ужасе вскакивает с кошмы Унгерн. Входит в палатку Ванган.

– Он полз к красным, – говорит Ванган. – Он хотел сказать, где ты стоишь лагерем. Я привез его тебе.

Унгерн медленно приближается к доктору, трогает его носком сапога, поднимает глаза на Вангана, хватая его за руки:

– Ты сам пришел ко мне, сам?! Побудь со мной. Что тебе нужно, я все тебе дам, только побудь со мной. Я спать не могу один, я спать не могу. Побудь здесь, я досплю. Вот, сядь у полога. Смотри ты, какой здоровый, тебе ничего не страшно. Сядь, а я посплю.

Ванган садится у входа в палатку и говорит:

– Ну, спи.

Унгерн снова подходит к нему, заглядывает в лицо, щупает его лицо пальцами, будто слепой. Потом отходит на кошму, заворачивается в шинель и засыпает.

Тихо в лагере, только какая-то неведомая птица вдруг прокричала.

Ванган вышел из юрты и ответил таким же длинным и таинственным, протяжным криком.

РАННЕЕ УТРО. Выстроились всадники. Возле Унгерна на коне Ванган. Унгерн говорит:
– Братья, вы доверяли мне, и Бог воздаст вам сторицей за веру вашу. Никто из красных не знает, где мы. Горы велики, наш дух силен.

Вдруг он замолкает, потому что из кустарников медленно, бросив поводья, выезжает на коне Мунго. Унгерн сначала ничего не понимает. Потом смотрит на Вангана. Достает из-за пазухи маузер, вскидывает его, направляет на Мунго – и – сухой треск, нет выстрела. Еще раз нажимает курок Унгерн, и снова нет выстрела. Еще и еще раз.

И вдруг спокойно, с каким-то чистым, старческим мудрым презрением начинает смеяться Ванган.

– Вязать его, что ли? – спрашивает он Мунго.

Унгерн дает шпоры своему коню.

Несется барон сквозь кустарник. Ванган пускается следом. Мунго кричит всадникам:

– Ну?! Будем так стоять, когда убегает тот, кто погубил старика Вандижанцана и заporол шомполами брата Давсана?

Срывается с места тот всадник Давсан, который ночью говорил о брате. Следом за ним – все.

Несутся Ванган и Унгерн. Ванган снимает с руки лассо и ловко швыряет его. Падает конь Унгерна, попав ногой в петлю. Летит на землю Унгерн; спрыгивает с седла Ванган – яростно дерется с Унгерном, – это его последний бой, – валит барона, вяжет его, бросает поперек седла, как пушинку, и спрашивает:

– Куда его везти, Мунго?

Мунго, не отрывая взгляда от Унгерна, говорит:

– На север, к красным. К Сомову.

Дарима тихо спрашивает:

– Мунго, а кто он такой, этот Сомов?

А Мунго, наблюдая за тем, как Ванган вяжет руки Унгерна, который окаменел и лицо его сделалось серо-пепельным, отвечает:

– Брат.

Улан-Батор, Монголия

Шифровка для Блюхера

Пьеса в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ВАСИЛИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ БЛЮХЕР – министр обороны Дальневосточной республики

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ ПОСТЫШЕВ – комиссар Восточного фронта

МАКСИМ МАКСИМОВИЧ ИСАЕВ, он же ВСЕВОЛОД ВЛАДИМИРОВ
ЧЕН

ВАНЮШИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ – журналист

МЕРКУЛОВ – премьер белого правительства

МЕРКУЛОВ-МЛАДШИЙ – министр

САШЕНЬКА ГАВРИЛИНА

ГИАЦИНТОВ – начальник контрразведки

ФРИВЕЙСКИЙ – секретарь премьера

СЕМЕНОВ – казачий атаман

ГАВРИЛИН – профессор

МАША – цыганка

ЦЫГАН

КНЯЗЬ МОРДВИНОВ – резидент белых

ГРЖИМАЛЬСКИЙ – генерал

НАЧРАЗВЕДОТДЕЛА ПОТАПОВ

ПЕРВЫЙ ГЕНЕРАЛ

ВТОРОЙ ГЕНЕРАЛ

ИЦУВАМО – начальник разведки Японии

ТАЧИБАНА – японский генерал

ШИВУРА – японский консул

АППОЛИНЕР – жокей ЛЯЛЯ

КЛАРК – американский журналист

НОРС – американский консул в Чите

СЛЕСАРЬ – агент контрразведки

КОЛЬКА – анархист

ШРЕЙБЕР, ПРОСКУНЯКОВ, председательствующий, меньшевик – члены кабинета министров ДВР

ЧЕКИСТЫ, КАЗАКИ, АДЪЮТАНТЫ, КОНТРРАЗВЕДЧИКИ БЕЛЫХ, ОФИЦЕРЫ, БОЙЦЫ, БАБЫ, МУЖИКИ, ОХРАННИКИ, ПОЛОВОЙ.

Действие первое

Картина первая

Сцена должна быть разделена на три части: пусть это деление сцены каждый постановщик решает по-своему. Смысл этого деления заключается в следующем: правая часть сцены принадлежит Блюхеру и всем остальным эпизодам, связанным с ним. Левая сторона – это сцены у белых: в ресторане «Версаль», в контрразведке, на охотничьей заимке. А центр сцены – рельсы, уходящие в Москву, символизируют значение Дальнего Востока в 1921 году. Здесь, в центре,

на фоне рельсов, будут разыгрываться массовые сцены. Но – повторяю – все это может быть решено каждым постановщиком по-своему. Сейчас в центре сцены, взяв под козырек, стоит БЛЮХЕР, глядя в зрительный зал. Он провожает глазами войска, которые проходят перед ним под звуки духового оркестра. Рядом с ним стоит ИСАЕВ, один из помощников Дзержинского.

БЛЮХЕР. Позорище. Один полк гоняют – я ж вижу. В третьей роте маленький солдатик каждый раз на тумбу налетает.

ИСАЕВ. Зато громко приветствуют нового главкома и министра Дальневосточной республики Блюхера.

БЛЮХЕР. У меня в горле эти приветствия стоят. Терпеть не могу показного молодечества. А вон еще мой заместитель принес текст, с которым я должен обратиться к бойцам. Полюбуйся. Сплошное ура, вперед и да здравствует! Все могу понять, но как можно врать людям в глаза – никак уразуметь не могу... И песни-то своей нет, слышишь – царские марши шпарят.

Оркестр смолк. Слышны отрывистые крики команд.

БЛЮХЕР делает шаг к рампе. Слышен рев приветствий: «Слава Блюхеру! Ура!»

Партия говорит: революция – это правда! Только тот народ, который знает всю, пусть даже самую горькую правду – непобедим! Во Владивостоке произошел контрреволюционный переворот! Там организовано белое правительство братьев Меркуловых под защитой японо-американских штыков! Белые оснащены до зубов! Наш двадцать первый год будет решающим годом: победит революция на всей территории России или погибнет.

Рев голосов: «Победит!»

Криком победу не завоеешь! От каждого бойца, от каждого командира я потребую максимальной самоотдачи, полного подчинения нашему делу. Меньше пустой болтовни, больше учебы! Меньше криков о победе – и – да здравствует работа во имя победы!

Гремит оркестр. БЛЮХЕР и ИСАЕВ идут через сцену в кабинет Блюхера. Входит АДЪЮТАНТ.

АДЪЮТАНТ. Гражданин Блюхер, к вам – начальник разведки штаба Потапов.

БЛЮХЕР. Да.

АДЪЮТАНТ уходит. Появляется начальник разведотдела штаба ПОТАПОВ.

ПОТАПОВ. Гражданин военный министр, вот мой рапорт.

БЛЮХЕР. Сначала введите меня в курс последних дел.

ПОТАПОВ. Я прошу принять рапорт.

БЛЮХЕР. Пожалуйста.

ПОТАПОВ. Прошу уволить меня из рядов армии, потому что таковой в Дальневосточной республике в настоящее время нет!

БЛЮХЕР. Еще что?

ПОТАПОВ. Это все.

БЛЮХЕР. Не знал, что начальник разведотдела штаба армии – трус.

ПОТАПОВ. У меня три солдатских Георгия, Красное Знамя и золотое оружие от Фрунзе.

БЛЮХЕР. Тем более.

ПОТАПОВ. Я не считаю возможным пререкания с министром.

БЛЮХЕР. И правильно поступаете. Мне совестно за вас.

ПОТАПОВ. А мне совестно за тех, кто вас назначил Главкомом несуществующей армии!

БЛЮХЕР. Сюда меня направил Ленин...

ПОТАПОВ. Я не трус! Но армии действительно нет! Снарядов нет! Лошадей нет! Кадровых военных нет! Если белые ударят вместе с японцами – мы покатымся до Москвы!

БЛЮХЕР. Только давайте без истерики! Ладно? Начнем с последнего. Вы говорите, что в штабах нет кадровых военных. Я в Москве выяснил, что здесь живут несколько генералов бывшего Генштаба. Отчего они не вызваны?

ПОТАПОВ. Их считают гнидами и недобитками.

БЛЮХЕР. Недобитков пригласите ко мне. День и час согласуем особо.

ПОТАПОВ. Я выполню ваше приказание, но прошу принять мою отставку.

БЛЮХЕР. Вы знаете, кто первым бежит с корабля?

ПОТАПОВ. Крысы. Но вы опустили определение – с какого корабля?

БЛЮХЕР. С тонущего.

ПОТАПОВ. Наконец я услышал первое слово правды о нашем сегодняшнем положении!

БЛЮХЕР (*срывается с места, подбегает к большой, во всю стену, карте*). Да! Да! Во Владивостоке громадные соединения белых, японцев, казаков, американцев! В Маньчжурии белые банды, в Монголии – белые. Атаман Семенов собирается сюда из Токио, Врангель – из Парижа! Да – тонущий корабль, тонущий! Но есть две категории людей: одни – забиваются в щели или бегут прочь, а другие дерутся до последнего! Я отношу себя к последним! Давайте ваш рапорт! Я выпишу вам лежащую плацкарту – бегите! Только золотое оружие в панике не забудьте! Выменяете у спекулянтов на сало!

ПОТАПОВ. Вы не смеете говорить так, я прошел каторгу. Я пять лет дрался за революцию. Я готов погибнуть за наше дело – только зазря неохота.

БЛЮХЕР. Простите меня, если я был резок. Я говорил вам правду.

ПОТАПОВ. Такой правдой можно уничтожить.

БЛЮХЕР. То, что можно уничтожить правдой, – не существует.

ПОТАПОВ. Как вы сказали?

БЛЮХЕР. То, что можно уничтожить правдой, – не существует. И хватит словесных упражнений. Будет. Доложите нам лучше, что вам известно о плане белых: сроки выступления против нас, направление главного удара, численность войск.

ПОТАПОВ. План кампании у генерала Молчанова, белого главкома. Доступ к нему имеют только начальник разведки полковник Гиацинтов, премьер Меркулов и его брат, министр иностранных дел. Мы бессильны тут что-либо сделать.

БЛЮХЕР. Познакомьтесь, этот товарищ из Москвы, от Дзержинского, уходит к белым.

ИСАЕВ и ПОТАПОВ обмениваются рукопожатием.

Сева, ты посмотрел эти материалы о белых?

ИСАЕВ. Там масса благоглупостей и сплетен. В донесениях пишут, что белые офицеры – болваны и кретины, Гиацинтов – глупый трус, японцы – хуже баранов, американцы – доживающие последний день империалисты. Если Меркуловы кретины, то мы, следовательно, кретины еще больше – кому Владивосток проиграли?! Если полковник разведки Гиацинтов – трусливый глупец, то почему он схватил почти все наше подполье?! Ужасно я зло принимаю фанфаронство и напыщенное коммунистическое чванство. Только одно интересное сообщение из всех, что секретарь Меркулова, господин Фривейский, – уголовный преступник. Да и то надо проверять... Так что прости за злость.

БЛЮХЕР. Ничего, это куда как облегчает... Сева, у нас на тебя главная надежда. Скоро будем воевать, очень скоро. Ссорь их, сталкивай лбами, мешай им объединяться – во Владивосток, по агентурным данным, из Токио рвется атаман Семенов, а это сила казачья, не давай им превращаться в монолитную силу, но главное, самое главное – это план их зимней кампа-

нии. Тогда я с малыми силами смогу хоть как-то обеспечить оборону. Иначе нас сомнут, Сева. Итак: план их наступления, разъединение белых сил и зондаж в японских кругах: возможны ли переговоры. Но повторяю: самое главное – их план.

ПОТАПОВ. Вам будет интересно узнать: во Владивосток прибыл писатель и владелец газеты Ванюшин – мозг Белого движения.

ИСАЕВ. Я уже знаю. Мы с ним были друзьями... Как-то теперь свидимся...

Входит адъютант.

АДЪЮТАНТ. Гражданин министр, к вам журналист из Токио.

БЛЮХЕР. Здесь вторая дверь. Ну... До встречи. Свяznego своего от меня обними. И с Гиацинтовым – осторожно, хитер дьявол...

Исаев уходит из кабинета через вторую дверь. В открытые окна кабинета несется медленный перезвон колоколов.

ПОТАПОВ. Все за упокой да за упокой... Когда же во здравие ударят?

Картина вторая

Контрразведка белых. Здесь полковник ГИАЦИНТОВ и князь МОРДВИНОВ.

ГИАЦИНТОВ. Юрочка, князь, плюньте на все это, право. Вас непременно у красных схватят и шлепнут в чекистском подвале.

МОРДВИНОВ. И это мне говорит полковник Гиацинтов! Чтобы сохранить себя, белую демократию, свободу – надо драться.

ГИАЦИНТОВ. В России истинную демократию можно создать и сохранить только нагайкой и пулей. Иначе наш народец демократию прожрет, пропьет и проспиг.

МОРДВИНОВ. Перестаньте, Кирилл, это цинизм.

ГИАЦИНТОВ. Отчего это всегда считается в России цинизмом умение смотреть правде в глаза?

МОРДВИНОВ. Можно подумать, что вы меня пригласили для того, чтобы отговаривать...

ГИАЦИНТОВ. Ну что ж? Я испробовал все пути. Имейте в виду: я и мои люди играем в жмурки со смертью. Итак, князь, сейчас моим противником номер один становится Василий Блюхер, назначенный после нашей победы военным министром в Читу. Вы должны будете сделать все, чтобы не допустить кадровиков в его армию. Необходимо оставить красных с их быдлом. Без кадровых военных они нам противостоять не смогут. С красным быдлом у меня работают анархисты. Скоро в тылу у Блюхера вспыхнут анархистские бунты. Но это – помимо вас. Вы просто услышите отзвуки паники у красных – нет ничего труднее, как победить русскую стихийную анархию. Не помогайте вы, не надо. Занимайтесь одним: готовьте уничтожение Блюхера! Откровенно говоря, в случае, если вас схватят при попытке ликвидировать Блюхера, – вас ничто не спасет. Если вас схватят случайно, давайте чекистам показания, что вы – раскаявшийся связник, который был отправлен мной на встречу с руководителем белого подполья в Чите к генералу Гржимальскому.

МОРДВИНОВ. Неужели Гржимальский тоже наш?

ГИАЦИНТОВ. Увы. Нет.

МОРДВИНОВ. Тогда это подлость!

ГИАЦИНТОВ. Если вы пришли к нам, князь, вам придется пересмотреть прежние понятия подлости.

МОРДВИНОВ. У вас голос, как у актера, с модуляциями.

ГИАЦИНТОВ. Так понятно: мы тоже лицедеи, только без зрителей. Иной раз такой бенефис разыгрываешь, чтоб кого надо уломать, – боже мой! Может, останемся тут, в «Версале»? Скоро съедутся лучшие люди города, станем кутить.

МОРДВИНОВ. Кто приедет?

ГИАЦИНТОВ. Редактор «Вечерней газеты» Ванюшин, профессор Гаврилин с Сашенькой, секретарь премьера Фривейский.

МОРДВИНОВ. Гаврилинская дочка, по-моему, стихи пишет.

ГИАЦИНТОВ. Да. Ее издали в Париже. Талант. Едем.

МОРДВИНОВ. Ненавижу русские кабаки.

ГИАЦИНТОВ. Напрасно. Кабак – лучший барометр истинного положения в государстве. Наш народец в кабаке после подпития, словно тетерев на току, про осторожность забывает, все свое нутро вываливает, пташечка моя. Ну, я пошел...

Картина третья

Ресторан «Версаль». Входит ПОЛОВОЙ. Он быстро прибирает стол. В отдельном кабинете появляется ИСАЕВ. Он – подчеркнуто франтоват.

ПОЛОВОЙ. Ваш сиясь, пожалте за махонький столик к окошку, большой занят-с. Сей момент вам накрою к ужину...

ИСАЕВ садится лицом к окну, спиной к большому столу. Появляются ВАНЮШИН, САШЕНЬКА и ее отец, профессор ГАВРИЛИН.

ВАНЮШИН. Друзья, мы накануне великой победы! У меня сейчас такое веселое настроение, что все время хочется жрать водку. Зараза, сучий змей!

ГАВРИЛИН. Когда вы начнете браниться по «Толковому словарю» Даля – предупредите меня, я уведу дочь.

ВАНЮШИН. Сашуля, папа – ханжа! Гаврилин, ваша дочь – единственная одаренная поэтесса, ей не надо бояться жизненных гримас! Я учусь русскому языку, читая матерные надписи на заборах!

ГАВРИЛИН. К чему эта бравада, Николай Иванович?

ВАНЮШИН. Любил барин нотации читать!

ГАВРИЛИН. Я читаю нотации только лакеям, если подают пересушенное мясо вроде этого.

ВАНЮШИН. А вот я мяса никому не подаю, а все равно – лакей! Газеты в России нужны только ожиревшим меценатам, на десерт к сладкому. Я им печатное слово и поставляю!

САШЕНЬКА. А интеллигенция?

ВАНЮШИН. Сашенька, наша интеллигенция похожа на существо с большой головой, но без рук! И с языком. Болтать можем, а делать – нет. И другу на ухо шептать о том, что плохо, и спиваться помаленьку.

САШЕНЬКА. Вам бы застрелиться.

ВАНЮШИН. Ха-ха! Я хочу жрать кислород – единственное, что человеку отпускают бесплатно!

В отдельный кабинет врывается пьяный казачий ОФИЦЕР/ В руке у него горн. Он стоит, раскачиваясь.

ГАВРИЛИН. Что вам угодно?

ОФИЦЕР. Попеть хочу.

ОФИЦЕР горнит кавалерийский марш.

ВАНЮШИН. Вы, случаем, не Бетховен?

ОФИЦЕР. Я те, сука, покажу Бетховена!

ОФИЦЕР идет к столу и ударяет по нему горном.

Вста-ать всем! Пойте за мной «На Дерибасовской открылася пивная! Там собиралася компания блатная!»

ВАНЮШИН. Вон отсюда, хам!

ОФИЦЕР начинает доставать пистолет из кобуры. Тогда ИСАЕВ, сидевший за отдельным столиком, быстро подходит к офицеру, вырывает у него из руки револьвер и бьет в ухо. ОФИЦЕР падает, что-то кричит. Вбегают два половых и уводят ОФИЦЕРА.

Господи, или я сошел с ума! Исаев? Максим Максимович! Откуда вы? Мы считали вас погибшим! Господа, это Исаев, мы вместе работали в пресс-группе Колчака! Откуда?

ИСАЕВ. Только-только из Берлина.

ВАНЮШИН. Кому служите?

ИСАЕВ. Идее.

ВАНЮШИН. Идеи идеями, а жрать тоже надо. С этой минуты вы служите в моей газете обозревателем. Знакомьтесь, господа, это наш друг.

ИСАЕВ обходит всех. Здоровается, повторяя: «Исаев, очень приятно. Исаев. Очень рад».

ГАВРИЛИН. Вот как в наше время делаются дела.

Входит секретарь премьера ФРИВЕЙСКИЙ.

САШЕНЬКА. И перемежайте свои будущие статьи сообщениями о бегах, тогда вас полюбит самый могущественный вельможа – секретарь премьера Фривейский.

ФРИВЕЙСКИЙ. Сашенька, вы без ярости ничего не можете. Разваливается голова, мечтаю о кофе.

ВАНЮШИН. Знакомьтесь.

ИСАЕВ. Очень приятно. Исаев.

ФРИВЕЙСКИЙ. Фривейский. Вы тоже лошадаик? Обожаю бега. Обожаю. Но это не от корысти, во всем виновата Анна Каренина.

Появляется ЧЕН – лощеный мужчина, похожий на корейца.

ВАНЮШИН. А вот и спекулянт. Присаживайтесь, Чен?

ЧЕН молча кланяется и садится за стол.

САШЕНЬКА. Кони, кони, бесы, люди. Николай Иванович, вы обещали меня в чумные бараки сводить. Я слышала, чумные в бреду всю правду говорят. И про себя тоже. А мы все вокруг правды ходим-бродим, а к ней никогда не придем. Мы только себя любим, а правда, она не любит болтовни вроде нашей. Она предпочитает либо молчание, либо действие.

ИСАЕВ. Я как раз собираюсь в чумные бараки.

ЧЕН. Чумных сжигают по ночам на шпалах. Там много золота – зубы и обручальные кольца...

ИСАЕВ. Спекулянты везде прелестны рациональной непосредственностью.

САШЕНЬКА. Зачем вы так? Чен – безвредное существо.

ИСАЕВ. По-моему, подонок, у него все бриолиновое, брр, какая пакость.

Вбегает ПОЛОВОЙ.

ПОЛОВОЙ. Господа! Сюда направляется министр иностранных дел господин Меркулов-младший.

МЕРКУЛОВ-МЛАДШИЙ стремительно входит. Общий поклон.

Хмуро садится к столу возле Ванюшина, пьет, ковыряет вилкой паштет, снова пьет.

МЕРКУЛОВ-МЛАДШИЙ. Господа, только что в порт вошел атаман Семенов. В городе бесчинствует группа пьяных офицеров из его конвоя. Он расклеил афишки по городу за подписью: «Верховный главнокомандующий всеми белыми силами России». То есть нас, законную власть, – плечиком, плечиком – и по борту.

ВАНЮШИН. Где премьер?

МЕРКУЛОВ-МЛАДШИЙ. Брат сейчас заперся у себя и молится. Едем к нему, Ванюшин! Ты наш спаситель, мы в тебя веруем.

ВАНЮШИН. Разумнее верить в Бога, но тем не менее – едем. Я, когда под банкой, сообщаю хорошо.

ВАНЮШИН, МЕРКУЛОВ и ФРИВЕЙСКИЙ уходят.

САШЕНЬКА. Позвоните мне, Исаев. Пойдем к чумным.

САШЕНЬКА и ГАВРИЛИН уходят. Остаются ИСАЕВ и ЧЕН, Внезапно гаснет свет, ПОЛОВОЙ приносит свечу.

ИСАЕВ. Ах, спекулянт, спекулянт. Кругом – ужас, а вы торгуете, кровушкой закусываете?

ЧЕН. Запиваю. Закусываю анчоусами. И хоть я спекулянт, но обидчив.

В кабинет входит цыганка МАША, за ней идет жокей АППОЛИНЕР, которого все зовут ЛЯЛЯ, а в двери картинно замирает ЦЫГАН с гитарой. МАША стоит возле окна и поет песню. ЧЕН наливает Ляле водку, и тот мигом выпивает ее. Когда МАША кончила песню, ЦЫГАН запел.

ИСАЕВ. Кто это?

ЧЕН. Это – Маша, а это – жокей Ляля, он сейчас в запое.

ЛЯЛЯ. Не я в запое, а жизнь в запое. Сейчас такая жизнь пошла, что крестьянину и коню нет счастья под солнцем.

МАША. Хочешь, погадаю?

ИСАЕВ. Что тихо говоришь?

МАША. А – хорошо мне. Чисто. Ты не хватаешь вроде других, и глаз у тебя человеческий, а не как у быка.

ИСАЕВ. Ах ты, нежная моя. Обижают?

МАША. Нет. А может, да. Ты позволь мне в тебя влюбиться?

ИСАЕВ. Давай лучше я тебе погадаю, ждет тебя, Машенька, дальняя дорога, молодой удалец и тройка добрых коней. Кони, как люди, – умные, только добрей, они сами вас понесут ото всех подальше – с бубенцами и ветром.

МАША. Слушай, красивый, тебе смерть в глаза смотрит, я знаю, я в висках дрожь чувствую, когда тебя слушаю. Ты берегись, ты старика берегись усатого, он тебя погубит, смертной мукой изведет.

МАША уходит.

ЛЯЛЯ. Слушайте, юноша, я люблю эту девочку...

ИСАЕВ. Правильно делаете.

ЛЯЛЯ. Не в этом суть. Просто вы первый, кто говорил с ней, как с человеком. Так вот запомните, юноша: я сон видел, будто моя Раганда большой приз возьмет на бегах. Имейте в виду, с этой ночи у вас есть друг на конюшне. Я то бишь.

Картина четвертая

Раннее утро. В кабинете «Версаля» атаман СЕМЕНОВ, премьер-министр СПИРИДОН МЕРКУЛОВ и его брат, МЕРКУЛОВ-МЛАДШИЙ, министр иностранных дел.

МЕРКУЛОВ. Я как премьер белой России рад приветствовать вас, атаман Семенов, здесь, на островке свободной земли. Сразу после того, как вы сообразовите выставить свою кандидатуру на выборы в Народное собрание и если пройдете при голосовании, мое правительство предложит вам соответствующий портфель в нашем кабинете.

СЕМЕНОВ. И где это ты, господин премьер, выучился таким сучьим оборотам?

МЕРКУЛОВ-МЛАДШИЙ. Только грубить зачем? Это в казацком войске надо, по пьянке, а у нас нужно все трезво рассматривать.

СЕМЕНОВ. Трезво?! Ничего себе трезвость, когда Россия поругана красным антихристом, а вы ни мычите ни телитесь! Поднимать надо народ на борьбу! Изничтожать красную гиену!

МЕРКУЛОВ. Чтобы выступление было эффективным, надо пообвыкнуть. Надо получить максимум у японцев и американцев, поднять бунты в красном тылу, вооружить армию, еще раз проверить план нашей кампании, чтобы не вышло конфуза, как у Деникина или Колчака. Так что погодите, атаман, погодите!

СЕМЕНОВ. А чего годить? У красных голод. Поволжье вымирает, на Тамбовщине – Антонов, в Польше – Савинков. У Блюхера нет кадровой армии, резервов нет. Дорого яичко к Христову дню. Если сами боитесь выступать, уступите место другим!

МЕРКУЛОВ-МЛАДШИЙ. Григорий Михайлович, а зачем ты множественное число применяешь, коли себя одного имеешь в виду?

СЕМЕНОВ. И-и, на кой мне власть-то? Мне в борьбе с большевиками любая должность хороша, не то что некоторым.

МЕРКУЛОВ. Любая? Ловлю на слове: назначаю тебя командиром кавалерийской дивизии.

СЕМЕНОВ. Да идите вы все, знаете, куда?!

Хлопнув дверь, СЕМЕНОВ уходит. В кабинет сразу же входит ФРИВЕЙСКИЙ.

ФРИВЕЙСКИЙ. Вопросы представителей прессы. «Ассошиэйтед Пресс» интересуются, как проходят переговоры.

МЕРКУЛОВ. В духе братства и взаимопонимания.

ФРИВЕЙСКИЙ. «Франс Пресс»: не могут ли переговоры быть прерваны?

МЕРКУЛОВ. Пусть эту мечту лелеют красные кровопийцы.

ФРИВЕЙСКИЙ. Семенов дает интервью в соседнем зале, Спиридон Дионисьевич. Представитель «Берлинер нахрихтен» сказал мне, что Семенов сдержан в оценках.

МЕРКУЛОВ-МЛАДШИЙ. А ты скажи берлинцу, что военному человеку к лицу сдержанность.

МЕРКУЛОВ. Коля, давай обсудим план дальнейших переговоров.

МЕРКУЛОВ и ФРИВЕЙСКИЙ продолжают о чем-то тихо говорить. Свет, освещающий их, становится зыбким и слабым. В то же время высвечивается яркими прожекторами просцениум. Сюда выбегают несколько журналистов с фотоаппаратами, магниевыми лампами. Они о чем-то быстро говорят по-английски и по-французски. Вместе с ними – ИСАЕВ. Появляется ЧЕН.

ИСАЕВ. Ого, я вижу, спекулянты тоже интересуются ходом переговоров?

ЧЕН. А почему бы нет? Исход переговоров скажется на курсе биржи.

ИСАЕВ. Хотите заработать? Купите эту бумажку, она стоит тысячу долларов, продайте американским журналистам.

ЧЕН (прочитав бумагу). Плачу сто.

ИСАЕВ. Бросьте. Полтысячи и ни цента меньше.

ЧЕН. Двести пятьдесят – последнее слово.

ИСАЕВ. Будьте вы прокляты. Держите.

ИСАЕВ уходит. ЧЕН подходит к американскому журналисту КЛАРКУ.

ЧЕН. Привет американской прессе!

КЛАРК. Привет выдающемуся жулику.

ЧЕН. Это тоже должность. У вас есть с собой три тысячи долларов?

КЛАРК. У меня есть с собой чековая книжка, это дороже.

ЧЕН. Выпишите чек на три тысячи.

КЛАРК. Пятсот. Что у вас есть? Меха? Женьшень?

ЧЕН. Деньги на бочку.

КЛАРК. Можно подумать, что я вас хоть раз обманывал.

ЧЕН. Тоже справедливо. Держите.

КЛАРК (*читает*). «Я, атаман Семенов, обращаюсь к тебе, народ русский! С болью в сердце я вижу, что здешние мягкотелые правители медлят и не зовут вас на борьбу! Посему я объявляю их свергнутыми и беру на себя вою полноту власти!» Ну что ж... Это сенсация...

ЧЕН. Деньги.

КЛАРК выписывает чек и сразу уходит, журналисты расходятся кто куда. Свет на просцениуме гаснет. Все ярче освещается стол, за которым сидят МЕРКУЛОВЫ. Здесь сейчас ВАНЮШИН.

МЕРКУЛОВ. Все-таки придется отдать Семенову портфель военного министра.

МЕРКУЛОВ-МЛАДШИЙ. Боюсь, что это – единственный шанс уломать старого козла.

Входит ФРИВЕЙСКИЙ.

Ванюшин, надо давать сегодня комментарий – «Бой за монолитность нашу выигран».

ВАНЮШИН. Ну что ж... Если так – через полгода будем в Москве.

Входит японский генерал ТАЧИБАНА.

ТАЧИБАНА. Господа, вы слышали заявление Семенова?

МЕРКУЛОВ. Оно еще не сделано им, генерал.

ТАЧИБАНА. Оно уже сделано для американцев. Он объявил вас низложенными.

МЕРКУЛОВ-МЛАДШИЙ. Ванюшин, что делать?

ТАЧИБАНА. Главное – не горячиться. Сейчас пригласим атамана и вместе постараемся все урегулировать, мне непонятна столь быстрая смена настроений у Семенова. Это – загадочное заявление.

МЕРКУЛОВ-МЛАДШИЙ. Никаких регулировок! Ванюшин, давайте в газету сообщение об аресте атамана.

ТАЧИБАНА. Если вы не договоритесь с Семеновым, мне будет трудно помогать вам дальше.

МЕРКУЛОВ. Как прикажете понять?

ТАЧИБАНА. Понять это просто. Мы можем помогать только реальной, единой силой.

МЕРКУЛОВ. Фривейский, узнай, где атаман.

ФРИВЕЙСКИЙ уходит.

Попытка – не пытка, хотя данная попытка – настоящая пытка для нас.

ТАЧИБАНА. Это – мудрый акт.

Возвращается ФРИВЕЙСКИЙ.

ФРИВЕЙСКИЙ. Атаман уехал к себе на пароход.

МЕРКУЛОВ-МЛАДШИЙ. А что, ежели он свои войска собирает?

МЕРКУЛОВ. Переговоры прерваны не по нашей вине! Семенов – вне закона. Компромисс невозможен.

МЕРКУЛОВ и ФРИВЕЙСКИЙ уходят.

ТАЧИБАНА. Господин Ванюшин, мы – тихая нация, мы мало говорим, но поступаем по закону здравомыслия. В такой ситуации нам будет глупо отказываться от переговоров с красными, ибо в стане наших друзей начинается разброд.

ТАЧИБАНА уходит. ВАНЮШИН остается один и бурчит под нос ругательства. В кабинет осторожно заглядывает ИСАЕВ.

ИСАЕВ. Николай Иванович, стенографистка прибыла.

ВАНЮШИН. Пошлите ее к черту.

ИСАЕВ. Заманчивый маршрут.

ВАНЮШИН. Зря смеетесь. Все не так радостно, как казалось утром.

ИСАЕВ. Обойдемся с Божьей помощью.

ВАНЮШИН. Дело сложнее, чем вы думаете. Боюсь, что японцы могут начать тур вальса с красными. Одна надежда: красные станут в позу: мол, с империалистами не желаем разговаривать. Они любят эдакие детские фразочки. А если согласятся на переговоры с японцами – трудно нам будет, трудно. Едем в офис, будем думать, как обмануть Блюхера.

Картина пятая

Кабинет военного министра ДВР БЛЮХЕРА в Чите. Сейчас в кабинете БЛЮХЕР и японский консул ШИВУРА.

ШИВУРА. Позволит ли господин русский министр, самый молодой военный министр в мире, оторвать несколько мгновений его драгоценного времени?

БЛЮХЕР. Позволит, чего там...

ШИВУРА. Весьма благодарен. Направляясь к вам, я не уставая восторгался восхитительной красотой читинского неба, чуть тронутого отблесками ранней зари, а потому похожего на гравюры мастеров позднего Ши-Чжу-синя.

БЛЮХЕР. Не согласен, милый Шивура. Мастера эпохи позднего Ши-Чжу-синя любили писать воду, особенно морские заливы, причем при закате солнца. Сегодняшняя утренняя заря скорее похожа на живопись мастеров школы Намато.

ШИВУРА. Мой дорогой министр, я потрясен вашей эрудицией.

БЛЮХЕР. Мы эдак не выцарапаемся из обоюдных комплиментов. С чем пожаловали, валяйте начистоту.

ШИВУРА. Наша концепция – это концепция разумного и выгодного мира. В том случае, если ваше правительство, измученное войной, захочет найти почву для переговоров с правительством божественного Микадо, все сдвинется с мертвой точки.

Появляется АДЪЮТАНТ.

АДЪЮТАНТ. К вам американский консул Норс.

ШИВУРА. Мерзавец, жена отказала ему от дома.

БЛЮХЕР. Просите.

ШИВУРА. Господин министр, нельзя же так! Надо с глазу на глаз!

Входит НОРС.

НОРС. Здравствуйте, мистер Блюхер.

ШИВУРА. О мой дорогой Норс, я счастлив вас видеть, жена сердится, вы совсем забыли ее!

НОРС. Я ее всегда помню.

БЛЮХЕР. Как я погляжу, американские дипломаты весьма ревнуют своих японских коллег.

ШИВУРА. Ну что вы, мы такие друзья.

НОРС. Да, неразливанные, как говорят в России. Мистер Блюхер, я пришел просить вас о милости.

БЛЮХЕР. Пожалуйста.

НОРС. Моя дача находится в Березах, а там ваше артиллерийское ведомство открыло полигон. Бесконечная стрельба... Поверьте, большей неприятности трудно представить.

БЛЮХЕР. Большие неприятности не бывают продолжительными, а малые не заслуживают того, чтобы обращать на них внимание.

ШИВУРА. Прекрасно сказано. Честь имею откланяться.

БЛЮХЕР. Куда же вы заторопились, господин Шивура? Я еще вам не ответил.

ШИВУРА. Позже, позже поговорим, до свиданья, до свиданья...

БЛЮХЕР. Ну зачем же откладывать в долгий ящик?

НОРС. Как это поется: «Петушок, петушок, золотой гребешок!»

ШИВУРА. Мой милый Норс, у нас как раз был разговор, напоминающий по своей трепетности объяснение влюбленных петушка и курочки.

БЛЮХЕР. Занятно – кто из нас петушок, а кто курочка?

НОРС. Обожаю подслушивать чужие секреты.

БЛЮХЕР. Профессия у вас такая.

НОРС. Плохих профессий нет, мистер Блюхер.

БЛЮХЕР. Разумно. Так вот, дорогой Шивура, мое правительство радо сообщить вам, что ваши предложения о начале мирных переговоров между ДВР и Японией приняты нами и в ближайшие дни наша делегация будет готова выехать в то место, которое мы согласуем по дипломатическим каналам. Всего хорошего, господа!

НОРС и ШИВУРА уходят.

А теперь пусть у вас перья летят, петушки и курочки. Ну, будет сейчас драка у дипломатов!

Центр сцены. Рельсы, уходящие в Москву, длинный стол. Идет заседание правительства ДВР в Чите.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Друзья, мы собрали заседание кабинета Дальневосточной республики по крайне важному вопросу – о мирных переговорах с Японией. Поэтому я призываю вас соблюдать сдержанность в дискуссии. Мнения могут разделиться – я понимаю и народного социалиста Шрейбера, и товарищей левых эсеров, и моего коллегу Блюхера. Прошу.

ШРЕЙБЕР. От имени фракции народных социалистов я требую, чтобы Блюхер выступил с обоснованием своей точки зрения.

БЛЮХЕР. Я подожду. Мне важнее пока вас послушать.

ПРОСКУНЯКОВ. Позвольте? Я считаю, что абсолютно правы те эсеры и народные социалисты, которые в самой категорической форме выступают против переговоров в Токио. Я как левый большевик поддерживаю моих коллег по кабинету. Вести революционную пропаганду – с одной стороны, и садиться за стол переговоров с теми, против кого агитируешь, – с другой стороны, – есть не что иное, как проституирование и беспринципность! Этот вопрос я беру в общем, так сказать, государственном срезе.

МЕНЬШЕВИК. А в партийном? Как в партийном?

ПРОСКУНЯКОВ. Я не собираюсь ни с кем сводить счеты в момент, который по своей позорности близок к Бресту. Ребенок, который видит, как его отец, только что получивший плевков в лицо, вместо пощечины оскорбителю начинает снимать пылинки с его плечиков, навсегда и отныне потеряет любовь к такому отцу и веру в него.

БЛЮХЕР. Даже Достоевский такой темы не брался решать, быть может, наоборот, ребенок поймет всю трудность положения и поможет отцу пережить ужас оскорбления.

ПРОСКУНЯКОВ. Политика – не арена для литературных упражнений! Перестаньте жонглировать терминами! Я присоединяюсь к тем, кто выступает против переговоров с Японией и кто требует войны с нею!

БЛЮХЕР. Или вы демагог, или – в лучшем случае – неумный человек!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Я призываю всех к спокойствию.

ШРЕЙБЕР. Великолепный образчик новоявленного барства! Дубина, которая в равной степени бьет и правого, и неправого. А главное – ищущего! Ищущий, да убоись дубины Блюхера! Не смей высказывать суждения о тех, кто надругался над твоей родиной! Не моги думать! Повторяй догмы – это лучший образчик патриотизма! Я всегда был противником Проскуняка! Сегодня я стал его союзником! Повторяю, мне противна идея переговоров с желтыми! Запад есть Запад, Восток есть Восток! Я – против переговоров! Я – за продолжение войны!

БЛЮХЕР. Браво! Слышишь, Проскуняков, народники поняли тебя, большевика!

Слышны протяжные паровозные гудки. **БЛЮХЕР** отходит на край сцены, туда, где, возможно, было *окно*, тень от окна, солнечный луч. Останавливается и долго смотрит туда откуда доносятся паровозные гудки – тревожные и надсадные.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Что там такое? Закрыть окно надо...

БЛЮХЕР. От этого не уйдешь... Голодающих детишек с Поволжья привезли... Вон, серенькие все... Рученьки, как спички...

ПРОСКУНЯКОВ. Я лучше погибну в атаке, чем буду жить в тепле и холе, связанный договором с Японией.

БЛЮХЕР. По-видимому, самый страшный вид демагогии – это искренняя демагогия.

ШРЕЙБЕР. Не говорите терминами заклинателя змей! Я требую, чтобы вопрос о мире был поставлен на голосование!

БЛЮХЕР. Патриотизм всепобеждающ, когда он вооружен. А у нас во всех забайкальских дивизиях – двадцать семь лошадей. Вам понятно, что это такое? Крестьянин доведен до полного нищенства, лошадей нет, кавалерии, таким образом, тоже, орудия без конной тяги – мертвы. А криком сейчас много не навоюешь, пушка нужна. Это раз! Восемьдесят процентов наших бойцов подлежат демобилизации по возрасту – два. В Госбанке для нужд армии нет денег – три! В пехоте на семерых одна винтовка – четыре. Постышев передает, что в нашем тылу начали ворочаться анархисты, – пять! Тиф пожирает армию, страшный сыпняк – шесть! И вы хотите, чтобы я в таких условиях повел армию на фронт? Это ж будет продуманное, бессердечное убийство десятков тысяч людей, русских людей – понимаете вы это или нет? До тех пор, пока я не получу оружия, коней, денег, до тех пор, пока мои командиры не организуют войска так, как им надлежит быть организованными, – я пойду на любые, самые унижительные переговоры с кем угодно! Вы трещите фразами о любви к Родине, а расплачиваться кровью за эти ваши фразы должны мужики?! Рабочие?! Отказываться сейчас от переговоров – это не просто безумие. Это глупость либо это коварное преступление! Я прошу голосовать вопрос о войне и мире!

Ревут паровозные гудки, слышен протяжный бабий вопль и детский надрывный плач...

Картина шестая

Владивосток. Кабинет Меркулова. Сейчас здесь премьер **МЕРКУЛОВ** и американский журналист **КЛАРК**.

КЛАРК. Прежде всего, господин премьер, позвольте мне поблагодарить вас за этот прекрасный, истинно русский обед.

МЕРКУЛОВ. Это мы закусываем, обедать в Москве будем.

КЛАРК. Постучите о дерево, это наша примета. Мистер Меркулов, после того, как ваши японские союзнички вступили в контакт с красными, группа сенаторов попросила меня – совершенно доверительно, зондажно, если хотите, – узнать: каковы возможные акции вашего правительства после этого обычного азиатского вероломства? Нас интересует теоретическая сторона вопроса.

МЕРКУЛОВ. Теория – это хреновина с морковиной, Кларк. Тыфу и растереть – вот и вся эта самая жидовская теория. Нас, купцов, практика волнует. Маяк – он чем ценен? Тем, что в одном направлении мигает. А вы Колчаку мигали-мигали, а потом, как ударили красные посильней, взяли и ушли.

КЛАРК. Нас интересует будущее, мистер Меркулов. По нашим сведениям, Блюхер работает дни и ночи, он достал оружие, он получает помощь от Ленина. Это все очень серьезно.

Мы все думаем, что они бессильны, а они крепнут день ото дня. Как вы думаете противостоять красным? Когда начнете наступление против них?

МЕРКУЛОВ. Бросьте, миленький мой, хорошенький Кларк. Хитрите – так хитро. Вас волнует сейчас, как бы я пошагал плечиком-плечиком да с Дальнего Востока обратно к ним на острова, а здесь обосноваться.

КЛАРК. Мистер Меркулов, вам следовало родиться американцем, мы умеем ценить юмор.

МЕРКУЛОВ. Как бы мне американцем не пришлось стать. Сколько оружия-то дадите?

КЛАРК. Этот вопрос, а также проблема танков и аэропланов находится в прямой связи с тем, какова будет ваша официальная позиция в дальнейшем.

МЕРКУЛОВ. Не иначе, как совместную декларацию имеете в виду? Чтоб япошатки мои заурчали? Ладно, я все обдумую. Теперь: мне надо твердо знать, чего хотите вы?

КЛАРК. Только справедливости...

МЕРКУЛОВ. Бросьте... Это вы для дамочек приберегите. Скорее всего, вас интересует передача Штатам Камчатки и Сахалина. Узнайте точно цену, гарантии, условия. И лично для меня: какие из ваших фирм заключат со мной договор на торговлю лесом, чесучой и трепангами.

КЛАРК. Я запрошу Вашингтон сегодня же.

МЕРКУЛОВ. Ступай с богом, миленький, ступай с богом.

КЛАРК уходит. Появляется ФРИВЕЙСКИЙ.

ФРИВЕЙСКИЙ. Генерал Тачибана.

МЕРКУЛОВ. Не приму.

ФРИВЕЙСКИЙ. Он видел, как от вас вышел Кларк.

МЕРКУЛОВ. Скажи, что я занемог сердечным биением.

ФРИВЕЙСКИЙ. Я немедленно вызываю вашего врача.

МЕРКУЛОВ. Это жалким будет, будто мы боимся, оттого и выкозюливаем. Откажи в глаза. И Гиацинтова пригласи. А главком Молчанов пушай в резиденцию приедет с планчиком своим.

ФРИВЕЙСКИЙ выходит. МЕРКУЛОВ наливает себе воды, выпивает лекарство. Входит ГИАЦИНТОВ.

Получаешь задачу громадной значимости.

ГИАЦИНТОВ. Почту за честь.

МЕРКУЛОВ. Не надувайся, ты не индюк, а жандарм.

ГИАЦИНТОВ. Это рядом.

МЕРКУЛОВ. Шутки все шутишь, кровопийца. Так вот: к началу переговоров красных с японцами в Дайрене надо устроить сюрприз. Красным военным руководителем делегации будет некто Блюхер. Сильный парнишка. Так вот: его в Дайрене надобно и оставить. Сие – конец переговорам: за это морду бьют, а к тому времени и я с американцев уже все и вышежу. Ты Ванюшина осторожно к этому подготовь, чтоб он первым затрубил. Только осторожно, он острого не любит, он идеи любит, чтоб чисто все было, без крови...

ГИАЦИНТОВ. Я выполню ваше задание. Князь Мордвинов уже в Дайрене.

МЕРКУЛОВ. Хорошо. Теперь: у тебя все детали по плану кампании с Молчановым урегулированы?

ГИАЦИНТОВ. Почти. Видимо, Дайренские переговоры определяют дату выступления?

МЕРКУЛОВ. Я определяю. Понял? Я.

Штаб Блюхера. Эпизод происходит в центре сцены, на фоне рельсов, уходящих в Москву. Несколько столов, за которыми сидят шифровальщики. БЛЮХЕР в галифе и толстом джемпере сидит, ссутулившись, опустив голову на ладони.

ПЕРВЫЙ ШИФРОВАЛЬЩИК. Концентрация белых войск в районе Соловьевки продолжает расти угрожающими темпами. Прибыла артиллерия, огневые точки расположены в километре от нашей границы.

ВТОРОЙ ШИФРОВАЛЬЩИК. Банды белоказаков отправились в рейд, пропущенные китайскими властями в тыл к красным частям. Предполагают, что направление рейда – Чита. Цель: внезапный удар в тыл, когда начнутся основные операции на фронте.

ТРЕТИЙ ШИФРОВАЛЬЩИК. Реввоенсовет республики не в состоянии в настоящее время перебросить войсковые соединения на помощь народно-революционной армии ДВР в связи с крайне напряженным положением на западных границах РСФСР.

БЛЮХЕР (*вскочив со стула*). Черт возьми, где ж Исаев?! Где Исаев?

ПЕРВЫЙ ШИФРОВАЛЬЩИК. От товарища Исаева никаких шифровок не поступало.

БЛЮХЕР. Это ужас. Я жду его шифровки каждый день... Каждую минуту...

Входит начальник разведотдела ПОТАПОВ.

ПОТАПОВ. Ничего?

БЛЮХЕР. Ничего.

ПОТАПОВ. Боюсь, что через месяц его шифровка нам уже не потребуется.

БЛЮХЕР. Слушайте, дружище, у меня и так настроение похоронное... Так что не стоит быть таким прорицателем, а? О чем же он там думает?! Что он там делает? Почему молчит?

ПОТАПОВ. Может быть, мне пойти к нему?

БЛЮХЕР. Рано. Пока еще рано. Пожалуйста, зашифруйте: «Все сроки проходят. Немедленно любыми способами осуществите операцию “План”». Передайте немедленно.

ПОТАПОВ. Ложитесь спать, Василий Константинович, уже утро.

БЛЮХЕР. Будь оно проклято, это утро. Мне сейчас все время хочется, чтобы продолжалась бесконечная ночь: ночью войны не начинают, кавалерия с пути собьется... Каждое утро я жду сообщения о начале, каждое утро. Ладно. Пошли ко мне. Там один буржуй пришел – этикету учить меня на Дайренских переговорах. До свиданья, товарищи...

БЛЮХЕР идет через всю сцену в свой кабинет. Там за богато сервированным столом его ждет человек в визитке. Это – УЧИТЕЛЬ хороших манер.

УЧИТЕЛЬ. Доброе утро, гражданин министр.

БЛЮХЕР. Доброе утро.

УЧИТЕЛЬ. Прошу начать. Итак, мы остановились с вами на званом обеде. Вилку – вот эту, большую, а не маленькую, для фруктов, надо брать легко, кистью. Это – искусство – красиво держаться за столом. Повторите мой жест, пожалуйста.

БЛЮХЕР. Так?

УЧИТЕЛЬ. Нет-нет, мягче. Не жмите на вилку. Теперь гостю. Осторожно с тарелкой, она ваш союзник, но не враг. Вот-так, уже хорошо, очень хорошо. Ешьте непосредственно, не глядите на еду.

БЛЮХЕР. Так картошка вкусная.

УЧИТЕЛЬ. Это не важно. Еда – не суть, важен разговор за едой.

БЛЮХЕР. Это точно.

УЧИТЕЛЬ. Если вы так будете налегать на тарелку, она сколется.

БЛЮХЕР. Это ни к чему.

УЧИТЕЛЬ. Не пыжьтесь, не пыжьтесь, больше непосредственности.

БЛЮХЕР. Как тут не пыжиться, когда на брюки каплет.

УЧИТЕЛЬ. Каплет оттого, что пыжиться. А ну, расслабьтесь! Совсем расслабьтесь! Вот так.

БЛЮХЕР. Вы сами-то закусите. А то, верно, зло вас берет на меня смотреть.

УЧИТЕЛЬ. Весьма благодарен. (*Жадно ест.*) А теперь очистите яблоко. Это хорошо. Кожуру не ешьте, это не принято.

БЛЮХЕР. Витамины в ней.

УЧИТЕЛЬ. Ничего не могу поделать – кожуру не едят. А теперь налейте вина даме слева. Нет. Обязательно правой рукой. Согните ее в локте. Хорошо. И улыбайтесь, улыбайтесь, все время улыбайтесь.

БЛЮХЕР. Это с набитым-то ртом?

УЧИТЕЛЬ. А вы помногу не заглатывайте.

БЛЮХЕР. А вон вы поскольку глотаете...

УЧИТЕЛЬ. Я же не на приеме у дипломатов. И не вздумайте цыкнуть зубом, это шокинг.

БЛЮХЕР. Не буду. Спасибо вам, учитель.

УЧИТЕЛЬ. Мы еще не отрабатывали ритуал поклонов и улыбок.

БЛЮХЕР. Завтра, ладно?

УЧИТЕЛЬ. Честь имею кланяться.

БЛЮХЕР. Спасибо. До свиданья.

УЧИТЕЛЬ уходит. БЛЮХЕР отходит к кушетке, ложится и засыпает.

Картина седьмая

Кабинет «Версаля». САШЕНЬКА ГАВРИЛИНА, ИСАЕВ, жокей ЛЯЛЯ и ГАВРИЛИН.

ГАВРИЛИН. Бега – это вид припудренного сутенерства.

САШЕНЬКА. Ты же сам играешь напропалую в преферанс.

ГАВРИЛИН. Преферанс для русского интеллигента – единственная возможность жить разумом в разумном мире регионального риска. Нет, скорей, скорей в Париж. От бегов, от склок и крови.

ЛЯЛЯ. Вот вы все говорите, говорите... Бега – вроде церкви: на какого попа нарвешься. Бега – это цирк на конной тяге. Вы бы на вашего любимого Фривейского поглядели, когда он играет. Глаза стоячие, сам белый, руки ледяные. Он мне предлагал: «Дай подвод на верную лошадь – любой контракт устрою».

САШЕНЬКА. Зачем ему это?

ЛЯЛЯ. Тут все кругом – рубли, а на бегах – доллары. Вот зачем. Если там выиграл – так это уж навсегда выиграл. Рубли у него есть – долларов нету.

ГАВРИЛИН. Он производит на меня впечатление афериста, более того: какой-то Фривейский при Колчаке сидел в тюрьме по делу торговой фирмы «Шубин и сыновья» – за аферы. Мне лень выяснять: тот это Фривейский или другой.

САШЕНЬКА. Папа, при официальном журналисте – такие дерзости. Исаев либо донесет, либо сон потеряет.

ИСАЕВ. Говорят, поэты пишут своих героев с самих себя.

САШЕНЬКА. Пишут – не говорят.

ЛЯЛЯ. Все пикируетесь... Смотрите – пикировка – она противоположным кончается. Будем здоровы, господа... А ты, мальчик, помни, что я тебе говорил.

САШЕНЬКА. Исаев, вы в профиль похожи на Бонапарта.

ИСАЕВ. Но вы не похожи на Жозефину.

ГАВРИЛИН. Дитя мое, пора. Нас ждут во французском консульстве, визы в Париж готовы.

ИСАЕВ. Завтра я еду в океан рыбачить. Как вы, Сашенька?

САШЕНЬКА. Возьмете?

ИСАЕВ. Могу и спиннинг вам приготовить.

САШЕНЬКА. До завтра. Бойтесь Фривейского, папа его тоже боится.

ГАВРИЛИН. Я боюсь только одного: слепого бунта, когда жгут библиотеки. Да здравствует жандарм, охраняющий библиотеку!

ГАВРИЛИН и САШЕНЬКА уходят.

ЛЯЛЯ. Отец – краснбай, Россию профукал, проговорил, а дочка – хороша.

ИСАЕВ. Талантлива. Я стихи читал – здорово.

ЛЯЛЯ. Мальчик, стихи у нас нужны тысячам, цыгане – всем. Женись на Маше. Она как ангел... Хоть и порочный. Я вас бы озолотил. Реганка поможет. А?

ИСАЕВ. Ляля, а кони – добрые?

ЛЯЛЯ. Конечно, не люди... У них глаза с отливом. В слезе. Ладно. Будь счастлив, Исаев. У тебя вон ноздри играют: для тика – рано, видно, тоже – рискач. Приходи на бега, приходи. Маша от меня ничего не принимает, так ты ей с Реганки подкинь...

ЛЯЛЯ уходит. Появляется ФРИВЕЙСКИЙ.

ФРИВЕЙСКИЙ. Добрый вечер. Обыскался Гиацинтова. Не видели? *(Подходит к окну.)*

ИСАЕВ. Нет.

ФРИВЕЙСКИЙ. Вы замечали, как грустно видеть одинокую женщину в пустом осеннем сквере?

ИСАЕВ. Вы в трансе? Плюньте на все. Хотите, поедem к цыганам; Машенька будет петь в «Ржавом якоре».

ФРИВЕЙСКИЙ. Цыгане погубили Пушкина.

ИСАЕВ. Послезавтра интересные бега. У меня есть верная лошадь.

ФРИВЕЙСКИЙ. Какая именно? Верных лошадей нет.

ИСАЕВ. Я не настолько богат, чтобы рисковать. Пари?

ФРИВЕЙСКИЙ. На кого ставите?

ИСАЕВ. Регана.

ФРИВЕЙСКИЙ. Сумасшедший. Это – кляча.

ИСАЕВ. Тем не менее.

ФРИВЕЙСКИЙ. Молодых надо учить. Я принимаю пари. Три тысячи долларов вас устроит?

ИСАЕВ. Сумма астрономическая.

ФРИВЕЙСКИЙ. В кусты? Испугались, пташечка моя?

ИСАЕВ. Согласен.

Появляется ВАНЮШИН.

ФРИВЕЙСКИЙ. Утвердите наше пари, Ванюшин. Я ставлю против исаевской Реганы три тысячи. Выплата наличными немедленно.

ВАНЮШИН. Два сумасшедших.

ФРИВЕЙСКИЙ уходит.

Что вы наделали? Проиграетесь в пух! Такие деньги.

ИСАЕВ. Зато выиграю Фривейского. Иметь такого надежного человека совсем не плохо для газеты.

ВАНЮШИН. А если, паче чаяния, выиграете – он вас возненавидит... У него таких денег нет...

ИСАЕВ. Я – добрый... Он меня простит...

ВАНЮШИН. Стану сегодня пить! Мерзостно мне сегодня!

ИСАЕВ. Что-нибудь случилось?

ВАНЮШИН. Ничего особенного. Боюсь – проиграем выигрышную партию. Я верил в то, что Меркуловы договорятся с атаманом. Начались распри... А распри в России – начало гибели.

ИСАЕВ. Интересно, сколько надо Спиридону Дионисьевичу отступного, чтобы он свое кресло уступил?

ВАНЮШИН. Кому? Гиацинтову? Или Фривейскому? Мелюзга кругом. Взятки берут не борзыми – просто сигаретами. Черт с ним... Будем жить, пока живется. Вообще-то расстраиваться пока рано, все решит наше наступление.

ИСАЕВ. Скорее бы... Когда? Тянут, тянут...

ВАНЮШИН. Видимо, скоро, потому что Гиацинтов какую-то кровь затевает.

ИСАЕВ. Занятно. Чью же?

ВАНЮШИН. Человеческую – чью еще. А после человеческой много людской литься начинает. Вот так и идем мы к нашей белой мечте кровавой дорогой. Ну-ка, налейте мне водки, нет-нет, в большую, в синенькую, пожалуйста.

ИСАЕВ. Узнать бы – кого они собираются отправить к праотцам: первыми б вышли с сенсацией. Не иначе ведь кого-то из красных...

ВАНЮШИН. Это естественно. А какая нам с вами разница в конце концов?

Картина восьмая

Ночь. Номер гостиницы. С улицы чуть слышно доносится протяжная японская мелодия. В кровати – спящий БЛЮХЕР.

Чуть приоткрывается дверь, и в комнату входит ИЦУВАМО, начальник разведки Японии. Он осторожно подходит к кровати Блюхера и достает у него из-под подушки браунинг. Включает ночник. Возле двери замирают два японца в штатском.

БЛЮХЕР. Что? Кто?

ИЦУВАМО. Здравствуйте, Блюхер. Ваши разведчики не показывали вам мою фотографическую карточку? Нет? Я – Ицувамо, начальник разведки империи.

БЛЮХЕР. По какому праву вы влезли в мой номер?

ИЦУВАМО. Зачем вы так громко говорите? Я пришел засвидетельствовать вам почтение и тут же откланяюсь, если вы попросите меня остаться...

БЛЮХЕР (*сев в кровати*). Сколько?

ИЦУВАМО. Что-что?

БЛЮХЕР. Сколько опрашиваю, будете предлагать?

ИЦУВАМО. Я не в лавке, а вы не мелкий торговец. Не считайте людей вокруг глупее вас. Это совесть человека, который относится к вам доброжелательно.

БЛЮХЕР. Дальше?

ИЦУВАМО. Дальше я обращусь к вам с просьбой, предложив взамен нашу незримую помощь. Не отказывайтесь от нашей помощи, не советую.

БЛЮХЕР. Не вертите, не вертите. Какая просьба?

ИЦУВАМО. Мне не будут нужны данные о численности ваших бригад и полков. Я их знаю не хуже, чем вы. Мне не нужно знать план вашего сильного забайкальского укрепрайона. Я знаю все, что происходит у вас в штабе, Василий Константинович. Я знаю, что вам сейчас воевать практически невозможно. Вот мне и надо, чтобы вы посоветовали руководству правительственной делегации эти наши требования принять.

БЛЮХЕР. А меморандум каков?

ИЦУВАМО. Очень хочется узнать?

БЛЮХЕР. Очень.

ИЦУВАМО. Угощайтесь, вкусные сигареты...

БЛЮХЕР (*смеется*). Небось отравленные?

ИЦУВАМО. Это крайняя мера, еще рано.

БЛЮХЕР. Ну, так каковы ж будут требования?

ИЦУВАМО. Услуга за услугу, Василий Константинович.

БЛЮХЕР. Э, нет, господин хороший. Вы всегда скажете в случае чего, что я достал текст японских требований неофициальным путем, и все это ложь, и русские ведут себя провокационно, чтобы сорвать переговоры.

ИЦУВАМО. Зачем вы так плохо обо мне думаете? Разведчики – обязательные люди.

БЛЮХЕР. Шрамик у вас на роже не от битья?

ИЦУВАМО. От битья. Лупили меня по роже. Обожают русский народ обидными намеками изъясняться, мочи нет.

БЛЮХЕР. Смешно подметили. А за что лупили?

ИЦУВАМО. За то, что желтый. Я, извольте ли видеть, в течение десяти лет служил няней в доме русского генерал-губернатора. Так вот от него шрамик. За то, что носовые платки плохо выстирал.

БЛЮХЕР. Крепко нас не любите?

ИЦУВАМО. Вы имеете в виду красных или вообще нацию?

БЛЮХЕР. Теперь вся нация красная, куда ни крути.

ИЦУВАМО. Оттенки пока сохраняются.

БЛЮХЕР. Скоро сойдут.

ИЦУВАМО. Постараемся задержать процесс. Про восстание анархистов, кстати, еще вам не доложили? Доложат. Полыхают ваши тылы, полыхают. Один комиссар Постышев жидковат, поколотят его, сугубо поколотят... Так что ж – дружба?

БЛЮХЕР. Не выйдет, няня. Хорошо, что про шрамик свой вовремя рассказал, а то б я тебя промеж глаз звезданул. У меня кулак-то, видишь, какой? Потрогай, потрогай, не бойся. Чудак.

ИЦУВАМО. Да, я вижу. Кулачок весьма тяжел.

БЛЮХЕР. Ну ладно, поговорили – и будет, я спать хочу.

ИЦУВАМО. Всего хорошего, Василий Константинович.

БЛЮХЕР. Спокойной ночи, няня. Пистолетик только мой верни, а то это несолидно получается, вроде как воровство.

ИЦУВАМО. Пожалуйста, вот он.

БЛЮХЕР. На столик положи, пусть его лежит.

ИЦУВАМО. Мне жаль вас, Блюхер.

БЛЮХЕР. Что вы говорите?!

ИЦУВАМО. Да-да. Вы уже погибли, потому что говорили со мной. А это вам всегда могут поставить в вину. И я при необходимости эту нашу беседу подтверждаю. В том случае, если вы же захотите снова встретиться со мной. Вы приятны мне, Блюхер. Поверьте, людям моей профессии можно ошибаться только раз в жизни – вы станете великим человеком. Но чем больше величие, тем страшнее падение. До свидания, примите мои извинения. *(ИЦУВАМО выключает свет, и трое исчезают из номера Блюхера.)*

Занавес

Действие второе

Картина первая

Номер «Версаль». За стеной ноют цыгане. За столом – пьяный ФРИВЕЙСКИЙ и ЧЕН.

ФРИВЕЙСКИЙ. Все кончено! Кто мог подумать, что возьмет Регана? Кто мог подумать? Я опозорен перед всеми, я погиб. Чен! Ну, одолжите мне три проклятые тысячи!

ЧЕН. Александр Александрович, я совершенно пустой.

ФРИВЕЙСКИЙ. Не оставляйте меня одного. Кто мог подумать, что эта кляча придет первой и снимет такой куш! И все взял Исаев! Боже, как он зло потребовал у меня денег! При всех!

ЧЕН. Это противно. Но, извините, я должен уйти. Меня ждут у Гаврилиных. Он уезжает – завтра в Париж. Я вернусь. Я скоро вернусь. Сюда все, может быть, приедут. Хотите добрый совет? Лучше уладьте все миром с этим негодяем Исаевым. По-моему, у него свои люди на конюшнях. Не иначе, как он ищет к вам ключ: видимо, хочет просить вашей протекции...

ФРИВЕЙСКИЙ. Он – негодяй, а я – болван.

ЧЕН уходит. В номер заходят цыгане, поют свои песни. Появляется ИСАЕВ.

ИСАЕВ. Алекс, зря вы на меня сердитесь. А то обижусь. Я – пьян, весел и болтлив. Стану всем болтать, что Фривейский был растратчиком в фирме «Шубин и сыновья» в Чите, удрал из-под суда, и является просто-напросто уголовным преступником, а себя выдает за борца против большевизма.

ФРИВЕЙСКИЙ. Макс!

ИСАЕВ. Вы реагируете на сплетню, как на правду! Вы пьете один коньяк?

ФРИВЕЙСКИЙ. Макс, о чем вы сейчас говорили...

ИСАЕВ. А я не помню, о чем я говорил. Вот, кстати, я привез вам денег. Три тысячи долларов – вернете на людям, чтоб не было слухов о вашей непорядочности.

ФРИВЕЙСКИЙ. Максим...

ИСАЕВ. Тут ровно. Да, у меня к вам будет одна просьба.

ФРИВЕЙСКИЙ. Я что-то никак ничего не могу понять...

ИСАЕВ. С похмелья это иногда бывает.

ФРИВЕЙСКИЙ. Давайте отнесем разговор на завтра.

ИСАЕВ. Зачем?

ФРИВЕЙСКИЙ. Что-то нечистое с этими деньгами.

ИСАЕВ. Уж и не чисто?

ФРИВЕЙСКИЙ. Вам понадобится расписка?

ИСАЕВ. Вы с ума сошли...

ФРИВЕЙСКИЙ. Какая у вас просьба?

ИСАЕВ. Журналистика только тогда приносит выгоду, если она сенсационна. А сенсация – это если друг журналиста – секретарь премьера, который сидит на всех важнейших новостях. Я должен быть предсказателем в газете, и я смогу им стать с вашей помощью.

В кабинет входит САШЕНЬКА.

САШЕНЬКА. Мне и там стало смертельно скучно, они перепились и теперь выясняют отношения. Ванюшин сказал Гиацинтову, что он стреляет лучше, а полковник – самый заядлый охотник на Дальнем Востоке, они чуть не подрались – так смешно. Решили немедленно ехать на заимку к Тимохе – состязаться в умении убивать.

ИСАЕВ. К Тимохе? На Лаубихару? Они к нему ездят?

САШЕНЬКА. Очень часто.

ФРИВЕЙСКИЙ. Сашенька, я хочу вернуть Исаеву мой проигрыш.

ИСАЕВ. Ого. Я, кажется, разбогател!

ФРИВЕЙСКИЙ. Здесь три тысячи. Спокойной ночи.

САШЕНЬКА. Браво! А мне уже сплетничали...

ИСАЕВ. До завтра, Алекс. Спокойной ночи вам.

ФРИВЕЙСКИЙ уходит.

САШЕНЬКА. Что-то мне грустно в Париж уезжать... Налейте вина, Максим Максимович.

ИСАЕВ. Пожалуйста.

САШЕНЬКА. А что это у вас руки ледяные? Замерзли?

ИСАЕВ. Сидел на сквозняке.

САШЕНЬКА. Это неразумно.

ИСАЕВ. Разум – дикий зверь, его место под лавкой.

САШЕНЬКА. А вы мне обещали чумных показать... Так занятно...

ИСАЕВ. Помните у Пушкина? «Но мы, ребята, без печали среди заботливых купцов, мы только устриц ожидали от цареградских берегов. Что, устрицы пришли? О радость! Летит обжорливая младость глотать из раковин морских затворниц жирных и живых, слегка обрызнутых лимоном. Шум, споры, легкое вино из погребов принесено на стол услужливым Оттоном. Часы летят, а грозный счет меж тем невидимо растет».

САШЕНЬКА. Это вы про нас прочли? «Часы летят, а грозный счет меж тем невидимо растёт»? Вон наша горничная на меня волком смотрит. Действительно, только в России могли так бездумно и легко отдать свободу в Октябре, с таким трудом завоеванную во время Февральской революции.

ИСАЕВ. Отдали такую же свободу, как здесь, у нас?

САШЕНЬКА. Конечно.

ИСАЕВ. Вы считаете здешнюю ситуацию эталоном свободы?

САШЕНЬКА. Конечно. После пяти лет революции я стала считать свободой ту ситуацию, в которой живут сытые люди.

ИСАЕВ. А у нас вы голодных не видели?

САШЕНЬКА. Слава богу, у нас голодных нет. Владивосток – это же не Москва.

ИСАЕВ. Половой!

Вбегает ПОЛОВОЙ.

У тебя здесь проститутки нет, милейший?

ПОЛОВОЙ. Дежурят внизу, ваш сиясь!..

САШЕНЬКА. Максим Максимович?

ИСАЕВ. Я хочу вам показать не совсем сытых людей. Я не оскорблю вашей чести, даю слово. Но поэту надо знать все перед тем, как определить свою позицию в жизни, не так ли? Зови сюда нескольких, половой. Пусть девицы по одной входят.

ПОЛОВОЙ убегает. Появляется ЖЕНЩИНА.

У вас дети есть?

ЖЕНЩИНА. Двое.

ИСАЕВ. Сколько хочешь?

ЖЕНЩИНА. Рубль за всю ночь. Детишки за перегородкой с бабушкой, они не помешают.

ИСАЕВ. Возьмите пятерку и идите домой.

ЖЕНЩИНА. Барин, барин, молиться за вас буду! (*Уходит.*)

Появляется ПОЛОВОЙ.

ПОЛОВОЙ. Ваше сия, если желаете повеселиться, так я вам своих дочек предложу. Девицы молоденькие, а платье на двоих одно-с... Так что лучше ко мне, если хотите кураж дать.

САШЕНЬКА. Перестаньте, перестаньте, как вы можете?!

ПОЛОВОЙ. Барышня, так ведь жить надо. А как? Я остаточков со стола принесу в дом, а нас девять ртов-с, плодовиты были по неразумению молодости-с... Так что прошу не обидеть с кем другим, а именно к нам...

ПОЛОВОГО зовут из большого зала, и он убегает.

ИСАЕВ. В городе ежедневно умирают от голода сотни людей, Сашенька. В городе семьдесят публичных домов и двенадцать тысяч проституток. В городе сорок пять чумных барачков. Половина рождающихся детей – рахиты. Я отношусь к вам добро, поэтому никогда не смею бездоказательно рассуждать о русском народе и о свободе, которую он терял или получал – я уж не помню, как вы говорили. Не повторяйте красивых благоглупостей, которые вы слышите

окрест – смотрите сами. И запомните на всю жизнь: тиранию может победить только логика и сравнение.

САШЕНЬКА. Я только сейчас заметила, что у вас глаза, как у собаки.

ИСАЕВ. Это хорошо или плохо?

САШЕНЬКА. Собачьи глаза бывают только у честных людей. Я напишу в вашу газету об этом ужасе.

ИСАЕВ. Кто это станет печатать?

САШЕНЬКА. Вы.

ИСАЕВ. Я не хочу оказаться безработным. И потом, это ведь не вся правда о наших днях. Это – мелкая, нетипичная правденка...

САШЕНЬКА. Откуда в вас столько цинизма?

ИСАЕВ. От дедушки. Он был страшным якобинцем и жуиром.

САШЕНЬКА. Максим Максимович, где же сердце ваше? Вы знаете столько и – молчите! Мы сейчас пойдем с вами в город, и я напишу обо всем, что увидела и увижу. Обыкновенный человек может плакать, поэт обязан писать!

Входит МАША. Проходит мимо Сашеньки с песней. Останавливается.

МАША. Красивая, а ведь ты мне поперек дороги стоишь.

САШЕНЬКА. Машенька, а какая дорога-то? Знать бы ее – пошла...

МАША. У баб вся хитрость наружу. Красивая, ты все понимаешь.

САШЕНЬКА. Думаешь – понимаю?

МАША. Как не понять.

САШЕНЬКА. Пойдемте в город, Максим Максимович, скоро солнце встанет. Оно по утрам бывает синего цвета, как ужас.

ИСАЕВ. Ну что ж... пойдем. Я покажу вам наш счастливый и сытый город с черного хода...

ИСАЕВ и САШЕНЬКА уходят.

МАША. Чавелы, веселись и пой. Последние денеченьки!

Картина вторая

Дайрен. Зал переговоров. БЛЮХЕР и японский ГЕНЕРАЛ.

ГЕНЕРАЛ. Для нашего высокого императорского правительства нет большей заботы, чем поддержание и укрепление мира. Поэтому мы сели за стол переговоров, движимые одним только искренним желанием подписать с ДВР мирный договор, основанный на равноправии и взаимном уважении. Но прежде чем такой договор будет подписан, уважаемые представители ДВР будут обязаны принять наш меморандум. Перехожу к оглашению меморандума. Итак, согласно нашего меморандума – ДВР обязана будет уничтожить весь военный флот и никогда его впредь не иметь у себя. Необходимо скрыть все укрепления и никогда впредь их не строить. Необходимо разрешить плавание японским судам по внутренним рекам ДВР под высоким японским флагом.

Следует позволить гражданам Японии перемещаться по Дальнему Востоку, не испрашивая на то разрешения Министерства иностранных дел ДВР. Следует разрешить японским гражданам свободную покупку земель на Дальнем Востоке. Правительство ДВР должно принять закон об особом благопритствовании японским гражданам в промышленности, рыболовстве

и горном деле. Владивосток должен быть объявлен вольным городом с международными гарантиями. На территории ДВР всегда обязана оставаться незыблемой частная собственность. ДВР никогда не должна быть подчинена Москве. Таковы, в общих чертах, наши требования.

Если они будут приняты, то японское правительство станет искренним другом ДВР – отныне и навсегда.

БЛЮХЕР. Это больше похоже на условия безоговорочной капитуляции.

ГЕНЕРАЛ. Вы преувеличиваете, Блюхер-сан.

БЛЮХЕР. Эти вопросы должны решаться не за столом переговоров, а на полях сражений.

ГЕНЕРАЛ. Если вы отвергнете наш меморандум, переговоры будут прерваны.

БЛЮХЕР. Ну зачем же. Отвергать – мы не отвергаем, но и принять без корректив и консультаций не можем.

ГЕНЕРАЛ. С кем вам необходимо проконсультироваться?

БЛЮХЕР. У меня в Чите одна приятельница живет, гадалка...

ГЕНЕРАЛ. Господин министр, здесь не место для шуток.

БЛЮХЕР. Так же, как и для бестактных вопросов. Я консультируюсь с теми официальными инстанциями, которые уполномочены правительством ДВР консультировать меня. Вы могли заметить, что я не спрашиваю вас, в какой инспекции писался ваш меморандум и кто его непосредственный автор.

ГЕНЕРАЛ. Если вы не примете меморандум – начнется война.

БЛЮХЕР. Генерал, пугайте войной непослушных внуков. Меня – не надо.

ГЕНЕРАЛ. Но вы не можете воевать!

БЛЮХЕР. Вы так считаете?

ГЕНЕРАЛ. У вас голод, тиф и хаос! Нет грамотного генералитета! И вы хотите противостоять серьезным воинским соединениям!

БЛЮХЕР. Чьи вы имеете в виду? Свои или белых?

ГЕНЕРАЛ. Большой разницы в этом не вижу.

БЛЮХЕР. А что же вы тогда повсюду трубите, что за белых не отвечаете, ибо они сами по себе – конституционная власть?

ГЕНЕРАЛ. Это правда. Когда я говорил, что нет разницы между нами и белыми, я имел в виду уровень вооруженности, всего лишь. А так мы, конечно, за белых не отвечаем, они сами по себе, мы сами по себе.

БЛЮХЕР. А вооруженность одна?

ГЕНЕРАЛ. Одна.

БЛЮХЕР. А оружие у белых японское?

ГЕНЕРАЛ. Встречаются и американские образцы. Уровень их вооруженности раз в восемь выше вашей. Вы погибнете, начнись война.

БЛЮХЕР. Нам говорили так же в октябре семнадцатого года.

ГЕНЕРАЛ. Сколько времени вы просите для консультации?

БЛЮХЕР. Я ничего ни у кого не прошу. Я назначаю срок: месяц. Давайте это мое предложение обсуждать.

ГЕНЕРАЛ. Срок так велик, что я вынужден буду проконсультировать этот вопрос с моим правительством.

БЛЮХЕР. А куда торопится-то? Кормят здесь хорошо, постели теплые...

ГЕНЕРАЛ. Я отдаю дань вашей выдержке, господин Блюхер, но хочу вас предупредить, что, если вы по прошествии какого-то определенного времени все-таки откажетесь принять наш меморандум, мы вынуждены будем решать все эти вопросы с другим русским правительством, которое существует на территории ДВР.

БЛЮХЕР. На территории ДВР существует только одно правительство.

ГЕНЕРАЛ. Слепота – скорбная болезнь в том случае, если у человека действительно нет глаз. Но если у него есть глаза, обладающие великим даром видеть, а он не хочет видеть или – еще хуже – боится видеть, тогда это уже не болезнь, а крах.

БЛЮХЕР. Bravo! Именно это я и хотел сказать вам, вы угадали мои мысли, генерал, bravo!

ГЕНЕРАЛ. Оказывается – вы ловкий дипломат, господин Блюхер.

БЛЮХЕР. Стараюсь.

ГЕНЕРАЛ. Простите за нескромность: ваша гражданская профессия – слесарь?

БЛЮХЕР. Токарь, генерал, токарь.

ГЕНЕРАЛ. Что, большая разница?

БЛЮХЕР. Очень.

ГЕНЕРАЛ. Вы играете в простака.

БЛЮХЕР. В таком случае вы пытаетесь играть в провидца.

ГЕНЕРАЛ. Блюхер, Блюхер... Я, право же, отношусь к вам хорошо.

БЛЮХЕР. Я к вам – тоже...

ГЕНЕРАЛ. Вся трагедия состоит в том, что вы не прошли той школы, которую прошел я, а я, в свою очередь, не знаю разницы между токарем и слесарем.

БЛЮХЕР. Считается, что к старости люди добреют...

ГЕНЕРАЛ. На это не надейтесь. Политик не имеет права стареть. Состарившийся политик должен быть убит или отстранен. Иначе – нацию постигнет горе.

БЛЮХЕР. Сколько вам лет, генерал?

ГЕНЕРАЛ. Шестьдесят семь. Не улыбайтесь. Я – мальчик в политике. Старость начинается после восьмидесяти.

БЛЮХЕР. Каково же мне? Мне тридцать.

ГЕНЕРАЛ. Не обижайтесь на меня, но именно молодость погубит вашу революцию. У вас нет зрелых политиков. Вы все младенцы, вы играете в самих себя, только придуманных.

БЛЮХЕР. У вас дети есть?

ГЕНЕРАЛ. У меня есть правнуки.

БЛЮХЕР. Это примиряет меня с вами. Мы договоримся с ними, поверьте слову.

ГЕНЕРАЛ. Следующая встреча назначена на семнадцать ноль-ноль. Думаю, вы подпишете наши предложения; соединитесь с Читой, вам передадут веселые новости про ваш монолитный фронт.

Центр сцены. Рельсы, уходящие в Москву. Черно-красный флаг анархии. Громадный стол, на который помимо пустых бутылок установлен пулемет. (Начался тот анархистский бунт – первый в цепи следующих – о которых говорил Гиацинтов в самом начале, о которых Блюхеру говорили японцы.) Идет заседание анархистов.

КОЛЬКА. Товарищи министры и члены! От имени нашего дорогого Ильича, первым заместителем которого я отныне являюсь на Дальнем Востоке, передаю вам, как очевидный факт, пламенный привет и ура!

Министры и члены кабинета режут «ура».

Теперь трепртню о мире с японцами – тьфу и побоку! Воевать будем! Теперь ни Блюхер, жидовский наймит, ни комиссар Постышев нам не указ! Я по этому поводу получил много поздравлений от членов великого Коммунистического интернационала. И все нас зовут немедленно воевать с японцами!

ПЕРВЫЙ МИНИСТР. Так мы ж против коммунистов!

КОЛЬКА. Да, против! Но мы за Интернационал! А кто в этом усомнится – поперхнется моей рабоче-крестьянской пулей! Все понятно, министры?

ВТОРОЙ МИНИСТР. Кольк, да брось ты выпендриваться!

КОЛЬКА. Я те покажу Кольку! Я те Колька в бою, когда мы ринемся на белого гада и красного Блюхера! Но тут я тебе руководитель, и это очевидно, как факт! За оскорбление персоны лишаю тебя должности заместителя министра просвещения! Покинь зал заседания.

ВТОРОЙ МИНИСТР. Да ты чего, Коль? Это ж я, Федька...

КОЛЬКА. Дурак ты, а не Федька.

ПЕРВЫЙ МИНИСТР. Чего ты к нему пристал?

ТРЕТИЙ МИНИСТР. Простить надо...

ЧЕТВЕРТЫЙ МИНИСТР. Молодой он, не уходился...

КОЛЬКА. Ладно. Поедешь послом за границу. Буржуям ихним от нас в суп накакаешь.

ПЕРВЫЙ МИНИСТР. От сукин сын, эк кроет...

ТРЕТИЙ МИНИСТР. Если б такое интеллигент выгадывал – так они с нас полста лет кровь пьют, а коли свой эдакое наворачивает – значит, судьба ему государством править...

КОЛЬКА. Но-но! Обращение!

ВТОРОЙ МИНИСТР. Неграмотный я, товарищ заместитель.

КОЛЬКА. Ну и дурак. Чем водку жрать, читал бы книжки нашего дорогого отца Карла Маркса!

ПЕРВЫЙ МИНИСТР. Надо командиров-коммунистов твоими помощниками назначить.

ТРЕТИЙ МИНИСТР. За что ж их вешать?

КОЛЬКА. Ну так я и говорю: можно расстрелять.

ВТОРОЙ МИНИСТР. И стрелять их не за что: они воевали отменно.

КОЛЬКА. Неважно, что не за что. Если мы есть новая власть, так старую власть для порядка надо пострелять.

ЧЕТВЕРТЫЙ МИНИСТР. Они дралися не за страх, а за совесть.

КОЛЬКА. Ладно, министры. Вертитесь, как лисы. Этот вопрос все одно сегодня решим. После того, как склады распределим!

ПЕРФЫЙ МИНИСТР. Давно пора!

ВТОРОЙ МИНИСТР. Водка кончилась!

ТРЕТИЙ МИНИСТР. Буржуев с квартир повыкидаем!

ЧЕТВЕРТЫЙ МИНИСТР. Какие тут буржуи? Здесь село крестьянское.

КОЛЬКА. Неважно: у кого крыша под кровелем, тот и есть буржуй!

ПЕРВЫЙ МИНИСТР. Каждая баба буржуйка, если чужая...

КОЛЬКА. Даешь склады и буржуев! Даешь красных гадов и белых интервентов! Ура!

ВТОРОЙ МИНИСТР. Грабь и жги, гуляй, анархия!

Картина третья

«Версаль». Ужинают премьер-министр МЕРКУЛОВ и ФРИВЕЙСКИЙ.

МЕРКУЛОВ. Слышал?! Гиацинтовские анархисты заработали? Восстание у них пылает... Из Дайрена никаких новостей?

ФРИВЕЙСКИЙ. Я все время слежу за этим. Пока полные потемки. И Токио, и Чита молчат.

МЕРКУЛОВ. Салатика подложи. Оливковое масло чего-то прогорклое. А чего еще хорошего слышно?

ФРИВЕЙСКИЙ. Ходят сплетни о вашем секретном договоре с американцами...

Без стука входит ТАЧИБАНА.

ТАЧИБАНА. Господин Фривейский, премьер-министр и я благодарим вас, но вы сейчас не будете нам нужны.

ФРИВЕЙСКИЙ выходит.

МЕРКУЛОВ. Чтой-то вы расхрабрились, генерал! Я тут хозяин!

ТАЧИБАНА. Я тоже.

МЕРКУЛОВ. Не забываетесь.

ТАЧИБАНА. Сядьте. Вот так. *(Достает из кармана бумаги.)* Вы просили у Кларка договоров на торговлю трепангами и чесучой на общую сумму в триста тысяч. Мы вам предлагаем подписать на миллион.

МЕРКУЛОВ. В иенах?

ТАЧИБАНА. В долларах.

МЕРКУЛОВ. Ах вы, умницы мои раскосоглазенькие. Давай перо.

ТАЧИБАНА. Одну минутку. Перед тем как я передам вам перо, вы позвоните к генералу Молчанову и прикажете ему завтра же выступить против красных.

МЕРКУЛОВ. В Хабаровске есть лесосклады, они сейчас под красными. Давай, миленький, договоримся заодно, что эти лесосклады тоже нам с братом отойдут, мы ж лес понимаем, а то погибнет он ни за что...

ТАЧИБАНА. Это амурский склад?

МЕРКУЛОВ. Ну да...

ТАЧИБАНА. Он стоит два миллиона долларов.

МЕРКУЛОВ. Миленький, миленький, что ты?! Не может того быть...

ТАЧИБАНА. Мы передадим вам с братом четвертую часть безвозмездно.

МЕРКУЛОВ. А ну, кликни Фривейского.

ТАЧИБАНА. Лучше без него.

МЕРКУЛОВ. Подпишем без него, а действовать прикажу – через канцелярию. Чтоб все, как у взрослых! Фривейского!

Входит ФРИВЕЙСКИЙ.

Леша, соедини-ка меня с генералом Молчановым, нашим главковерхом. Спасибо. Алло? Генерал Молчанов? Меркулов. Да, добрый вечер. Так вот, наше правительство, исходя из высших соображений борьбы за справедливость, Учредительное собрание и белую Родину, желая помочь восставшим крестьянам, задавленным террором, повелевает вам завтра выступить против красных антихристов. Детали согласуете с генералом Тачибаной! Стоп! Минутку! Завтра – отставить! Послезавтра утром. Все!

ТАЧИБАНА. Почему не завтра?

МЕРКУЛОВ. Тут сюрпризик у меня припасен. Завтра Блюхера скovyрнут в Дайрене мои людишки. А вы орденочек мне подошлите, какой покрасивше.

ТАЧИБАНА. Вам?

МЕРКУЛОВ. Нет, Гиацингову. Леша, закажи-ка мне соды.

ФРИВЕЙСКИЙ уходит.

Печати на договорах сургучные, поди ж ты, красавицы какие, а? Одно слово – Европа!

ТАЧИБАНА. Вы ошибаетесь. Мы всегда были Азией, но не Европой, погрязшей в разврате... *(После долгой паузы.)* И, наконец, последнее: вы убеждены в том, что ваш секретарь

по-настоящему предан вашему делу? Вы убеждены, что он – не случайный человек, а идейный борец?

Просцениум. ИСАЕВ и ФРИВЕЙСКИЙ.

ФРИВЕЙСКИЙ. Могу вас обрадовать приятной новостью.

ИСАЕВ. Больше всего на свете люблю гренки, цыган и приятные новости.

ФРИВЕЙСКИЙ. Можете послезавтра давать в газету, что в Дайрене будет убран Блюхер.

ИСАЕВ. Что-что?

ФРИВЕЙСКИЙ. Гиацинтов обещал это сделать точно.

ИСАЕВ. Интересно...

ФРИВЕЙСКИЙ. Послезавтра хорошие бега. Имею верную лошадь. Едем?

ИСАЕВ. Что? Да-да, конечно, с удовольствием...

ФРИВЕЙСКИЙ. Ну, кланяюсь, Макс. Вождь может кликнуть, будет сердит, если задержусь.

К Исаеву подходит САШЕНЬКА.

САШЕНЬКА. Максим Максимович, я написала про то, что вы мне давеча показывали. Вы обязаны это напечатать. Я должна сказать правду про этот ужас. Ради этого я задержалась здесь и не поехала с отцом в Париж...

ИСАЕВ (*просматривает написанное.*) Да-да... Очень интересно... Только разве это можно напечатать, славная вы моя девочка? Меня цензура в порошок сотрет.

САШЕНЬКА. А вы испугались?

ИСАЕВ. Конечно.

САШЕНЬКА. Пожалуйста, не говорите так. Вы хотите быть плохим, наглым, у вас это выходит, но вы лучше, чем хотите казаться.

ИСАЕВ. Давайте с вами договоримся... Вы снимаете свою подпись, клянетесь никогда и никому не говорить, что это написали вы, и разрешите мне вашу тетрадку сжечь после того, как я наберу этот страшный рассказ.

САШЕНЬКА. Поклясться?

ИСАЕВ. Вы с папа укатите в Париж, а здесь меня одного жандармы станут терзать.

САШЕНЬКА. Я же сказала вам – я пока не еду в Париж.

ИСАЕВ. Это как понять?

САШЕНЬКА. Не понятно?

ИСАЕВ. Какие-то вещи я боюсь понимать.

САШЕНЬКА. И правильно поступаете: вам так легче жить.

САШЕНЬКА уходит. ИСАЕВ садится к телефону, вызывает номер.

ИСАЕВ. Барышня, дайренский поезд уже ушел? Нет?

В номер входит ГИАЦИНТОВ.

А свободные места были?

ГИАЦИНТОВ. Какими местами и куда интересуется пресса?

ИСАЕВ. Местами к славе, теми, что ближе к солнцу.

ГИАЦИНТОВ. Что вы такой бледный?

ИСАЕВ. Пил всю ночь.

ГИАЦИНТОВ. О времена, о нравы! Не буду вам мешать – я заглянул случайно, искал своих товарищей, хотим сегодня пообедать вместе. Кстати, вы, случаем, не охотник?

ИСАЕВ. Я? Охотник.

ГИАЦИНТОВ. Как-нибудь надо будет съездить в тайгу, отдохнуть.

ИСАЕВ. С удовольствием.

ГИАЦИНТОВ. Вы мне очень заняты, Максим... Очень...

И – милы... Ну, продолжайте.

ИСАЕВ. Всего хорошего, Кирилл Николаевич...

ГИАЦИНТОВ. Завтра вечером позвоните ко мне, я вас порадуя сенсацией.

ГИАЦИНТОВ уходит. ИСАЕВ мечется из угла в угол. Появляется ЧЕН.

ЧЕН. Ого, я вижу, пресса взволнована...

ИСАЕВ. Чен, дружище мой... Завтра в Дайрене они должны убить Блюхера. Что нам делать, Чен?!

ИСАЕВ обнимает Чена и плачет, как маленький. Слышны вопли мальчишек – продавцов газет:

- Премьер Меркулов объявил войну красной сволочи!
- Наступление по всему фронту!
- Красные панически бегут!
- Переговоры в Дайрене сорваны!

В центре сцены на фоне рельсов, уходящих в Москву, широко расставив ноги, застыл комиссар Восточного фронта ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ ПОСТЫШЕВ. На него несется масса растерзанных, перепуганных бойцов. ПОСТЫШЕВ поднимает руки, пытается остановить паническое бегство, но его отталкивают. Тогда он достает пистолет и несколько раз стреляет вверх, а потом направляет пистолет на бегущих. Бойцы замирают перед ним.

ПОСТЫШЕВ. Кто сделает шаг – пристрелю! Считаю до трех! Раз! Два!

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Там конница белых!

ВТОРОЙ БОЕЦ. Всех сплеча рубает!

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Фугасами кладут поперед себя! Страх! Нет нам жизни, нет! ВТОРОЙ БОЕЦ. Конница рубает – конец жизни!

ПОСТЫШЕВ. Ты сам ее видел, конницу-то?!

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Я слышал, как они визжали!

ВТОРОЙ БОЕЦ. Казачье, желтые лампасы! Я тоже слышал.

ПОСТЫШЕВ. Иди сюда!

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Застрелишь?

ПОСТЫШЕВ. Иди сюда.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ подходит к Постышеву. ПОСТЫШЕВ передает ему свой маузер.

На. Держи. Если через пять минут здесь появится конница белых – стреляй мне в лоб.

ПОСТЫШЕВ протягивает Второму бойцу часы.

Засеки время.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Ты кто?

ПОСТЫШЕВ. Большевик я. Большевик. А ты курком не балуй, ахнешь случаем – вздернут тебя на суку за комиссара фронта.

ВТОРОЙ БОЕЦ. Братцы, да это ж Пал Петрович Постышев, комиссар фронта...

ПОСТЫШЕВ. Труссы... Труссы, жалкие трусы! Испугались врага, которого даже в глаза не видали! Ты цель, цель мне в лоб! Трус!

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Так их вона сколько прет, гражданин комиссар. Ужасть как гаубицами лущуют!

ПОСТЫШЕВ. Ты живой – ты – молчи! Мертвые, которых ты, сбежав, предал, могут сейчас говорить! А ты стой и жди, и цель своему комиссару в лоб!

ПЕРВЫЙ БОЕЦ (*соседу*). На, Ванька, не могу я. (*Хочет отдать ему маузер.*)

ПОСТЫШЕВ. А бежать мог! Так вот и смоги пристрелить безоружного!

ВТОРОЙ БОЕЦ. Пять минут прошли. Слышь... Копыта... Конница, не иначе, как конница. Ой, бегим, братцы!

ПОСТЫШЕВ. Меня они первого заполосуют насмерть, а я стою и не боюсь, а ты бросил винтарь и лицом мелеешь? Эх, вы, смотреть на вас гадостно.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Господи, помощь-то откель ждать? Москва – до ней и по этим рельсам не добредешь.

ПОСТЫШЕВ. Бронепоезд доедет. Тот, белый бронепоезд, который ты хочешь пропустить. Эх, вы... Бегите... Бегите... Отдавайте Россию белому гаду. (*Оборачивается к рельсам, которые уходят вдаль и говорит.*) Обидно. Ужасно не хочется зазря помирать. Помирать можно только за революцию и только после того, как принес ей всю пользу, какую только мог принести, зря – это просто предавать революцию.

Стоит на сцене одинокий вагон. Слышен шум удаляющегося поезда. Из вагона вылезают БЛЮХЕР и три человека его личной охраны. Темная ночь.

БЛЮХЕР. Сволочи... В Дайрене не вышло, так по дороге решили ухлопать. Сколько патронов у нас?

ОХРАННИК. К пулемету три диска.

БЛЮХЕР. И все?

ВТОРОЙ ОХРАННИК. И еще по барабану к револьверам.

БЛЮХЕР. Не густо.

ПЕРВЫЙ ОХРАННИК. Так ведь охранная грамота от японцев.

БЛЮХЕР. Этой охранной грамотой знаешь что можно сделать? То-то и оно... Дрянное дело. Лампы тушите в вагоне. Хорошо, еще луны нет...

ОХРАННИК. Василий Константинович, что ж, с телом прощаться?

БЛЮХЕР. Рановато. Я скажу, когда пора будет. Ну-ка, взгляните, когда встречный поезд?

ВТОРОЙ ОХРАННИК. Через двадцать минут.

БЛЮХЕР. Тогда, может, выцарапаемся. Давайте с пулеметами вниз, под вагон, займем круговую оборону. Папки с документами положите возле керосина: если не удержимся – надо сжечь. Лом у нас есть?

ОХРАННИК. Два есть.

БЛЮХЕР. Это хорошо. Волоките сюда.

ОХРАННИК. Сейчас. (*Приносит два лома.*)

БЛЮХЕР (*начав ломать путь*). А ну, помогай! Подхватывай вторым! Мы им, собакам, тут всю музыку разворотим. Встречный поезд остановим, пусть при свидетелях убивают!

В правом углу сцены, в темноте, слышен топот копыт. Кто-то из невидимых, но слышных нам всадников, говорит:

– Не видно их, господин Мордвинов!

– Ничего! Они тут рядом, сейчас увидим...

БЛЮХЕР (*работает ломом вместе с охранником*). Теперь хорошо...

ПЕРВЫЙ ОХРАННИК. Василий Константинович, что, снова наших лупцуют и в хвост и в гриву? Бежим на всем фронте, болтают люди...

БЛЮХЕР. Не бежим. Отступаем.

ВТОРОЙ ОХРАННИК. Когда конец будет, гражданин министр? Я и не помню, как это так люди без войны жили: восемь лет – все кровь и кровь.

БЛЮХЕР. Ты Библию помнишь?

ОХРАННИК. Я ее классово презираю.

Все прячутся под вагон за пулеметы.

БЛЮХЕР. Зря. Сначала прочти, а потом уж презирай на здоровье. Там есть Книга пророка Исаии. Он писал: «Еще ночь, но близится рассвет». У нас то же самое.

ВТОРОЙ ОХРАННИК. За что такие муки выпадают нам, русским?

БЛЮХЕР. Бороться не умели. Если в покорности жить – тогда ничего, тогда можно и без мук. Вроде коровы. А если счастья жаждать – так до него путь всегдашеньки через муки.

ОХРАННИК. А когда окончательно победим?

БЛЮХЕР. Побеждать надо каждый день. Самому. Тогда победим все. И чтоб обязательно – каждый день начинать сначала начисто. Ну-ка, давай матрацы поближе к керосину, чтоб подручней поджигать было, когда поезд подойдет.

ОХРАННИК. Сейчас, может, подожжем? А то боязно в темноте, и холод низает насквозь.

БЛЮХЕР. Это кто предлагает?

ПЕРВЫЙ ОХРАННИК. Я.

БЛЮХЕР. Проводник, что ль?

ОХРАННИК. Охранник я.

БЛЮХЕР. Тебе воздух охранять, Петя...

ОХРАННИК. Я Поликарп, гражданин министр.

БЛЮХЕР. Тем хуже для тебя. Они ж только и ждут, чтобы осветились. Ни зги не видать, они нас и шуруют, потеряли, понял?

ВТОРОЙ ОХРАННИК. Эвона, паровоз искрит, слышите?

БЛЮХЕР. Тихо! Ждать, ждать! А ну, зажигай! Мы им, сукиным сынам, устроим сцену ревности!

Грохот приближающегося поезда. Топот копыт. Выстреливает в небо столб огня. Скрип тормозов. Из вагонов остановившегося поезда бегут японцы с траурными повязками и корреспонденты с магниевыми вспышками.

ЯПОНЕЦ. Где тела убитых хунхузами русских? Где тело оплакиваемого нами министра Блюхера?

БЛЮХЕР (*вылезая из-под вагона*). Вот оно, тело. Рано похоронили. Живучие мы.

ЯПОНЕЦ. Господин министр, мы счастливы, мы так счастливы!

А вдали затихающий топот белой конницы, и ругань казаков, и злой смех Блюхера, и смущение японцев, и вспышки магния фотокорреспондентов.

Картина четвертая

Кабинет премьера. МЕРКУЛОВ и ГИАЦИНТОВ.

МЕРКУЛОВ. Послушайте, полковник! Я имею забот поболее вас! Я должен читать сообщения консулов из-за границы, у меня в государстве керосина нет, маяки по побережью гаснут, я денег учительству три месяца не платил, у меня началось победоносное наступление на красных, по масштабу не удававшееся никому, даже Деникину, и, естественно, я не могу, я не имею времени заниматься с вашими вонючими агентами и доносчиками! Что я вам, пугало огородное? Ну, не вышло у вас – так и бог с ним! Но хоть бы проверили сначала! А то мне раззвонили, я – японцам, два ордена вам дал, вся пресса вопила: «Разгневанный народ в Маньчжурии растерзал Блюхера!» А где ваш Блюхер? В могиле или к себе в штаб вернулся?! Зачем языком болтали?!

ГИАЦИНТОВ. Я хотел вас порадовать, Спиридон Дионисьевич!

МЕРКУЛОВ. Я вам превосходительство, а не Дионисьевич!

ГИАЦИНТОВ. Ваше превосходительство, позвольте мне просить вас об отставке.

МЕРКУЛОВ. Чего-чего?!

ГИАЦИНТОВ. Лучше вагоны разгружать, чем слушать такое! Можно подумать, что я ничего не сделал для вас! Можно подумать, что я мало работаю! Можно подумать, что уничтожение здешних коммунистов прошло мимо меня...

МЕРКУЛОВ. Глупышка. Ведь отец же я вам. Нешто дозволено на старого человека обижаться? Сердце у меня болит, под грудью щемит, по ночам Бог ко мне приходит – оттого нервен, пойми. Всякое могу сказать, а думаю об вас всех с лаской. Ноша на мне, пойми. Хочешь, попробуй, как тяжела, горб сразу переломает. У нас тот станет великим, кто пустит кровушку вовремя и к месту. Тогда пушай ее хоть реки льются – это как избавление от болезни, это вроде как высокое давление кровопусканием спустить. Понял, почему обижен я? Не за себя, дурашка... За тебя, красавца моего, обижен... А ты – в отставку...

Входит ТАЧИБАНА.

ТАЧИБАНА. Прошу простить, что я без предварительного звонка, господин премьер. Примите мои поздравления по поводу прекрасно проведенной операции по уничтожению Блюхера. Великолепный сюрприз.

МЕРКУЛОВ. Ничего-ничего, не клюй наших, Тачибана. Вы – раскосы, хитры, да и мы не лыком шиты.

ТАЧИБАНА. Полковник, советую вам внимательно присмотреться к спекулянту по имени Чен.

ГИАЦИНТОВ. Кто? Чен? Это – мелюзга, биржевик и мелкий жулик.

ТАЧИБАНА. Мы зря не советуем.

ГИАЦИНТОВ. Чен? Странно. По-моему, вы ошибаетесь.

ТАЧИБАНА. А с Фривейским тоже ошибаемся?

ГИАЦИНТОВ. Тише, он в приемной.

ТАЧИБАНА. Его нет в приемной, он у шифровальщиков сейчас. Не надо учить меня конспирации...

МЕРКУЛОВ. Вы смотрите, зря Лешу не обижайте. Знаю я вас, кровопийц. Ни за что человека изничтожите. Может, чистый он...

ГИАЦИНТОВ. Мы аккуратны с ним предельно... Но Чен... Право – смешно...

ТАЧИБАНА. Если вы его упустите – мои контрразведчики вам этого не простят.

ГИАЦИНТОВ. Давайте каждый будем беспокоиться о своих делах.

ТАЧИБАНА. У нас у всех дела общие, давайте уговоримся раз и навсегда. Господин премьер, я должен поздравить вас с грандиозным успехом на фронте – красные отступают повсеместно.

МЕРКУЛОВ. Знаю.

ГИАЦИНТОВ. Есть предложение, которое требует японской поддержки.

ТАЧИБАНА. Назовите мне что-либо, не требующее здесь японской поддержки.

МЕРКУЛОВ. Не зарывайся, Тачибана. А то с Америкой обниматься стану.

ТАЧИБАНА. Америка – плохая любовница. Мы – надежней, господин премьер.

ГИАЦИНТОВ. Итак, моя просьба: через ваши дипломатические каналы надо передать сегодня чекистам в Читу: в дайренском поезде, во втором вагоне, едет мещанин Панызырин. В воротничке его френча зашиты письма от меня к генералу Гржимальскому и удостоверение личности князя Мордвинова.

ТАЧИБАНА. По нашим сведениям, именно он должен был провести акцию по уничтожению Блюхера в Дайрене?

ГИАЦИНТОВ. Именно.

ТАЧИБАНА. Вы хотите рассчитаться с неудачливым агентом.

ГИАЦИНТОВ. Не его вина, что Блюхер столь внезапно уехал, никто этого не предполагал.

МЕРКУЛОВ. А в чем дело? Князя жаль.

ГИАЦИНТОВ. Я хочу подтолкнуть время, Спиридон Дионисьевич. В случае провала, а этот провал будет случайным, вне связи с Блюхером, у нас уговорено, что Мордвинов даст показания на генералов, живущих в Чите. А Блюхер к ним сейчас обращается, они ему особенно сейчас нужны.

ТАЧИБАНА. Несчастный князь. Я слышал, он довольно одаренный музыкант.

ГИАЦИНТОВ. Музыканты – народ экспансивный, а ЧК любит экспансивные показания. Но откуда у вас эти сведения? Он свою музыкальную страсть скрывал...

МЕРКУЛОВ. Открой, генерал, открой свой тайничок.

ТАЧИБАНА. Первая задача разведчика – знать тайные страсти окружающих, так меня учит начальник имперской безопасности Ицувамо. И в заключение, господа: завтра в порт прибывает транспорт с танками, которые на фронте подтвердят стратегический успех белых войск.

ГИАЦИНТОВ. Вот это воистину – ура!

Входит ФРИВЕЙСКИЙ.

ФРИВЕЙСКИЙ. Господа! Спиридон Дионисьевич!

МЕРКУЛОВ. Ну что ты распелся? Говори.

ФРИВЕЙСКИЙ. Вот телеграмма из Берлина от царствующей династии Романовых. «Наши сердца и помыслы с вами, господин Меркулов, в вашей великолепной борьбе с большевиками».

МЕРКУЛОВ. Господи! Господи! Господи!!!

Отходит в угол и долго молится, стоя на коленях.

ГИАЦИНТОВ. Спасибо, Алешенька... Пойди в приемную, сядь к телефону, мне должны звонить – соединишь... А после поговорить надо.

ФРИВЕЙСКИЙ, быстро взглянув на Гиацинтова, уходит задом – очень медленно...

Картина пятая

Кабинет Блюхера. БЛЮХЕР с АДЪЮТАНТОМ.

АДЪЮТАНТ. Василий Константинович, последние сводки.

БЛЮХЕР. Спасибо. Из Владивостока шифровки от Исаева еще не было?

АДЪЮТАНТ. Нет.

БЛЮХЕР. Дьявол их всех заberi... Как слепые котята тычемся... Ах, Сева, Сева... Максим Максимович... Что ж ты нас без ножа режешь... Посмотрите, там генералы еще не подошли?

АДЪЮТАНТ. Они уж с полчаса ждут.

БЛЮХЕР. Вы что, с ума сошли?

АДЪЮТАНТ. Интеллигенция нафталиновая, от них все беды.

БЛЮХЕР. Вы коммунист?

АДЪЮТАНТ. Комсомолец.

БЛЮХЕР. Странно. А говорите, как базарная торговка. Запомните раз и навсегда: только тот поднимет руку на русскую интеллигенцию, кто задумал погубить революцию. Да-да, потому что вождь рабочей революции – интеллигент по фамилии Ленин. Зовите генералов.

АДЪЮТАНТ выходит. Появляются два ГЕНЕРАЛА в военной форме, но без погон и орденов.

БЛЮХЕР. Здравствуйте, граждане, присаживайтесь, пожалуйста.

ГЕНЕРАЛЫ садятся в кресла.

ВТОРОЙ ГЕНЕРАЛ. Мы были приглашены для беседы – мы пришли выслушать вас.

БЛЮХЕР. Я хотел бы познакомить вас с меморандумом, который Япония выдвинула в Дайрене.

ГЕНЕРАЛЫ читают меморандум.

Разобрали? Так вот, мы этот меморандум не приняли. И сразу же белые во главе с Молчановым по приказу японцев выступили против нас, чтобы русской кровью утвердить здесь японские интересы. Итак, вопрос на сообразительность: с кем должен быть русский патриот, любящий матушку-Родину, – с белыми, с Молчановым или с нами? Отвечать прошу по принципу: «да» – «нет»! Всяческая хреновина надоела – спасу нет!

ВТОРОЙ ГЕНЕРАЛ. Позвольте не отвечать на ваш вопрос, ибо генерал Молчанов – мой боевой товарищ, я с ним мерз в окопах в пятнадцатом году.

БЛЮХЕР. Хотите быть чистеньким?

ВТОРОЙ ГЕНЕРАЛ. Я обязан быть таковым по отношению к другу.

БЛЮХЕР. А по отношению к Родине – вы, генерал?

ПЕРВЫЙ ГЕНЕРАЛ. Я не могу преступить грань. Большинство моих друзей находится в рядах тех, кто не с вами. Я – ни за них, ни за вас.

БЛЮХЕР. За кого ж?

ПЕРВЫЙ ГЕНЕРАЛ. За Родину – простите великодушно драматизм ответа.

БЛЮХЕР. А генерал Брусилов не за Родину? А генерал Бонч-Бруевич не за Родину?! А генерал Каменев не за Родину?

ВТОРОЙ ГЕНЕРАЛ. Это запрещенный прием в дискуссии.

БЛЮХЕР. А я с вами не дискутирую. Времени нет – белые прут.

ПЕРВЫЙ ГЕНЕРАЛ. Белые – тоже русские, гражданин министр.

БЛЮХЕР. А оружие у них чье? И с каких пор иены стали русскими деньгами? Отчего они расплачиваются японскими иенами? А?! Или это – тоже запрещенный прием? По костям русских мужиков – «линкольны» торговцев поедут! Этого хотите?.

В кабинет Блюхера врывается ПОТАПОВ с тремя чекистами в кожаных куртках. Чекисты бросаются к генералам, обыскивают их.

ВТОРОЙ ГЕНЕРАЛ. Дикая комедия разыгрывалась, боже праведный...

БЛЮХЕР. В чем дело?

ПОТАПОВ. Сейчас доложу. Уведите их! И оружие у них найдите, оружие. *(Генералов уводят.)*

Мы вчера сняли с поезда одного мещанина, который на поверку оказался князем Мордвиновым, связным Гиацинтова. Он шел на связь с генералами. У них тут заговор. Глава – Гржимальский, эти – на подхвате.

БЛЮХЕР. Вот сволочи, а...

ПОТАПОВ. По ним давно пуля плачет.

БЛЮХЕР. Доказательства есть?

ПОТАПОВ. Мордвинов все признал.

БЛЮХЕР. А факты? Улики? Доказательства?

ПОТАПОВ. Так без давления ж признал, Василий Константинович.

БЛЮХЕР. То, что признал, – это мура. Склады с оружием где? Явки, пароли? Конспиративные квартиры? Я тебе могу сказать, что сам – японский шпион. Поверишь, что ль?

ПОТАПОВ. Василин Константинович, странно ты говоришь.

У меня голова пухнет. Вроде – под защиту гидру берешь.

БЛЮХЕР. Я под защиту беру истину, разведка. Где остальные генералы?

ПОТАПОВ. В тюрьме.

БЛЮХЕР. А Мордвинов?

ПОТАПОВ. Тоже.

БЛЮХЕР. А ну, давай ко мне всех.

ПОТАПОВ. Они ж сырые...

БЛЮХЕР. От вареного яйца ноль пользы, витаминов нет.

А папочку с делом оставь, погляжу... Хотя нет... Ко мне – не надо, едем в тюрьму. Неужели все такие сволочи, а? Как же тогда русскому человеку верить, разведка?

Центр сцены. Рельсы. Церковь, а может быть, тень от креста на толпе крестьян. Дымится пожарища. Слышны далекие бабьи причитания. В центре крестьянского схода ПОСТЫШЕВ и те два бойца, которых он остановил во время первого панического бегства, приводят на сцену сходки КОЛЬКУ-анархиста.

ПОСТЫШЕВ. Погорельцы, идите сюда.

К Постышеву с тихим плачем подходят несколько мужиков и баб.

Кто вас жег?

БАБА. Вон стоит, ирод.

ПОСТЫШЕВ. Колька-анархист?

МУЖИК. Он...

ПОСТЫШЕВ. За что ты их пожег?

КОЛЬКА. А буржуи они.

ПОСТЫШЕВ. С чего взял?

КОЛЬКА. С того, что у всех избы соломой крыты, а у этих кровелем.

СТАРИК. Да господи! Кто ж тут скажет, что я такой-сякой! Семья у меня большая, все в труде! Оттого и кровель! Рази нет, мужики?!

Мужики молчат.

Чего молчите-та?! Мефошка, скажи! Пров, чего рыло воротишь, я ж тебе поле пахал!

ПОСТЫШЕВ. Что ж молчите, граждане? Если старик – кулак-миroeд, у меня с Колькой один разговор будет, а если он справный мужик, работал в поте лица, так я все по-иному оценю. А ну, вот вы, гражданин.

МУЖИК. А я что? Я не знаю ничего.

ПОСТЫШЕВ. Сам из этой деревни?

МУЖИК. Ну а как же иначе, понятно, с этой...

ПОСТЫШЕВ. Деда знаешь?

МУЖИК. Какого деда?

ПОСТЫШЕВ. Вот этого?

СТАРИК. Меня, меня не знаешь, что ль?!

МУЖИК. Так рази он дед? Он и не дед вовсе. Кузьма он Пантелеев.

Из толпы выходит СТАРИЧОК с лысой головой.

ЛЫСЫЙ СТАРИК. Гражданин комиссар Постышев, дозволю мне слово сказать.

ПОСТЫШЕВ. Пожалуйста.

ЛЫСЫЙ СТАРИК. Ты мужика пытаешь, гражданин Постышев, а он нынче смущенный, мужик-то. Потому и молчит. Раньше справный мужик в мироедах ходил, а потом Ильич сказал, что справный мужик – тоже человек, а не каркадил нильский, и жить наравне может. Потому как – нэп! Тут вздох по нас прошел и радость, а теперя энтот вот гражданин сказал, что он заместитель Ильича, и приказал всех справных пожечь. Вот оттого мужик смущенный и боится сказать, что Кузьма Пантелеев мужик как мужик, на себе пашет, на себе таскает, из себя жгут вьет. Я – сирота, живу Христа ради, мне страх неизвестный, потому как терять нечего, а остальные – молчат. Вы-то уйдете, а энтот – гражданин анархист – тут останется, а с им – гарнизон, а он им водки выдал и мяса со складов, они за него кому хошь голову прошибут. Вот и все!

ПОСТЫШЕВ. Колька, ты отчего ж решил, что Пантелеев буржуй?

СТАРИК. Да какой я буржуй?! Вон зубы-то мои где? Нет их! Голод да цинга скрошила.

КОЛЬКА. Ишь, комедь вкручивает. Небось забыл, как вчера орал: «Пропадите вы все пропадом с вашими красными!»

СТАРИК. Так ты ж мой комод грабил!

КОЛЬКА. Я революционер! Мне на твои комоды семь раз плевать! А ты что для революции сделал?!

СТАРИК. Блюхеру коня отдал! Сыновей к нему в армию проводил!

КОЛЬКА. Про это молчи: вместо этого ты землю получил.

К Кольке медленно идет простоволосая БАБА. Она бросается на Кольку. Ее с трудом оттаскивают от него.

БАБА. Плевать я хотела на вашу землю и твою революцию! Гад! На кой она мне, если ты Манечку мою опоганил!

ПОСТЫШЕВ. Чего вы для него требуете?

БАБА. Смерти ему мало. Мало ему смерти, иуде подлому, нет на тебе креста, а еще Ильичом клялся, паразит.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Может, простить, товарищ Постышев?

ПОСТЫШЕВ. Ишь, либералы. Ты – добреньким, а комиссар пусть стреляет, да? А он красным знаменем клялся, когда дома жег и девочек насиловал! А если б он эдакое с твоим отцом и с твоей дочкой изобразил – тоже простил бы?!

ВТОРОЙ БОЕЦ. К стенке его! К стенке!

Гремит залп. Кричит воронье. В наступившей темноте – унылый колокольный звон.

Картина шестая

«Версаль». В номере ВАНЮШИН и ГИАЦИНТОВ.

ВАНЮШИН. Ты меня странно позвал, Кирилл. Какая-нибудь неприятность?

ГИАЦИНТОВ. Я тебя похитрить позвал.

ВАНЮШИН. Устал?

ГИАЦИНТОВ. От хитрости не устают, от нее гибнут.

ВАНЮШИН. Афоризмы, афоризмы, кругом афоризмы. Они красивы, а истина уродлива.

ГИАЦИНТОВ. Сие не афоризм, сие – аксиома. Что Исаева с собой не привез?

ВАНЮШИН. Станный человек – ты ж меня просил быть одному.

ГИАЦИНТОВ. Ты ему доверяешь больше, чем себе.

ВАНЮШИН. Себе я не доверяю, я по натуре растратчик.

ГИАЦИНТОВ. Коля, ты к Фривейскому как относишься?

ВАНЮШИН. Никак. Он мне не интересен. А что?

ГИАЦИНТОВ. Ничего. Поинтересоваться можно?

ВАНЮШИН. Контрразведка зря не интересуется.

ГИАЦИНТОВ. А с Максимом ты давно знаком?

ВАНЮШИН. Я с ним прошел весь Ледовый поход от Омска до Харбина.

ГИАЦИНТОВ. А что, если мы его возьмем к себе?

ВАНЮШИН. Он не согласится. Сволочи, в кофе соли много кладут.

ГИАЦИНТОВ. Турецкий рецепт.

ВАНЮШИН. Ерунда, просто кофе зазеленелый, иначе он плесенью отдает, если без соли-то.

ГИАЦИНТОВ. Ты скоро на фронт?

ВАНЮШИН. Сегодня.

ГИАЦИНТОВ. Вдвоем с министром иностранных дел? Подкрепить наступление?

ВАНЮШИН. Да.

ГИАЦИНТОВ. Не опасно?

ВАНЮШИН. Я щекотку люблю.

ГИАЦИНТОВ. Слушай, я снова об Исаеве...

В кабинет входит один из сотрудников Гиацинтова – агент СЛЕСАРЬ.

Ну?

СЛЕСАРЬ. Боязно выразиться.

ГИАЦИНТОВ. А ты не бойся. Извини, Коля, пусть он мне пошепчет, дисциплина есть дисциплина.

СЛЕСАРЬ (*тихо, Гиацинтову*). Танки, что сегодня пришли в порт, кем-то выведены из строя. В бензопровод соляная кислота залита – они теперь на месяц в ремонт станут.

ГИАЦИНТОВ швыряет на стол ложку, стремительно выходит из номера. Следом за ним СЛЕСАРЬ.

ВАНЮШИН. Что случилось, Кирилл?

ГИАЦИНТОВ (*с порога*). А, пустяки, я скоро вернусь (*уходит*).

ВАНЮШИН уходит. Следом появляются ИСАЕВ и ФРИВЕЙСКИЙ.

ИСАЕВ. Послушайте, Алекс. Не хотите со мной иметь дел – и не надо, бог ты мой праведный! Вы уже достаточно сделали как патриот России и Белого движения. То, что вы передали мне сейчас, – поверьте, Высший монархический совет в Берлине благодарно запомнит, и запомнит надолго. Вы оказали громадную услугу мне, как газетчику, в частности, а общему Белому движению – вообще. И вдруг впали в транс, чуть не истерику разыгрываете.

ФРИВЕЙСКИЙ. Это не истерика. Я спать не могу. Мне кажется, что паркет колыхнется, понимаете вы это или нет?! Я все время борюсь с желанием пойти к Гиацинтову и упасть перед ним на колени! А он меня уже третий раз щупал, каверзы спрашивал...

ИСАЕВ. Да? Занятно... Меня Гиацинтов как-то приглашал на охоту, я не смог, а в следующий раз, если пригласит, я поеду и поговорю с ним о его дружбе с нами.

ФРИВЕЙСКИЙ. Вы с ума сошли! Этот зверь нас уничтожит!

ИСАЕВ. Или вы играете со мной какую-то непонятную мне игру, или вы близорукий, добрый и мягкий человек.

ФРИВЕЙСКИЙ. Послушайте, вы, стальной мужчина, я смотрю на все и вижу, что вы тоже всего боитесь! Всего!

ИСАЕВ. Я? Я – нет. Почему же я? Отнюдь. Можно подумать, что это я скопировал совершенно секретный план зимнего наступления на красных. Можно подумать, что это я давал журналисту смотреть план японских поставок танков и орудий. Прежде чем говорить о моей боязни, подумайте – нет ли у вас психического расстройства?

ФРИВЕЙСКИЙ. Что?! Погодите, погодите... Умственное расстройство? А что – это выход. Почему вы молчите? Это – выход? Ну, не молчите не!

ИСАЕВ. Я молчу, потому что вы болтаете ерунду, мой друг. Подумайте, в какое положение вы меня ставите? А симуляция нервного расстройства вообще дело в высшей мере полезное. Только надо придумывать всегда что-то поумней, а не просто пить чернила и закусывать экскрементами. Ироническая бессонница, религиозный экстаз – вот это да. Это нравится обществу, этому сочувствуют. Или еще лучше запой. Это в России высшее проявление гражданской мужественности.

ФРИВЕЙСКИЙ. Максим, я слушаю вас, а мне страшно – ведь вы не из Берлина.

ИСАЕВ. Откуда же?

ФРИВЕЙСКИЙ. Зачем Берлину план нашего наступления, который я сейчас передал вам?

ИСАЕВ. Затем, чтобы координировать общую борьбу, мой друг.

ФРИВЕЙСКИЙ. А кому более важно знать зимний план – Берлину или Москве с Читой?

ИСАЕВ. Москве с Читой, конечно. А к чему это? Уж не считаете ли меня агентом ЧК?

ФРИВЕЙСКИЙ. Именно.

ИСАЕВ. Нам надо знать все, чтобы противостоять Москве. Кстати, я принес вам немного денег – это фунты. Откажетесь – буду смертельно обижен.

ФРИВЕЙСКИЙ. Когда вы рядом – мне так спокойно.

ИСАЕВ. Может статься, я к вам перееду. У нас будет милая квартира. Выпишем девочек из Южной Америки – они все танцовщицы и душки. Ну, до свиданья, Алекс, я пошел в редакцию.

ФРИВЕЙСКИЙ. Гиацинтов готовит специальные группы для внедрения в ряды красных – это, наверно, интересно Берлину.

ИСАЕВ. Интересно. Когда отправляют? Пароли? Связи?

ФРИВЕЙСКИЙ. Этого не знает никто.

ИСАЕВ. Уж и никто?

ФРИВЕЙСКИЙ. Действительно, никто.

ИСАЕВ. Ну и бог с ними, важно – дело хорошее.

ИСАЕВ уходит. ФРИВЕЙСКИЙ некоторое время сидит неподвижно, а потом начинает смеяться нервическим смехом. Так он подходит к зеркалу и долго себя рассматривает.

ФРИВЕЙСКИЙ. Все! Конец! Влип!

На просцениуме в лучах прожекторов – ИСАЕВ и ЧЕН.

ИСАЕВ. Здесь все для Блюхера. Это надо передать немедленно. Это – все для наших, это – победа.

ЧЕН. За мной идет хвост. Что-то они, видимо, пронюхали.

ИСАЕВ. Внизу – машина Ванюшина. Мы оторвемся от слежки, идем. Если мы не сможем это переправить Блюхеру – тогда лучше пулю в лоб.

ЧЕН. Тебе не стоит мараться. Лучше я один. У нас ведь логика и сердце живут разной жизнью. Ну, до свиданья, друг. Не надо. Не ходи. Я пойду один. Передам. Не могу не передать – так точнее...

Картина седьмая

Тюрьма. В камере – арестованные ГЕНЕРАЛЫ. БЛЮХЕР стоит у двери молча. ПОТАПОВ входит с МОРДВИНОВЫМ. Долгая пауза.

БЛЮХЕР. Кто знает этого человека?

ГРЖИМАЛЬСКИЙ. Я.

БЛЮХЕР. Кто вы?

ГРЖИМАЛЬСКИЙ. Генерал Генштаба, профессор академии – в прошлом, ныне – продавец салата Гржимальский.

БЛЮХЕР. Ну и как растет салатец?

ГРЖИМАЛЬСКИЙ. Благодарю. Весьма бурно. Навоза много в наше время – оттого и салат.

БЛЮХЕР. Откуда вы знаете этого человека?

ГРЖИМАЛЬСКИЙ. Он воевал в моей дивизии.

БЛЮХЕР. Когда видались в последний раз?

ГРЖИМАЛЬСКИЙ. Осенью шестнадцатого года.

БЛЮХЕР. Это понятно. Я спрашиваю, когда вы с ним виделись последний раз здесь, в Чите, во время общей работы в контрреволюционном подполье?

ГРЖИМАЛЬСКИЙ. Я не отвечаю на провокационные вопросы.

БЛЮХЕР. Мордвинов, скажите, когда вы в последний раз передавали Гржимальскому инструкции от Гиацинтова? Молчите? Ладно. Потапов, покажите генералам показания Мордвинова.

ГРЖИМАЛЬСКИЙ. У меня изъяли очки.

БЛЮХЕР. Зачитайте ему.

ПОТАПОВ. «Генерал Гржимальский, закончив организацию заговора, назначил день выступления офицерства на тот момент, когда один из приглашенных к Блюхеру генералов совершит акт возмездия над красным тираном».

ГРЖИМАЛЬСКИЙ. Великолепная юмореска.

ГЕНЕРАЛ. Хватит! Больше сил нет. Стреляйте сразу! К чему эти издевательства? Хватит!

БЛЮХЕР. Тише! Спокойно! Мордвинов, это вы писали?

МОРДВИНОВ. Я отказываюсь отвечать на все вопросы.

БЛЮХЕР. Мне можете не отвечать. Ответьте своим друзьям.

ПОТАПОВ. Да чего вы с ними чикаетесь?..

ГРЖИМАЛЬСКИЙ. Действительно, что вы с нами чикаетесь?

БЛЮХЕР. Люблю военных, которые хорошо держатся. Мордвинов, вас, случаем, не принудили дать такие показания?

ПЕРВЫЙ ГЕНЕРАЛ. Грязный чекистский фокус, господа!

БЛЮХЕР. Мордвинов, вот вам бумага и перо. Пишите в присутствии ваших знакомых, что вас заставили дать эти показания. Виновные будут наказаны по законам военного времени. Вас отпущу немедленно.

МОРДВИНОВ садится к столу и пишет на листке бумаги.

ПОТАПОВ. Василий Константинович! Кому ты веришь? Он же сам все сказал, я его пальцем не касался!

ГРЖИМАЛЬСКИЙ. Свежо предание...

БЛЮХЕР. Вы не подписались, Мордвинов. Вот теперь хорошо. (*Читает написанное Мордвиновым*). Сукин сын... Хитер, хитер, а – дурак! Кто из вас может читать без очков, господа кадровые военные? Если у вас нет зрячих – тогда черт с вами! Некогда мне тут канитель разводить! Обходились без вас и впредь обойдемся! Вот показания Мордвинова, которые он дал сегодня нашей разведке против всех вас! А вот что он написал тут! Зрячие увидят: все написано одной рукой! Извольте убедиться, что это правда, перед тем, как я отпущу вас по домам – возить дерьмо на салатовые грядки! (*БЛЮХЕР передает Гржимальскому папку с документами.*) А этого провокатора к стенке!

МОРДВИНОВ. А-а-а! Они били меня, господа, они били меня! Они вынудили меня написать это. Мне втыкали иглы под ногти!

БЛЮХЕР. Когда вас арестовали?!

МОРДВИНОВ. Они мучили меня, мучили!

БЛЮХЕР. А ну, отвечать – когда вас взяли?!

МОРДВИНОВ. Вчера.

БЛЮХЕР. Руки на стол!

МОРДВИНОВ. Что?

БЛЮХЕР. Руки на стол! Где следы от иголок?

МОРДВИНОВ. Они били меня! Они меня били шомполами!

БЛЮХЕР. Разденьтесь!

МОРДВИНОВ в истерике отбегает в угол.

Раздень его, Потапов, Если след от побоев увижу – тебя расстреляю. как врага революции!

Мордвинова раздевают. На его теле нет ни царапины.

Гад ты, а не князь! Показать тебе, какие следы остаются от побоев в тюрьме и от белых пуль?

Сбрасывает с себя китель. Тело его все в перевязках и страшных шрамах. Надевает китель.

Вот какие следы остаются от побоев и пуль, собака! А вы, кадровые?! Тоже мне, хороши! У меня фронт, а я тут вами занимаюсь! А вы боитесь своего дружка Молчанова обидеть! А он вас всех хотел с помощью Мордвинова и Гиацинтова сделать покойниками. Тоже мне – национальные мученики! Национальные обыватели! Отпусти их по домам, Потапов! Иди выдай иностранные паспорта – пусть уматывают в Японию, к черту и к дьяволу! А этого истерика уведи, слышать не могу плачущих мужчин.

ПОТАПОВ уводит Мордвинова. Долгая пауза.

Вы можете отправляться спать. Идите-идите, я вас не держу.

ГРЖИМАЛЬСКИЙ. Какое ваше воинское звание в прошлом?

БЛЮХЕР. Унтер-офицер.

ГРЖИМАЛЬСКИЙ. Сколько вам лет?

БЛЮХЕР. Тридцать.

ГРЖИМАЛЬСКИЙ. У вас есть дети?

БЛЮХЕР. Моя трехмесячная дочь умерла месяц назад. Еще вопросы будут?

ГРЖИМАЛЬСКИЙ. Вы считаете, что наша помощь будет важным вкладом в дело защиты России от интервентов?

БЛЮХЕР. Генерал, ну что вы, словно дама у соблазнителя. Ей-бог, даже странно мне слышать все это. У детей это называется «и хочется, и колется, и мама не велит»...

ГРЖИМАЛЬСКИЙ. Ваше счастье заключается в том, что вы помните, как говорили в детстве. Я уже это забыл. Когда мы вам будем нужны?

БЛЮХЕР. Завтра. Растащут ведь Россию, по кускам разорвут... Белые, за ними – японцы! Казаки, за ними – японцы.

ГРЖИМАЛЬСКИЙ. Воевать с Молчановым можно, оскорблять нет смысла; оскорбляя противника, вы роняете себя.

ГРЖИМАЛЬСКИЙ. Какой вам был смысл так яростно защищать нас от вашего чекиста?

БЛЮХЕР. Я не вас защищал, я защищал революцию, потому что революция только тогда непобедима, если все ее участники соблюдают закон.

ГРЖИМАЛЬСКИЙ. Позвольте все же представиться: Андрей Иванович Гржимальский.

БЛЮХЕР. Давно бы так. *(Обходит всех и здоровается с каждым за руку.)*

В камеру вбегает ПОТАПОВ.

ПОТАПОВ. Василий Константинович! Товарищ Блюхер!

БЛЮХЕР. Что?! Что? От него?

ПОТАПОВ. Да.

БЛЮХЕР и ПОТАПОВ выбегают из камеры. Они – в луче прожекторов.

Вот он! Вот он – весь тут! План наступления... Ах, Исаев, ай да Чен, ай да ребята!

БЛЮХЕР принимает из рук Потапова пакет и начинает сначала медленно, а потом яростно и лихо отплясывать «Камаринскую».

Картина восьмая

Кабинет Гиацинтова. ГИАЦИНТОВ и ИСАЕВ.

ГИАЦИНТОВ. Исполняющим обязанности главного редактора во время отъезда Ванюшина были назначены вы?

ИСАЕВ. Я.

ГИАЦИНТОВ. Прошу вас объяснить мне, как на страницы газеты попала эта возмутительная гнусность!

ИСАЕВ. О чем вы?

ГИАЦИНТОВ. Я имею в виду статью о продажных девках, голодных детях и смертности в чумных бараках.

ИСАЕВ. Этот материал в номер поставил я.

ГИАЦИНТОВ. Вы?! Будет вам, Макс... Я не верю.

ИСАЕВ. Тем не менее, это правда.

ГИАЦИНТОВ. Зачем вы это сделали?

ИСАЕВ. А тираж? Газету раскупили за десять минут. Такой материал публика читает взахлеб. Согласитесь – нет ничего приятнее, как прочесть о несчастьях ближнего.

ГИАЦИНТОВ. Вы с ума сошли.

ИСАЕВ. Когда я работал в пресс-группе Колчака, мы не боялись печатать правды. И потом – отчего красные не боятся говорить о своих трудностях, а мы обязаны молчать?

ГИАЦИНТОВ. При чем здесь красные? Вы опозорили наше белое, свободное, всем обеспеченное государство! Вы это сделали в обход цензуры?

ИСАЕВ. Когда я верстаю номер, то думаю о газете, а не о цензуре.

ГИАЦИНТОВ. Кто писал статью?

ИСАЕВ. Черт его знает.

ГИАЦИНТОВ. Где текст?

ИСАЕВ. Валяется в редакции.

ГИАЦИНТОВ. У кого?

ИСАЕВ. По-видимому, на столе у метранпажа.

ГИАЦИНТОВ. Метранпаж арестован. Он клянется, что подлинника в типографии никто не видел.

ИСАЕВ. Э, ерунда...

ГИАЦИНТОВ. Вы видели, как набирался этот материал?

ИСАЕВ. Конечно.

ГИАЦИНТОВ. А наборщик не помнит.

ИСАЕВ. Немудрено – он набирает буквы, а не слова, до него смысл материала никогда не доходит.

ГИАЦИНТОВ. Резонно. На чем был написан материал?

ИСАЕВ. На листочках.

ГИАЦИНТОВ. Я понимаю, что не на веточках. Какие были листочки? Большие или маленькие? Чистые или в линейчку?

ИСАЕВ. Кажется, в клеточку.

ГИАЦИНТОВ. Ясно. А через кого этот материал попал к вам?

ИСАЕВ. Я обнаружил его у себя на столе, лежащим поверх гранок.

ГИАЦИНТОВ. А когда это было?

ИСАЕВ. Вчера, естественно.

ГИАЦИНТОВ. Кто дежурил в редакции?

ИСАЕВ. Не знаю.

ГИАЦИНТОВ. Дежурная утверждает, что утром никто из посторонних в редакцию не заходил, кроме девицы.

ИСАЕВ. Старая сплетница. Уволю.

ГИАЦИНТОВ. Правильно поступите. И кто была эта девица?

ИСАЕВ. Полковник, вы вольны казнить меня. Можете даже заковать в кандалы.

ГИАЦИНТОВ. Когда казнят, Макс, в кандалы не заковывают. Надобности нет – человек в прострации. Вроде как у нашего Фривейского.

ИСАЕВ. Бедняга. Врачи говорят, что это серьезно.

ГИАЦИНТОВ. Да, они утверждают, что у него последняя стадия шизофрении, вызванная переутомлением. Несчастный почти невменяем.

ИСАЕВ. Я буду молить Бога о его выздоровлении.

ГИАЦИНТОВ. Макс, а ведь у вас в то утро была Сашенька Гаврилина, не иначе.

ИСАЕВ. Уж не следите ли вы за нами?

ГИАЦИНТОВ. Угадали.

ИСАЕВ. Это ужасно. Спасите нас от вас!

ГИАЦИНТОВ. Как вас спасешь, если вы глупости делаете?

ИСАЕВ. Боже праведный, какие глупости?

ГИАЦИНТОВ. Макс, а вы с Ченом знакомы?

ИСАЕВ. Какой это?

ГИАЦИНТОВ. Кореец, спекулянт.

ИСАЕВ. Знаком. Конечно, знаком.

ГИАЦИНТОВ. Откуда вы его знаете?

ИСАЕВ. Пару раз он меня крепко надул.

ГИАЦИНТОВ. В чем?

ИСАЕВ. Дал подвод на темную лошадку, я поставил и проиграл.

ГИАЦИНТОВ. Мы его вчера взяли. Темный он человек?

ИСАЕВ. По-моему, обычный спекулянт.

ГИАЦИНТОВ. Вы давеча просились на охоту: скоро поедем бить изюбря.

ИСАЕВ. Куда?

ГИАЦИНТОВ. У меня тут есть один егерь.

ИСАЕВ. У меня тоже. Тимоха, может, слышали?

ГИАЦИНТОВ. Тимоха? Знаю. Кто скорей изюбря обложит, к тому и двинемся. И – в заключение: это, конечно, чистая формальность, но, пожалуйста, подпишите подписку о невыезде.

Занавес

Действие третье

Картина первая

Кабинет с зарешеченными окнами. ГИАЦИНТОВ и ЧЕН.

ГИАЦИНТОВ. Послушайте, приятель, кто ко мне попал, тот сам не выходит. Если, конечно, я не столкнулся с умным и дальновидным человеком. Вся ваша липа с американ-

ским телеграфным агентством проверена. Вы подсовывали материалы политического характера, чтобы поссорить атамана с нами.

ЧЕН. Мне смешно вас слышать, Кирилл Николаевич. Мое дело – сенсация. И на бирже, и в политике. За свежий товар больше платят. В городе тогда носились слухи о конфликте между нашими и Семеновым, а что там и как – не это ведь важно, Кирилл Николаевич, а важно, чтоб первым.

ГИАЦИНТОВ. Вполне рационально – вполне. А зачем водичку с соляной кислотой в танки подливали?

ЧЕН. Клевета и гнусный вымысел.

ГИАЦИНТОВ. Какой смысл моим людям клеветать на вас?

ЧЕН. Я и сам голову ломаю. Может, спутали меня с кем?

ГИАЦИНТОВ. Да нет. Я сам был бы рад, коли б спутали.

У вас столько влиятельных защитников. Вон Фривейский об вас так хлопочет...

ЧЕН. У Александра Александровича чуткое сердце.

ГИАЦИНТОВ. Эх вы лихо своих друзей определяете. Любопытно, а как вы определите Максим Максимыча?

ЧЕН. Кого?

ГИАЦИНТОВ. Максим Максимовича,

ЧЕН. Я не имею чести знать,

ГИАЦИНТОВ. Полноте.

ЧЕН. Я обязан говорить вам только правду.

ГИАЦИНТОВ (*достав из стола конверт*). Поглядите.

ЧЕН. Что это?

ГИАЦИНТОВ. Фотографические карточки. Вот вы с Исаевым на бегах. Вот вы в «Версале». Вот вы, Сашенька Гаврилина и Исаев возле чумных бараков. Вот вы держите блокнот, на котором Сашенька Гаврилина пишет что-то возле ночлежного дома. Вот вы с Исаевым в порту.

ЧЕН. У меня громадная клиентура! Большинство уважаемых людей города играет на бирже и на бегах, разве запомнить всех? Даже ваши сотрудники поигрывают.

ГИАЦИНТОВ. Это мне известно. Вы кого персонально имеете в виду?

ЧЕН. Многих.

ГИАЦИНТОВ. А Исаева забыли?!

ЧЕН. Забыл.

ГИАЦИНТОВ. Вы, между прочим, своим упорством ему хуже делаете. Я уж забеспокоился, что это вы его выгораживаете, не боитесь ли чего. Надо будет им заняться.

ЧЕН. Конечно. Проверка – великая вещь.

ГИАЦИНТОВ. Приятель, вы что, в дураках меня хотите оставить?

ЧЕН. Ну что вы, Кирилл Николаевич?! Я ведь не против того, что меня посадили, только зачем ярлыки клеить? На черном рынке играл? Играл! Бизнес имел с американцами? Имел! За это готов понести наказание.

ГИАЦИНТОВ. А где ваши деньги от бизнеса?

ЧЕН. Кутежи и проститутки жизнь отнимут, не то что деньги.

ГИАЦИНТОВ. Опять-таки верно. Значит, поручителя за вас не найдется.

ЧЕН. Кого угодно обо мне спросите – только хорошее скажут.

ГИАЦИНТОВ. Ну что ж, сейчас пригласим того, кто вас вспомнил.

Нажимает звонок. Появляется СОТРУДНИК.

Пусть войдет Слесарь.

Входит агент СЛЕСАРЬ.

СЛЕСАРЬ. Здравствуйте, гражданин чекист Марейкис! Не думали, что встретимся? А я – вот он, весь перед вами! Или забыли, как меня на Лубянке допрашивали в девятнадцатом?

Бьет Чена по лицу.

ЧЕН. Я протестую, Кирилл Николаевич!

СЛЕСАРЬ. Я те, сука, попротестую!

ГИАЦИНТОВ. Успокойся, Слесарь. Поменьше эмоций. Спасибо тебе, Сергей Дмитриевич. Отойди к дверке. Ну вот, милейший Чен. Партию вы свою проиграли. Хотите жить – давайте говорить начистоту, как разведчики.

ЧЕН. Здесь какая-то трагическая ошибка, Кирилл Николаевич.

ГИАЦИНТОВ. Пеняйте на себя. Вас станут пытаться. Не гуманно? Так помогите мне не быть жестоким. Вы сами делаете нас зверьми. Черт с ними, с танками! Черт с Исаевым! Скажите мне, что вы передали тому человеку, который ушел от нас, и я оставлю вам жизнь! Какой пакет вы ему сунули – скажите, и – все!

ЧЕН. Кирилл Николаевич, у ваших сотрудников богатая фантазия...

ГИАЦИНТОВ. Сергей Дмитриевич, забирайте его и работайте вволю. И по вашей методике – иголочку в мизинчик, там мясо молоденькое, чтоб кровь клопчиками, клопчиками – кап, кап! Потечет! Потечет, чекистская харя!

СЛЕСАРЬ уводит ЧЕНА. ГИАЦИНТОВ вызывает АДЪЮТАНТА.

Партию шахмат?

АДЪЮТАНТ. О... С наслаждением...

Садятся за шахматную доску.

ГИАЦИНТОВ. Прижали вы меня, дружок.

АДЪЮТАНТ. О, Кирилл Николаевич.

ГИАЦИНТОВ. Что это вы взяли манеру через каждую фразу «о» говорить?

АДЪЮТАНТ. Весьма эмоционально...

ГИАЦИНТОВ. Не нахожу. Шах.

АДЪЮТАНТ. Гарде.

Входит СЛЕСАРЬ.

ГИАЦИНТОВ. Ну?

СЛЕСАРЬ. Молчит.

ГИАЦИНТОВ. Ай-яй-яй... Стыдно... Работайте еще...

СЛЕСАРЬ уходит.

И тем не менее шах.

АДЪЮТАНТ. Я беру вашу королеву.

ГИАЦИНТОВ. Ферзя. Вы родились счастливым.

АДЪЮТАНТ. Счастливым становятся, Кирилл Николаевич. Рождаются все одинаковыми.

ГИАЦИНТОВ. Очень наивное заблуждение, Воля. Мат. Так вот, зовите нашего доктора. Это – последний шанс.

АДЪЮТАНТ выходит. Появляются ДОКТОР с саквояжем и два сотрудника. СЛЕСАРЬ вводит ЧЕНА – избитого и окровавленного.

Сейчас мы впрыснем вам, милейший Чен, только что полученный препарат, который парализует вашу волю. И помимо своей воли вы расскажете все, что нас будет интересовать. Конечно, это лишит меня возможности потом устроить над вами суд, но вы сами во всем виноваты. После того, как я все от вас узнаю, вы станете ренегатом для своих. У вас обожают это звучное иностранное слово – ренегат!

ДОКТОР достает из саквояжа шприц и ампулу.

Вы плачете, милейший Чен?

ЧЕН. Да.

ГИАЦИНТОВ. Отчего? Я б и раньше провел этот эксперимент, чтобы избавить вас от мук, но я сначала хотел испытать конституционные пути – и не моя вина, что вы оказались таким букой. Ну, ничего, через пару часов после того, как вы кончите давать правдивые показания, я напою вас кагором и отправлю спать в камеру. Но перестаньте, право, слезы у взрослого мужчины... Доктор, прошу!

ЧЕН бросается к окну и что есть силы ударяется о чугунные решетки головой. Падает.

Сволочь!!! Сволочь!!! Сволочь!

ДОКТОР. Он мертв.

ГИАЦИНТОВ. Всем сидеть здесь. И тихо, пожалуйста, у меня сердце вниз подьекнуло.

Центр сцены. Рельсы, уходящие в Москву. Идет заседание райкома комсомола. Два секретаря райкома, одна девушка в красной косынке. Рядом – БЛЮХЕР.

СЕКРЕТАРЬ. Пусть зайдет следующий.

Входит ПАХОМ ВАСИЛЬЕВ.

ВАСИЛЬЕВ. Здорово, ребята! На мобилизационную комиссию райкома комсы прибыл Пахом Васильев. Готов умереть за революцию.

БЛЮХЕР. Ты лучше за нее поживи.

ВАСИЛЬЕВ. А этот тип откуда?

ДЕВУШКА. Этот тип... Этот тип!

БЛЮХЕР. Я из военведа.

ВАСИЛЬЕВ. Рожа у тебя больно старорежимная. У меня к тем, кто бритый, и в английском френче, прорезалось обостренное чувство классовой неприязни.

БЛЮХЕР. Понятно. Какую главную мечту имеешь в жизни?

ВАСИЛЬЕВ. Торжество революции в мировом масштабе.

ДЕВУШКА. Что сделал для этого?

ВАСИЛЬЕВ. Учу английский язык по приказу главкома Блюхера. Провел со своей комсомой семь коммунистических субботников. Отремонтировал в нашем депо три полевые кухни в сверхурочное время! Отдал для нужд фронта свои хромовые сапоги!

БЛЮХЕР. Голенища бутылочками?

ВАСИЛЬЕВ. Что я – старик? Гармоника – напуск, сдвигаешь их, бывало, так аж скрежет стоит, как предсмертный стон мирового империализма!

БЛЮХЕР. Годится. Следующий.

СЕКРЕТАРЬ. Получаешь направление на бронепоезд.

ВАСИЛЬЕВ. Доверие оправдаю. Вернусь с победой.

СЕКРЕТАРЬ. Следующий.

Входит НИКИТА ШУВАЛОВ.

НИКИТА. Шувалов, Никита.

СЕКРЕТАРЬ. Давно в рядах комсы?

НИКИТА. Третий год.

ДЕВУШКА. Что сделал для революции?

НИКИТА. Ничего.

ДЕВУШКА. Разъясни.

НИКИТА. И так понятно. Революции нужны бойцы, а меня держат машинистом на «кукушке». Я вожу бараньи туши с бойни на базар для купцов советского выпуска.

БЛЮХЕР. А если советские купцы помогают кормить народ? Ты все равно против?

НИКИТА. Да не против я. Плевать мне на них семь раз с присыпью. Меня они не волнуют, я сам себя волную. Талдычат: погоди, ты еще пригодишься революции, погоди.

БЛЮХЕР. дождался. Идешь машинистом на бронепоезд.

НИКИТА. Давно бы так, а то тянут чего не поймешь. (*Уходит.*)

СЕКРЕТАРЬ. Это хорошо, что на бронепоезд. У него белые отца в топке сожгли. Он на них бешеный.

Входит ПОТАПОВ.

ПОТАПОВ. Здравствуйте, товарищи. Василий Константинович, на минуту.

БЛЮХЕР. Что стряслось?

ПОТАПОВ. Взят Чен. Вокруг Исаева кольцо, связь с ним оборвалась.

БЛЮХЕР. Едем в штаб.

Картина вторая

ВАНЮШИН, ИСАЕВ и СЛЕСАРЬ. Номер «Версаля».

ВАНЮШИН (*он пьян*). Слушай, цинковое лицо... Зачем ты здесь торчишь? Мы ж тебя прогоняли сто раз.

СЛЕСАРЬ. Господин Ванюшин, служба... Вот на Максим Максимыча покушение подполье тутошное готовит как на продажного белого писаку – я к нему личным охранником прикреплен. И чтоб ни на шаг... Служба, господин Ванюшин, служба, куда от нее денешься...

ВАНЮШИН. Черт с тобой, сиди. Только на меня не смотри – у тебя глаза оловянные.

ИСАЕВ. Николай Иванович, мудрость – это спокойствие...

ВАНЮШИН. Вот врезочка, Максим Максимыч. Из московской газеты «Раннее утро» от 17 октября 1912 года. Полюбопытствуйте. Только вслух. Я наслаждаюсь, когда слушаю это.

ИСАЕВ. «Вчера у мировой судьи слушалось дело корреспондента иностранной газеты Фредерика Раннета по обвинению его в нарушении общественной тишины и спокойствия. Находясь в ресторане в компании иностранцев и будучи навеселе, Раннет подошел к официанту Максиму и ударил его по лицу. Составили протокол. Раннет заявил, что он не желал

оскорблять Максимова, а хотел только доказать, что в России можно всякому дать по лицу и отделаться небольшим расходом в виде денежного штрафа. Мировой судья, однако, приговорил Раннета к семи дням ареста».

ВАНЮШИН. Заголовочек пропустили, Максим. Вы обязательно проговорите мне заголовочек.

ИСАЕВ. Заголовочек – извольте: «В России все можно?!»

ВАНЮШИН. Ха-ха-ха! Какая прелесть, а?! У нас все можно! Все и всем! Любому скоту, и торговцу, и вонючему иностранишке! И любому интеллигентишке!

ИСАЕВ. Зря вы нашу интеллигенцию браните. Она бессильна не от того, что плоха, а потому, что законов у нас было много, а закона не было.

ВАНЮШИН. Все кончено, Максим. Вы понимаете – мы пропали.

ИСАЕВ. О чем вы? Зачем такой пессимизм?

ВАНЮШИН. В эмиграции после гибели Колчака я жил в роскошном харбинском хлеву и подстилал под себя прекрасную заграничную солому. Воровал хлеб, а потом здесь – восстание, Меркуловы... Я поверил. Я приехал сюда и делал все, что мог, во имя победы белой идеи. Но кому она нужна здесь? Мне. Вам. А еще? Кому еще? Остальные норовят побольше заграбастать, урвать от пирога – а там хоть потоп! В Хабаровске, когда мы его освободили от красных, был разгул, семеновцы насиловали гимназисток и вешали учителей, а Меркулов метался по лесному складу – на идею ему плевать, важно кедрач вывезти немедленно... Ужас, ужас... скотство... Каждый о себе, о России – никто! Народ нас проклянет. Какие, к черту, белые-освободители?! Бандиты и торгаши!

Появляются САШЕНЬКА и гиацинтовский АДЪЮТАНТ.

ИСАЕВ. Здравствуйте, Сашенька.

ВАНЮШИН. Здравствуйте, лапонька. Вы что это так оделись – в пимы и тулупчик? Карнавал по случаю наших побед?

САШЕНЬКА. Нет. Нас Гиацинтов на охоту позвал.

ИСАЕВ. А с вами кто, Сашенька? Физиономия мне знакомая.

САШЕНЬКА. Это Воля, он повар, его полковник со мной послал – мы первыми едем, чтоб вас на заимке у Тимохи встретить. Вы ведь все вечером подъедете?

ИСАЕВ. Мы вечером, а полковник к утру, у него дела.

ВАНЮШИН. Сашенька, а что это вы так похорошели? Не к любви ль?

САШЕНЬКА. К оной, Николай Иванович, к оной!

САШЕНЬКА уходит.

ВАНЮШИН. А теперь пьем спокойно и думаем о Боге. Вы когда-нибудь слышали, как волчатники воют – волчицей кричат, волка подзывают? Я умею. Хотите, покажу? (*ВАНЮШИН ложится на пол и страшно, протяжно “забит” – поет по-волчьи.*) Вчера генерал Савицкий предложил американцам за миллион долларов купить все земли Уссурийского казачьего войска. Торговать землей Родины! Этого пока еще не было! Все-таки действительно рыба начинает гнить с головы.

Появляется МАША с цыганом-гитаристом. Она поет.

У всех купчишек генералин в мозгу! Интеллигент не падок до власти – в этом трагедия нашего общества! У нас до власти падки разночинцы, торговцы-купчишки и попы! А интел-

лигенты только правдоискательствуют! Идиоты! А правды в России – нет! Нет ее, правды-то! Нет!

ИСАЕВ. Успокойтесь, Николай Иванович...

ВАНЮШИН. А я спокоен! Я спокоен, как животное. Я спокоен, как тот изюбрь, которого вы завтра убьете. У вас, кстати, патронов на мою долю не найдется?

ИСАЕВ. А у меня только два. Хотя держите – я с собой на изюбря больше одного патрона не беру, это нечестно.

ВАНЮШИН. А если промажете?

ИСАЕВ. Не промажу. Я злой на охоте.

ВАНЮШИН уходит.

Хорошо ты поешь, Машенька, сердце холодит.

МАША. Красивый, а ты на охоту не ездил...

ИСАЕВ. Почему?

МАША. Я сон видела вещий, будто у меня зуб выпал.

ИСАЕВ. Ну, будь здорова.

ИСАЕВ уходит в сопровождении СЛЕСАРЯ.

МАША. Гриша, а гитару с того дерева делают, что и гроб?

ЦЫГАН. Нет... Гробики лучше из сосны, она гниет чище.

Появляется ГИАЦИНТОВ.

ГИАЦИНТОВ. Гриша, выйди, сынок, мне с Машенькой надо Обмолвиться.

ЦЫГАН уходит.

МАША. Он не мешает мне, Гриня-то. Он меня любит, не то что вы все.

ГИАЦИНТОВ. Сядь. На руку, погадай.

МАША. Позолотить надо.

ГИАЦИНТОВ. Мало я тебе золотил.

МАША. Удача тебя ждет, да плохая это удача будет, черный. Кровавая она выйдет, эта твоя удача. Не бери красивого с собой – не бери. Оставь его. Хочешь, я к тебе сегодня поеду? За это всю ночь с тобой проведу.

ГИАЦИНТОВ. Не болтай, не болтай. А поехать – и так поедешь, иначе табор ваш прогону из города.

МАША. А мы дорог не боимся.

ГИАЦИНТОВ. Значит, удача, говоришь? Ну ступай, спасибо тебе.

МАША. Нет, ты мою просьбу уважь.

ГИАЦИНТОВ. Ну ступай, ступай. Какие ты глупости говоришь, право; красивый – мой приятель, ты не думай, я его на хорошее зову.

МАША. Смотри, а то я с нашим чертом говорить стану. Он – рогатый, он кого хошь найдет.

ГИАЦИНТОВ. А хвост есть?

МАША. Смеешься, черный. Гляди, я правду говорю.

МАША уходит. ГИАЦИНТОВ пьет, потом снимает телефонную трубку.

ГИАЦИНТОВ. Больницу мне. Алло, это отделение для душевнобольных? Здравствуйте. Как самочувствие господина Фривейского? Ясно. Понятно. Спасибо. До свидания. Сейчас я буду.

ГИАЦИНТОВ уходит.

Картина третья

Охотничья заимка Тимохи. ВАНЮШИН спит на лавке. Агент СЛЕСАРЬ и АДЬЮТАНТ ВОЛЯ спят у двери, чтобы никто не мог войти или выйти. САШЕНЬКА и ИСАЕВ сидят у окна, занесенного снегом.

САШЕНЬКА. Если прижаться щекой к замерзшему окну, то сначала холодно, а потом жарко – как жжет. Попробуйте, Максим Максимыч.

ИСАЕВ. Я при вас несколько глупей, Сашенька. Мне обязательно при вас хочется говорить самые умные вещи и обязательно афоризмами.

САШЕНЬКА. Это вам, наверно, передается мое состояние, мне тоже хочется быть ужасно оригинальной и умной, чтобы вы не сразу поняли, какая я дура.

ИСАЕВ. Молодой месяц слева. Загадывайте – сбудется.

САШЕНЬКА. Загадала.

ИСАЕВ. У вас глазищи японские.

САШЕНЬКА. Да?

ИСАЕВ. Будто не знаете...

САШЕНЬКА. Знаю.

ИСАЕВ. Зачем переспрашиваете?

САШЕНЬКА. Зачем, зачем... Хочу, чтобы вы в меня влюбились...

ИСАЕВ (*прижавшись щекой к окну*). Сначала жарко, а потом ужасно холодно.

САШЕНЬКА. У вас на скулах румянец с синевой, как у склеротика.

ИСАЕВ. Спасибо.

САШЕНЬКА. Я вас нарочно злю.

ИСАЕВ. Давайте играть в ладушки.

САШЕНЬКА. Я не умею.

ИСАЕВ. Умеете. Это вы просто забыли. Сейчас я стану петь и подбрасывать вашу ладонь, а вы бойтесь, чтобы я вас между делом не хлопнул по руке.

САШЕНЬКА. А вы сильно будете хлопать?

ИСАЕВ. Нет, совсем не сильно.

САШЕНЬКА. Давайте.

ИСАЕВ. Ладушки, ладушки, где были? У бабушки! А что ели? Кашку! А что пили?

САШЕНЬКА. Спирт. Вы не по правде играете, я не боюсь вас, вон вы мне поддаетесь и в глаза не глядите.

ИСАЕВ. Сашенька, а вот если б люди были вместе – долго, вечность, а потом один из них взял и уехал, но чтоб обязательно и в скорости вернуться, тогда как?

САШЕНЬКА. О чем это вы, Максим Максимович? Я ж отказалась ехать с отцом в Париж, коли вы тоже здесь остаетесь.

ИСАЕВ. Когда бы вы только видели, как я отвратителен, если сфотографировать мое отражение в ваших глазах. Я кажусь маленьким, жирным и расплюснутым, словно на меня положили могильную плиту. И рожа, как новый пятак.

САШЕНЬКА. Зачем вы так говорите? Я не княжна Мэри, я прожила революцию и пять лет войны, меня окольно не надо отталкивать, вы мне лучше все прямо в глаза говорите, а то я бог весть что подумаю.

ИСАЕВ берет деревянную свистелочку с подоконника и тихонько играет протяжную, заунывную мелодию.

САШЕНЬКА. Что вы молчите? Ну? Ответьте же что-нибудь! Вы когда-нибудь очень пожалеете, что не позволили мне всегда быть подле вас.

ИСАЕВ. Я знаю.

САШЕНЬКА. Ничего вы не знаете...

ИСАЕВ. Смотрите, какая тайга под луной. Будто декорация. У вас лоб выпуклый, хороший.

САШЕНЬКА. Вы, верно, думаете, что в нем ума много?

ИСАЕВ. Вы – умная.

САШЕНЬКА. Женщине надо родиться дурой, тогда ее ждет счастье.

ИСАЕВ. Это не ваши слова.

САШЕНЬКА. Мои.

ИСАЕВ. Сашенька... Моей профессии... журналиста противна любовь к женщине, потому что это делает ласковым и слишком мягким. А это недопустимо. Но раньше я вообще никогда не любил; не успел, наверное, потому что главным для меня были... мои читатели. Они, читатели, требуют всей моей любви и силы, всего сердца и мозга – иначе незачем огород городить. Так я считал.

САШЕНЬКА. Вы и сейчас продолжаете считать так?

ИСАЕВ. Да.

САШЕНЬКА. Я поцелую вас, Максим Максимыч, можно?.. Милый мой, дорогой человек, а ведь ваши читатели газетами окна на зиму заклеивают и фамилию вашу пополам режут – я сама видела.

ИСАЕВ. Сашенька, Сашечка, Саша...

САШЕНЬКА. Я пойду за вами куда позовете. Я готова нести на спине поклажу, в руках – весла, а в зубах – сумку, где будет наш хлеб. Я готова быть подле вас всюду – в голоде, ужасе и боли. Если вы останетесь здесь – я останусь подле вас, что бы вам ни грозило.

ИСАЕВ. Скоро утро. Ложитесь, я буду сидеть подле вас.

САШЕНЬКА ложится на кровать. ИСАЕВ укрывает ее медвежьей полостью. Сидит возле нее и поет ей колыбельную песню. Открывается дверь.

СЛЕСАРЬ (*со сна*). Кто?! Что?! Куда?!

ТИМОХА. Тише ты. Я это, егерь Тимоха.

СЛЕСАРЬ. А-а... (*Сонно.*) Ну, проходи.

ИСАЕВ. Ну?

ТИМОХА. Будет зверь. Айда спать, а то завтра маятность предстоит.

ИСАЕВ. Места для нас определил?

ТИМОХА. Порядок.

ИСАЕВ ложится подле Сашеньки. ТИМОХА укладывается на полу и тушит лампу.

ИСАЕВ. Сашенька, я очень верю прекрасному глаголу – «ждать». А вы? Спит. Сашенька – единственная женщина, которую я мечтал видеть всегда рядом...

Окно зимовья освещается желтым светом автомобильных фар.

Входит ГИАЦИНТОВ с тремя сотрудниками контрразведки.

ГИАЦИНТОВ. Тише топайте, люди спят. *(Он подходит к постели и долго смотрит на лежащего Исаева.)*

Центр сцены. Вдали – грохот канонады. Рваная колючая проволока. Луна искрится на снегу. Через это снежное мертвое поле, среди трупов убитых, идут БЛЮХЕР и ПОСТЫШЕВ.

БЛЮХЕР. Красный. Белый. Белый. Казак. Красный...

ПОСТЫШЕВ. Русские они все...

БЛЮХЕР. Правда крови стоит.

ПОСТЫШЕВ. Завтрашний бой решит все.

БЛЮХЕР. Слышишь?

ПОСТЫШЕВ. Что?

БЛЮХЕР. Вроде – песня...

ПОСТЫШЕВ. Нет. Лес стонет. Мороз стволы ломает.

БЛЮХЕР. Сердце разрывается, когда людей посылаешь с голыми руками на колючую проволоку, под пулеметы...

ПОСТЫШЕВ. Правда крови стоит.

БЛЮХЕР. Не забыли б только про это.

ПОСТЫШЕВ. Такое не забывают.

БЛЮХЕР. Знаешь, мне иногда прямо крикнуть хочется, и чтоб крик мой, словно обелиск, остался навечно: «Люди, дети, внуки! Помните про то, как голодные солдаты революции умирали за ваше счастье! Обязательно помните! Забыв тех героев, которые свершили самую великую и добрую революцию, вы предадите самих себя, свое сердце, свою мечту!»

ПОСТЫШЕВ. Они будут помнить.

БЛЮХЕР. Пошли в окопы. Через час – штурм Волочаевки.

ПОСТЫШЕВ. Слышишь?

БЛЮХЕР. Что?

ПОСТЫШЕВ. Ночь какая божественная.

БЛЮХЕР. Стрелять перестали совсем...

ПОСТЫШЕВ. В такую ночь стрелять – красоту рушить.

БЛЮХЕР. Ну, до утра, Пал Петрович.

ПОСТЫШЕВ. До утра, Василий Константинович...

БЛЮХЕР. Пал Петрович... А ведь верно... Поют... Мужики поют... Слышишь...

Поют мужики протяжную песню – о доме, который бросили, о детях, которые остались одни, о бабах, которые одни горемычничают. Подходит ГРЖИМАЛЬСКИЙ.

ГРЖИМАЛЬСКИЙ. Василий Константинович, дальнейшее ожидание деморализует войска. Моя жена в свое время ставила любительские спектакли. У них был термин – «передержать спектакль». Пусть лучше выпустить чуть раньше, поможет энтузиазм, напор, горение.

ПОСТЫШЕВ. Андрей Иванович, дорогой, фронт – не спектакль, там не из игрушечных пистолетов стреляют.

ГРЖИМАЛЬСКИЙ. Если б я решил саботировать – то лучшей ситуации не сыщешь. Все вокруг ропщут, считают, что это мы, бывшие генералы, удерживаем вас от последнего броска...

БЛЮХЕР. Кто именно?

ГРЖИМАЛЬСКИЙ. Увольте от точного ответа, я считаю это доносом.

БЛЮХЕР. Помните Пушкина. «Мы ленивы и нелюбопытны»? Мы еще склонны прикрывать невежество – в военной науке тоже – презрительной ухмылкой обожравшегося культурой Фауста. Соскобли с иного «Азбуку коммунизма» – и предстанет голеный крикун-обыватель.

ПОСТЫШЕВ. А что касается недовольных медлительностью Блюхера – то это нам выгодно: это дезинфекция, которой во Владивостоке не могут не верить, потому что она исходит от преданных, но недалеких людей.

ГРЖИМАЛЬСКИЙ. Вы страшные хитрецы.

БЛЮХЕР. А как без нее воевать-то, без хитрости? Какие у вас пропозиции по завтрашнему бою?

ГРЖИМАЛЬСКИЙ. Здесь я предлагаю вам широкую деятельность...

БЛЮХЕР. У индусов есть поговорка: «Горе тому народу, правитель которого слишком деятелен». Как бы нам такому правителю не уподобиться? Ну, пошли в штаб, будем все проверять напоследок.

ПОСТЫШЕВ. Счастливо.

БЛЮХЕР. Ты в окопы?

ПОСТЫШЕВ. Да.

БЛЮХЕР и ГРЖИМАЛЬСКИЙ уходят. ПОСТЫШЕВ стоит, замерев, слушая песню. К нему подходят ПЕРВЫЙ и ВТОРОЙ БОЙЦЫ.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Пал Петров, когда ж начнем?

ВТОРОЙ БОЕЦ. Душа истомилась – скovyрнуть надо белого гада, в дома вернуться, землю нежить.

ПОСТЫШЕВ. Землю нежить...

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Мы теперь заново рожденные, мы теперь все окрест вдвойне любим: и небо, и бабу, и землю, и дите.

ПОСТЫШЕВ. Это как понять – «заново рожденные»?

ВТОРОЙ БОЕЦ. Кто из труса выкарабкался и стал врагу в глаз смотреть.

ПОСТЫШЕВ. Ну, пошли. Вон солнце забрезжило. Через час – штурм Волочаевской сопки.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Слава тебе, господи! Спаси, сохрани и помилуй – наше красное дело!

ПОСТЫШЕВ. Думаешь – слышит он тебя?

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Этого я не знаю, а порядок есть порядок! Даешь Волочаевку, мать твою белого гада семь раз так!

Картина четвертая

Утро в лесу. Снег, голубое небо, и вдали – черная стена тайги. Возле большого стога – ГИАЦИНТОВ с ИСАЕВЫМ.

ГИАЦИНТОВ. Скоро начнется гон...

ИСАЕВ. А вон тот ваш человек, что под деревом, у него ружья нет.

ГИАЦИНТОВ. У него два нагана и граната, не беспокойтесь за вооруженность моих сотрудников.

ИСАЕВ. Молчу.

ГИАЦИНТОВ. Погодите молчать, Макс, у нас еще есть пять минут для разговора. Я вчера был у Фривейского, он очень плох, но тем не менее мы с ним объяснились.

ИСАЕВ. Бедный Александр Александрович...

ГИАЦИНТОВ. Да, не говорите. Я счастлив, что мы с вами наконец остались один на один.

ИСАЕВ. А вон там – человек.

ГИАЦИНТОВ. А это не человек. Это филер. Мечтал уединиться и вот – мечты сбылись. В городе – никак не выходит, чтоб один на один. Звать к себе – интеллигенция станет вас

сторониться, как возможного агента охраны. У вас? Всегда полно народа. А в кафе «Банзай» вы так часто бывали с Ченом, что вас там хорошо запомнили.

ИСАЕВ. Там прекрасно делали рыбу.

ГИАЦИНТОВ. Карп по-монастырски?

ИСАЕВ. Нет, это обычно. Мне там нравились креветки, зажаренные в мясе осетра.

ГИАЦИНТОВ. Да, помню, как-то раз пробовал, это занятно. Но мы отклонились в сторону от разговора. Он будет краток. Я ничего не хочу знать о вашем прошлом, хотя оно крайне занятно и изобилует белыми пятнами, словно карта Антарктиды. Меня занимало ваше настоящее, оно элегантно, оно достойно вас. Вы – обаяшка, а это не просто достоинство человека, это его профессия. Но волнует меня ваше будущее. Сегодня, после отстрела изюбря, вы скажете мне «да». Понимаете меня?

ИСАЕВ. Я готов сейчас сказать вам «да». Мне только не совсем понятно, о каком «да» идет речь?

ГИАЦИНТОВ. Вам пять лет? Вы плохо выговариваете букву «р»? Вы еще мочитесь в кроватку? Перестаньте, дуся, мы ж с вами люди вполне зрелого возраста.

ИСАЕВ. А если – «нет»?

ГИАЦИНТОВ. Умница. Хорошо, что вы сказали про «нет». Я запомнил предупредить вас об этом. Если я услышу «нет», то завтра мы будем хоронить вас, как случайно застрелившегося на охоте.

ИСАЕВ. Такая жестокость, Кирилл Николаевич...

ГИАЦИНТОВ. С людьми вашей профессии и ваших связей мне иначе нельзя.

ИСАЕВ. Клянусь Богом, я буду нем как рыба.

ГИАЦИНТОВ. Мне уже говорил про это ваш приятель Чен.

ИСАЕВ. Кто?

ГИАЦИНТОВ. Чен.

ИСАЕВ. Ув-ле-чен. Смешная рифма.

ГИАЦИНТОВ. Бросьте-бросьте. Неужто вы не знали, что Чен – здешний резидент ЧК?

ИСАЕВ. Сейчас я начну хохотать и спугну изюбра, полковник.

ГИАЦИНТОВ. Хватит, Исаев. Вы были обложены мной. Я наблюдал за вами все последнее время, как ревнивый муж. Ясно вам? Партия сыграна, надо выбирать достойный выход.

ИСАЕВ. Кирилл Николаевич, а вы знаете, что у контрразведчиков мания подозрительности – профессиональная болезнь?

ГИАЦИНТОВ. Наслышан.

ИСАЕВ. Любопытно, в вашей конторе есть профсоюз, который защищает права занемогших на боевом посту?

ГИАЦИНТОВ. Хватит. Только не вздумайте шутить. Целить в изюбра буду один я. Ваш патрончик мои люди разрядили.

ИСАЕВ. Тогда мне нечего здесь делать. Я домой пойду.

ГИАЦИНТОВ. Значит, «да»?

ИСАЕВ. Нет.

ГИАЦИНТОВ. Это пока «нет». А домой я вас не пушу. Вернее, по дороге домой с вами и произойдет несчастный случай. Право, я не шучу. В нашей профессии есть только одна опасность – заиграться. Так вот с вами я заигрался, мне обратно нельзя отрабатывать. После того, как вы мне скажете «да», я объясню вам – зачем вы мне нужны.

Слышно, как в лесу ТИМОХА начинает загон. Он кричит: «Ай, давай, давай, давай! Пошел на полковника! Пошел! Пошел!» В загоне раздаются несколько выстрелов. После первого же выстрела из стога вылезают четверо людей во главе с ПОТАПОВЫМ. ГИАЦИНТОВА обезоруживают. ИСАЕВ стреляет в Слесаря.

ИСАЕВ. Это тебе за Чена, гад! Готов агент Слесарь. Полковник, у нас мало времени и шутить мы не будем. Быстро вперед, если побежите – пристрелю, нам терять нечего.

ГИАЦИНТОВ идет вперед, в лес, подняв руки вверх.

Слышны выстрелы в загоне, крики ТИМОХИ и гиацинтовских сотрудников.

Эпилог

Так же, как в прологе, на сцене, на фоне рельсов, уходящих в Москву, стоит БЛЮХЕР, взяв под козырек. Он внимательно смотрит в зал и провожает глазами – из одного конца в другой – проходящие воинские части. Гремит песня «По долинам и по взгорьям». БЛЮХЕР берет под козырек. К нему подходит ИСАЕВ – в форме комбрига с орденами на груди – и становится рядом. Потом подходят ПОСТЫШЕВ, ПОТАПОВ, ГРЖИМАЛЬСКИЙ.

БЛЮХЕР. Ест теперь силища. Ишь, как поют. Силища... Такую – никому не одолеть...
Никогда!

Звучит песня:

И останутся, как в сказке,
Как манящие огни,
Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевские дни!..

Занавес

Провокация

Действие с перерывом на ночь

Посвящается Роману Кармену

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЖУРНАЛИСТ, он же полковник советской разведки МАКСИМ ИСАЕВ
РОГМЮЛЛЕР, оберштурмбаннфюрер СС, он же ФРЭД
АНИ, агент РОГМЮЛЛЕРА
ПЬЕР РЕПУБЛИКЭН, он же доброволец испанских интербригад ФРИЦ КЛАМ
ШАРЛЬ, официант, он же ЖЮЛЬ ДАВАР, начальник контрразведки одной из интербригад
ПЕРВЫЙ СД
ВТОРОЙ СД
ТРЕТИЙ СД
АЗИАТ, агент РОГМЮЛЛЕРА
ТАНЦОВЩИЦА
ТАНЦОРЫ-БЛИЗНЕЦЫ
ЛИЗ ДЖУРОВИЧ, журналистка
ШЕФ КРИМИНАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ
МОНАХ

Кинопролог в этой пьесе должен быть взят из фильма Кармена и Симонова «Гренада, Гренада, Гренада моя...». Кадры этой кинопоэмы должны показать последние дни республиканской Испании, горечь поражения и в то же время неистребимое желание продолжать борьбу до победы, за новую, республиканскую, свободную Испанию.

1

Маленькое варьете в нейтральной стране. На сцене варьете в центре зала певице АНИ поет песенку. Временами, отрываясь от записной книжки, на Ани, улыбаясь, смотрит ЖУРНАЛИСТ. Она улыбается ему. В отдельном кабинете сидят три офицера из службы политической разведки. ПЕРВЫЙ СД внимательно наблюдает за ЖУРНАЛИСТОМ. АНИ кончила петь, ей поаплодировали.

ПЕРВЫЙ СД. Журналист заказал еще виски.
ВТОРОЙ СД. Меня чертовски мучит изжога.
ТРЕТИЙ СД. Выпейте соды.

Входит старый ПРОДАВЕЦ газет.

ПРОДАВЕЦ. Последний выпуск вечерних газет! Франция интернирует республиканцев на границе! Мадрид чествует победу Франко! Предстоящее выступление канцлера Германии Гитлера! Таинственное исчезновение из политической тюрьмы Барселоны командира интернациональных бригад Пьера Републикэна! Беглеца разыскивают силы безопасности в аэропортах Парижа, Рима, Берлина и Мадрида! Литвинов выступит в Лиге Наций! Последние новости!

ВТОРОЙ СД. Пожалуйста, все газеты.

ПРОДАВЕЦ. Прошу вас. (*Уходит.*)

ТРЕТИЙ СД. Ну, что там? О Републикэне есть подробности?

ВТОРОЙ СД. (*читая газету*). Теперь он придет только сюда. Ему больше некуда деться. Рогмюллер сработал точно. Он всучил прессе именно то, что нам нужно. Здесь – единственное место, через которое он будет уходить в Москву.

ТРЕТИЙ СД. Сколько дней певица работает с ЖУРНАЛИСТОМ?

ПЕРВЫЙ СД. Третий день. Они говорят, как философы на диспуте.

ВТОРОЙ СД. Он приятный парень. В таких влюбляются.

ПЕРВЫЙ СД. Пусть влюбляется.

ВТОРОЙ СД. Она – самый ценный агент Рогмюллера.

ТРЕТИЙ СД. Где он, кстати?

ПЕРВЫЙ СД. Сейчас придет. (*Смотрит на часы.*) У него еще есть две минуты. Он любит поражать точностью.

ВТОРОЙ СД. Рогмюллер спал с ней?

ПЕРВЫЙ СД. Меня это тоже интересует.

ВТОРОЙ СД. Сверьте часы. Оберштурмбаннфюрер СС Рогмюллер!

Через зал идет маленький, седой, с моложавым лицом, обворожительно улыбающийся человек. Он мило раскланивается со знакомыми.

РОГМЮЛЛЕР (*высокому знакомому*). Анри, я выиграл три сета у нашего приятеля. У него неплохой удар с левой, но, говоря откровенно, играть он не умеет. (*Полной даме.*) Миссис Штейнберг, я не советую вам брать Леже у Феликса, я не верю ему, он может всучить подделку. (*Молодой девушке.*) Мисс Даулло, к сожалению, я не смогу отвести вас по тропам в горы – завтра я должен опробовать фуникулер у девятой отметки. (*Молодому парню.*) Добрый вечер, ваше сиятельство...

МОЛОДОЙ ПАРЕНЬ (*перебив его*). Вы свинья, Фрэд. Вы подонок.

РОГМЮЛЛЕР. Ваше сиятельство, я предупреждал вашего секретаря...

МОЛОДОЙ ПАРЕНЬ. Заткнитесь! Вы подвели моих друзей. Они ждали вас два дня, чтобы идти на ледник...

РОГМЮЛЛЕР. Но, ваше сиятельство...

МОЛОДОЙ ПАРЕНЬ. Подите прочь!

РОГМЮЛЛЕР сдержанно кланяется и заходит в отдельный кабинет.

ТРОЕ СД поднимаются.

РОГМЮЛЛЕР. (*Лицо стало морищинистым, отечным, старым, без улыбки. Очень сдержан в жестах.*) Здравствуйте, ребята, рад вас видеть. Прошу садиться.

ТРЕТИЙ СД. Виски, пива?

РОГМЮЛЛЕР. Кофе. (*Просматривает газеты.*) Моя дезинформация в прессе сработала. Его засекли люди нашего военного атташе в Лондоне. Он брал билет сюда.

ВТОРОЙ СД. Какой рейс?

РОГМЮЛЛЕР. Не знаю. Он оторвался от слежки. Люди из Лондона сообщают, что он будет здесь завтра у журналиста с архивом интернациональных бригад – желтый кожаный саквояж – от двенадцати до часу. Мы возьмем его здесь. И никаких претензий: нейтральная страна.

ПЕРВЫЙ СД (*продолжая вести наблюдения*). Журналист послал певице воздушный поцелуй.

РОГМЮЛЛЕР. Вам здесь не следует задерживаться. У журналиста точный глаз. Я заочно встречался с ним два раза: в Испании и Нюрнберге.

ВТОРОЙ СД. Журналист – из профессионалов? Или любитель?

РОГМЮЛЛЕР. По-моему, из любителей. Вроде господина Хемингуэя. Впрочем, в Берлине считают, что он кадровый сотрудник русской разведки. Я с этим не согласен...

ТРЕТИЙ СД. Стоило тогда охотиться за ним в Испании?

РОГМЮЛЛЕР. Стоило. Его разоблачительные статьи против нашей помощи Франко были опасны, как танки или самолеты. Он будоражил общественное мнение, а это страшнее танков и опасней работы кадрового разведчика...

ПЕРВЫЙ СД. Недолго же он молчал после той вашей операции.

РОГМЮЛЛЕР. Это не моя вина.

ТРЕТИЙ СД. А чья?

РОГМЮЛЛЕР. Хватит о прошлом. Давайте подумаем о настоящем. Вы поселитесь на вилле Пронто. Организуйте там дежурство. Машина журналиста и Републикэна доедет только до виллы Пронто, мои механики позаботятся об этом. Так что мы их возьмем тихо, без стрельбы. И уведем через горы к нам, в рейх.

ВТОРОЙ СД. А если они решат лететь?

РОГМЮЛЛЕР. И журналист, и Републикэн знают, что аэропорты блокированы. У них одна дорога: через восточную границу, машиной.

ПЕРВЫЙ СД. И – тем не менее: если они решат лететь?

РОГМЮЛЛЕР. Один шанс из миллиона. Тем не менее я предусмотрел и это. Ани, которая работает с ним, сообщит нам заранее, если они решат уходить воздухом. От виллы до аэропорта сорок миль – вы успеете обернуться. Там в горах есть две площадки для отдыха, мы легко их возьмем – пустое шоссе, много слепых поворотов...

ВТОРОЙ СД. Почему вы думаете, что Ани будет знать, каким путем они решат уходить?

РОГМЮЛЛЕР. Операцией руковожу я, не правда ли? Так что давайте разграничим функции: каждому свое. Ну, счастливо. Ждите моих новостей.

РОГМЮЛЛЕР поднялся, следом за ним – ТРОЕ СД. Обменялись рукопожатиями.

СД ушли, РОГМЮЛЛЕР садится за столик возле эстрады. АНИ подходит к РОГМЮЛЛЕРУ.

АНИ. Хэлло, Фрэд.

РОГМЮЛЛЕР. Хэлло, Ани.

Подходит ОФИЦИАНТ ШАРЛЬ.

РОГМЮЛЛЕР. Ани – кофе, мне – теплое молоко.

ОФИЦИАНТ (*показывая на горло*). Миндалины?

РОГМЮЛЛЕР. Вы прозорливец, Шарль.

ОФИЦИАНТ. Я прослежу, чтобы молоко было лишь слегка подогрето.

Отходит.

РОГМЮЛЛЕР. Вы плохо выглядите, Ани. Устали? С ним трудно работать?

АНИ. Вы часто видите во сне песок?

РОГМЮЛЛЕР. Ни разу не видел. Во сне я всегда вижу дерьмо. И еще я часто вижу, как лечу в пропасть. Первое – к деньгам, второе – свидетельствует, что я продолжаю расти... Мой стареющий организм бросает вызов природе. Падать в пропасть – это к росту.

АНИ. А я в последнее время вижу песок. Это плохой сон.

РОГМЮЛЛЕР. Ерунда... Не верьте снам...

АНИ. Фрэд, вы тоже верите снам. Все верят снам и приметам. Все. Только идиоты не верят снам.

РОГМЮЛЛЕР. Как у вас с ним? (*Ани пожала плечами.*) Вы не ответили.

АНИ. Женщину легко подчинить себе. Но после того как женщина подчинилась и это не рождено любовью, всегда появляется протест. Он, правда, не осмыслен, но это тем страшнее.

РОГМЮЛЛЕР. Протест обычно целенаправлен. Против чего направлен ваш протест?

АНИ. Я вроде оккупированной страны...

РОГМЮЛЛЕР. Бросьте вы себя изводить, право слово. В мире все так относительно, так перепутались все понятия... Сплошь и рядом добро оказывается злом и, наоборот, зло, рассмотренное с точки зрения исторической целесообразности, – на самом деле не что иное, как добро.

АНИ. Так вы оправдаете инквизицию.

РОГМЮЛЛЕР. Инквизиция не нуждается в оправдании.

АНИ. Когда вы так говорите, люди отшатаываются от нас, как от проклятых.

РОГМЮЛЛЕР. А мы этого не боимся. Инквизиция стимулировала развитие разума, она – мать прогресса, дай тогда церковь свободу мысли, и мысль бы замерла. Мысль развивается только в том случае, если ей поставлены препоны. В наш век тоже надо ставить препоны мысли. Советы Востока и демократии Запада этого сделать не в состоянии. Мы, наш режим, пошли на великий подвиг, взяв на себя тяжкое бремя называть правду – правдой, и человечество, избранная его кровь, воздвигнет в нашу честь монументы, когда мир войдет в пору золотого века. И мы с вами – маленькие звенья в этом великом эксперименте. Разве не высшая радость подчинить себя, свою сущность этому эксперименту?

АНИ (*кивнув на ЖУРНАЛИСТА*). А при чем здесь он?

РОГМЮЛЛЕР. Он мешает нашему эксперименту.

АНИ. Вы думаете, он...

РОГМЮЛЛЕР. Ани, я научился думать, поверив в предначертанное нам. Зато научился честно выполнять свой долг.

АНИ. Я боюсь, что у меня с ним ничего не выйдет. Он другой, он не похож на остальных.

РОГМЮЛЛЕР. Все мужчины одинаковы, за столом и в постели во всяком случае.

АНИ. Вы судите по себе?

РОГМЮЛЛЕР. Ани, у меня сейчас нет времени на дискуссию... Вы должны быть с ним сегодня и завтра до двенадцати часов. Когда к нему придет высокий черный человек со шрамом на лбу и с желтым саквояжем в руках, вы позвоните к портю и попросите подать вам такси, все логично: мужчины ценят женщин, которые оставляют их наедине с друзьями.

АНИ. Вам нужен человек со шрамом?

РОГМЮЛЛЕР. Да.

АНИ (*кивая на ЖУРНАЛИСТА*). Он вас не интересует?

РОГМЮЛЛЕР. Постольку поскольку...

Из-за занавески вышел ОФИЦИАНТ. Поставил на стол молоко и кофе.

ОФИЦИАНТ. Я проследил за молоком сам. Оно чуть теплое.

РОГМЮЛЛЕР. Спасибо, Шарль.

ОФИЦИАНТ ШАРЛЬ медленно отошел от столика. Двинулся через зал. Остановился возле другого столика, за которым сидел МОЛОДОЙ ПАРЕНЬ.

ОФИЦИАНТ. Ваше сиятельство, я не советую вам сегодня брать форель. Рыба утомлена нерестом, она идет сейчас вверх к водопадам, поэтому мясо у нее сухое и волокнистое. Рекомендую взять угря под белым вином. Прислали великолепных угрей из Финляндии. Они хорошо готовят мужчину к вечерней партии.

МОЛОДОЙ ПАРЕНЬ. Шарль, я еще не в том возрасте, чтобы готовить себя к любви особо калорийной пищей.

ОФИЦИАНТ ШАРЛЬ кланяется царственным сдержанным поклоном и подходит к столу ЖУРНАЛИСТА.

ОФИЦИАНТ. Еще виски?

ЖУРНАЛИСТ. Да.

ОФИЦИАНТ (*убирая со стола, очень тихо*). Она работает на гестапо.

ЖУРНАЛИСТ. Ну и прекрасно...

ОФИЦИАНТ. Тебе надо уходить.

ЖУРНАЛИСТ. Почему? Она будет мне лучшей защитой.

ОФИЦИАНТ. Тебе надо уходить!

ЖУРНАЛИСТ (*громко*). И обязательно – воды.

ОФИЦИАНТ. О да!

АНИ подходит к ЖУРНАЛИСТУ.

ЖУРНАЛИСТ. Вы сегодня очень хороши. (*Протягивает ей фиалку.*)

АНИ. Спасибо.

ЖУРНАЛИСТ. Кофе?

АНИ. Виски. Вы когда-нибудь цыган слушали?

ЖУРНАЛИСТ. Да.

АНИ. Где?

ЖУРНАЛИСТ. В Испании...

АНИ. А сегодня у нас поет цыган из России. Вы бывали в России?

ЖУРНАЛИСТ. Бывал.

На сцене в луче прожектора появляется цыган. Он поет тоскливую, прекрасную песню о родине. Овация. Цыган исчезает со сцены в полной темноте.

АНИ. Цыгане кокетничают любовью к родине. Но я это понимаю перед и после, а когда он поет, я только слушаю это, и ничего больше. Наверное, самая великая сила искусства в том, что оно позволяет человеку забыть себя.

ЖУРНАЛИСТ. По-моему, смысл искусства в том, что оно заставляет человека вспоминать себя.

АНИ. Вы говорите как старец.

ЖУРНАЛИСТ. Я на вас очень сердился, когда вы сидели с тем седым красавцем.

АНИ. Вам кажется, что он красив?

ЖУРНАЛИСТ. Кто вас разозлил?

АНИ. Заметно?

ЖУРНАЛИСТ. Если сощуриться.

АНИ. Женщина должна быть покорной. Я знаю.

ЖУРНАЛИСТ. Верно. Лучшее оружие женщины – ее незащитность, но она это начинает понимать, научившись защищаться.

АНИ. Вы когда-нибудь завидовали толстым торговцам, которые покупают любовь? Без ваших философских выкладок?

ЖУРНАЛИСТ. Вы сказали пошлость... Зачем?

АНИ. Мечтаю всю жизнь встретить хотя бы одного слабого мужчину. Как Христа.

ЖУРНАЛИСТ. Разве Христос был слабым?

АНИ. Конечно. В этом Его сила.

ЖУРНАЛИСТ. Верите в Бога?

АНИ. Да.

ЖУРНАЛИСТ. Давно?

АНИ. Восемь месяцев.

ЖУРНАЛИСТ. Мы начинаем искать Христа, осознав свое бессилие перед жизненными обстоятельствами. А потом с Божьей помощью выкрутимся и забываем свою веру. О Боге надо думать перед тем, как делаешь зло. После того как зло сделано, Бог не вернется к человеку. Что же случилось восемь месяцев назад?

АНИ. Я любила такого же странного человека, как вы. Он был горноспасателем. Он погиб восемь месяцев назад... Пошел в горы с двумя жирными торговцами и не вернулся... Вы верите в Бога?

ЖУРНАЛИСТ. Порой. Это мешает моей профессии.

АНИ. Вы профессию выбрали по доброй воле?

ЖУРНАЛИСТ. Профессия как родители: ее не выбирают. Если профессии выбирать – наступит не жизнь, а существование.

АНИ. Может быть, высшая истина заключается именно в том, чтобы человек существовал? Может, открыв в себе душу, он замахнулся на то высшее, что не может быть им понято? Может, именно за это людям мстят совестью, отчаяньем, любовью, самотерзанием? Может, разум, совесть, добро, честь – все это придуманные дьяволом химеры?

ЖУРНАЛИСТ. Может быть. Попробуйте освободить себя от стыда, любви, горя. Наверное, это очень удобно.

АНИ. Я стараюсь. В этом мире подлости нельзя жить по законам чести. Это как ходить юлой среди похотливых скотов.

ЖУРНАЛИСТ (*прислушиваясь к объявленному номеру пантомимы*). Этого вчера не было.

АНИ. Эмигранты из Германии. Антифашисты.

Начинается пантомима. Юноша и девушка танцуют на сцене. Оба почти совсем обнажены. Из темноты появляется громадный мужчина в коричневом трико и в фуражке штурмовика. А двое, не замечая его, танцуют то чарльстон, то фокстрот. Штурмовик подходит к девушке, приглашает ее на танец – манерно и воспитанно. Мы видим, что на боку у него кортик. Он начинает танцевать с девушкой неуклюжий падеграс. Девушка и юноша, переглядываясь, смеются над ним, потом девушка вырывается от коричневого, и они с юношей начинают танцевать упоительный, веселый чарльстон. Коричневый негодует. Он вырывает девушку у юноши, показывает им, какие танцы прилично танцевать, но над ним смеются, и девушка возвращается к юноше. Тогда коричневый закалывает юношу, бросается на девушку, обнимает ее, кидает на пол... Темнота... Бравурный нацистский марш. В луче прожектора – девушка, теперь уже не в белом, а в коричневой униформе, марширует послушно за штурмовиком, танцует с ним спортивные танцы – те, что танцевали на фашистских празднествах в Нюрнберге. Потом, неожиданно для зрителей, в руках у штурмовика и девушки оказываются автоматы, и они маршируют прямо на зрительный зал, а юноша в белом агонизирует, и девушка видит это. На мгновение она останавливается, она очнулась, она замирает, а затем стреляет в себя из автомата. Затемнение.

Тишина. Зал не аплодирует. Все сидят молча, даже когда дали полный свет. И только РОГМЮЛЛЕР несколько раз похлопал исполнителям.

ЖУРНАЛИСТ. Она не туда стреляла...

АНИ. Куда ей надо было стрелять?

ЖУРНАЛИСТ. Если она любила того белого парнишку, ей надо – стрелять в коричневого.

АНИ. А что коричневый? Слабый, глупый, обманутый, добрый мужчина.

ЖУРНАЛИСТ. По-моему, артисты трактуют его как тирана... Он служит тирании.

АНИ. Ну и что? Тирания хотя бы освобождает от мучительной необходимости думать.

ЖУРНАЛИСТ. Под большим тираном свои собственные злодеяния кажутся безобидными. А? Послушайте, Ани, это звучит банально, но тем не менее мне хочется чем-то помочь вам. Правда.

АНИ. Я не понимаю мужчин, которые хотят помочь женщине. Такие мужчины не умеют любить. Послушайте, уезжайте отсюда, милый...

ЖУРНАЛИСТ. Ну-ка, скажите еще раз.

АНИ. Я прошу вас – уезжайте отсюда. Сейчас, сегодня, немедленно...

ЖУРНАЛИСТ. Не это.

АНИ. Вы хотите, чтобы я повторила слово «милый»?

ЖУРНАЛИСТ. Да.

АНИ. Если вы хорошо уплатите, я скажу «любимый».

ЖУРНАЛИСТ. Вы плохо играете шлюху. Лучше пойте. Это у вас выходит значительно интересней.

АНИ. Я не обиделась. Вы любите дождь?

ЖУРНАЛИСТ. Люблю.

АНИ. Пойдемте бродить под дождем, а?

ЖУРНАЛИСТ. Пошли.

Они уходят.

2

То же помещение, но сейчас здесь нет никого, кроме Рогмюллера. К нему подходит АЗИАТ.

РОГМЮЛЛЕР. Ну?

АЗИАТ. Они гуляли по набережной до часу сорока трех минут. После они поехали на такси «АМ-Л 7642» в кабаре аэропорта.

РОГМЮЛЛЕР. Кто это видел?

АЗИАТ. Мой человек.

РОГМЮЛЛЕР. Кто именно?

АЗИАТ. Мой верный человек.

РОГМЮЛЛЕР. Где они сидят?

АЗИАТ. Я еще не получил сведений, я торопился к вам.

РОГМЮЛЛЕР. Они сидят за третьим столом на втором этаже.

АЗИАТ. Откуда вы знаете?

РОГМЮЛЛЕР. У меня сейчас там свой верный человек.

АЗИАТ. Кто?

РОГМЮЛЛЕР. Один – один, мой дружочек. Я же ответил вашими словами: «Верный человек».

АЗИАТ. Покажете?

РОГМЮЛЛЕР. Никогда.

АЗИАТ. Не боитесь их визита в аэропорт?

РОГМЮЛЛЕР. Отправлять Републикэна в Москву самолетом – безумие. В Москву идут наши самолеты. «Люфтганзы». Мы посадим самолет в Берлине, если он сядет в него.

АЗИАТ. Но есть еще белградский рейс. Его выполняют англичане. И летит их самолет в четырнадцать часов – именно по четвергам. Завтра четверг.

РОГМЮЛЛЕР. Этот рейс не долетит до Белграда, в обслуживании этого рейса есть мои люди. Они сделают так, чтобы пилоты завернули в Вену; это тоже предусмотрено. Я боюсь только за машину журналиста. О чем они говорили, прогуливаясь по набережной?

АЗИАТ. Они часто останавливались, прогуливаясь. Их разговор казался им обоим весьма многозначительным. Я же едва сдерживал смех.

РОГМЮЛЛЕР. Что вам казалось многозначительным в их разговоре?

АЗИАТ. Видите ли, я весьма внимательно слежу за современной американско-европейской литературой. Их литераторы наивно полагают, что говорить с читателем следует глаголами, междометиями и союзами. Они наивно полагают, что люди их поймут. Это заблуждение. Людям следует говорить препарированную правду. Людям нравятся определения. Глаголы, союзы и междометия чужды, потому что это – их суть. Они живут глаголом, то есть действиями, междометием – в силу своей интеллектуальной нищеты – и союзом – в силу очевидной необходимости связывать фразы. Отсюда – они тянутся к определениям и прилагательным – самым красивым категориям в языке. Поверьте мне. Журналист и певица стараются обмануть друг друга.

РОГМЮЛЛЕР. Это естественно. Она выполняет свой долг перед нацией, а он ею увлечен.

АЗИАТ. Вы заблуждаетесь, Фрэд.

РОГМЮЛЛЕР. В чем?

АЗИАТ. Она тоже увлечена им.

РОГМЮЛЛЕР. У нее слишком горькое прошлое, чтобы остались силы на это настоящее.

АЗИАТ. Вы заблуждаетесь.

РОГМЮЛЛЕР. Перестаньте. Она любила парня, которого пришлось убрать, чтобы сохранить ее для нас. Мы оберегаем от любви.

АЗИАТ. От этого нельзя уберечь. И если она узнает, что ее парня убрали ваши люди, она наделает массу глупостей.

РОГМЮЛЛЕР. Она не узнает. Парня убрал я. Мне это было больно делать, поскольку за день перед этим он спас жизнь мне и моему другу, толстяку из Ганновера.

АЗИАТ. Только не говорите, что вы сделали это во имя долга. Вы любите ее. Трагедия европейцев заключается еще и в том, что вы любите одну женщину. Мы – многоженцы... Это для того, чтобы сердце принадлежало многим; когда оно отдано многим, оно принадлежит только одному. Мне.

В варьете входит толстуха, которой Фрэд в первой картине не советовал брат Леже. Она подходит к АЗИАТУ и что-то шепчет ему на ухо. АЗИАТ, кивнув, отпускает толстуху.

РОГМЮЛЛЕР. Ну что?

АЗИАТ. Пока все идет по намеченному вами плану. Он обнял её... Когда европейцы волнуются, они обычно курят. Хотите хорошую сигарету из Анкары?

РОГМЮЛЛЕР. Миленький мой дружочек, запомните раз и навсегда: ботинки, которые жмут, у нас в Европе в хорошем магазине обуви обмениваются администрацией.

АЗИАТ. Да?

РОГМЮЛЛЕР. Да.

АЗИАТ. Я служу вам пять лет, и я уже успел познакомиться с половиной вашей агентуры в Европе. А сейчас я увидел, что вы можете терять лицо от любви к женщине – вашему агенту, и в довершение ко всему вы сказали мне, что горноспасателя, которого любила певица Ани, убрали вы. Менять ботинки больше подходит мне по ситуации. В теперешней ситуации вам следует терпеть.

РОГМЮЛЛЕР. Меня шантажировали в Белграде после дела Барту, в Париже и в Мадриде в сентябре тридцать седьмого.

АЗИАТ. Я знаю. Это была Европа, но я – Азия.

РОГМЮЛЛЕР. Мне это надоело. Идите и делайте свое дело. Я крайне устал, мой друг.

АЗИАТ. Давайте все-таки закончим этот необыкновенно важный для нас обоих разговор именно сейчас.

РОГМЮЛЛЕР. Какие-то занятные интонации появились в вашем голосе.

АЗИАТ, открыв занавеску, манит пальцем человека. Тот входит и передает АЗИАТУ маленький кожаный ящичек. Это диктофон. АЗИАТ кивком головы отпускает человека. Тот уходит. АЗИАТ находит то место пленки, где Рогмюллер говорит ему о том, что горноспасателя убрал он сам, проигрывает слова Рогмюллера: «... Она не узнает. Парня убрал я. Мне это было больно делать, поскольку за день перед этим он спас жизнь мне и моему другу, толстяку из Ганновера...»

АЗИАТ. Этого достаточно, не так?

РОГМЮЛЛЕР. Пожалуй.

АЗИАТ. Тогда начнем?

РОГМЮЛЛЕР. Кому вы служите?

АЗИАТ. Азии. Вы отняли у нас все. Вы помешали нам думать. Вы нарушили наши устои, наши обычаи, вы внесли свою европейскую суету в нашу жизнь. Мы пришли к вам – маленькие и униженные, скрывающие тысячелетнюю ненависть за стеклами очков. Мы пришли учиться вашему современному коварству. Мы научились ему и теперь возьмем обратно то, что вам не принадлежит по праву. Нам теперь легче, потому что есть вы – доктрина национал-социализма. Вы – дрожжи, на которых западный мир вырастет для того, чтобы залить себя кровью. После сюда придем мы. Наиболее умные из вас станут тогда нам служить. А вы – умнейший из умных – начнете работать на меня сейчас.

РОГМЮЛЛЕР. Черт возьми, я все-таки был прав: в разведку идут или полные болваны, или гении. Вы умница – ни разу не заговорили о деньгах. Ну-ка, давайте руку – кто кого положит?

Они меряются силой. РОГМЮЛЛЕР кладет руку АЗИАТА на стол.

АЗИАТ. Теперь левой.

РОГМЮЛЛЕР. Бьют обычно правой.

АЗИАТ. Мы бьем с обеих рук.

Снова меряются силой, и теперь АЗИАТ легко кладет на стол руку РОГМЮЛЛЕРА.

РОГМЮЛЛЕР. Браво. Вот теперь я не отказался бы от хорошей сигареты из Анкары.

АЗИАТ (*протягивает портсигар*). Пожалуйста.

К АЗИАТУ подходит молоденькая продавщица цветов, мто-до шепчет ему на ухо.

АЗИАТ. Хорошо. Возвращайтесь туда.

Девушка уходит.

РОГМЮЛЛЕР. Интересные новости?

АЗИАТ. Прежние. Они сейчас смотрят танцы братьев-близнецов.

РОГМЮЛЛЕР. Как реагируют?

АЗИАТ. Принимают очень хорошо. Когда вы передадите мне агентуру? Певицу – в первую очередь. Она станет Матой Хари, когда начнет работать на нас.

РОГМЮЛЛЕР. Вы же говорили, что знаете мою агентуру.

АЗИАТ. Знать не означает владеть. Цифры, банковские счета, компрометирующие материалы, данные телефонных прослушиваний, явки – это значит владеть агентурой. Причем, поверьте, мешать я вам не стану. Даже совсем наоборот. Я буду по-прежнему помогать вам.

РОГМЮЛЛЕР. Кофе?

АЗИАТ. С удовольствием.

РОГМЮЛЛЕР. Шарль!

Появляется ОФИЦИАНТ.

Два кофе.

ОФИЦИАНТ уходит, царственно поклонившись.

АЗИАТ. Вы достойно проиграли. Я вел вас пять лет, с тех пор, как работаю на вас. Я очень рад, что мне не пришлось прибегнуть к тем компрометирующим материалам, которые бросают на вас тень.

РОГМЮЛЛЕР. Ради любопытства – покажете как-нибудь?

АЗИАТ. Я могу это сделать сейчас, всё у меня в портфеле.

РОГМЮЛЛЕР. Довольно рискованно носить такой материал в портфеле.

АЗИАТ. Я был убежден, что этот разговор состоится именно сегодня. Вы были очень взволнованы тем, как поведет себя певица. И не столько в деле, сколько в плане личного общения с журналистом. Нет?

РОГМЮЛЛЕР. Да.

АЗИАТ. Вот видите. Поэтому вы потеряли контроль над собой – даже в разговоре с единомышленником. Поверьте, мы, азиаты, думаем дальше и точнее, чем вы.

ОФИЦИАНТ приносит кофе, ставит на столик и удаляется.

РОГМЮЛЛЕР. Там никого нет, за занавеской?

АЗИАТ. Мы одни.

РОГМЮЛЛЕР. Я имею в виду не только ваших людей.

АЗИАТ поднимается и заглядывает за занавеску, РОГМЮЛЛЕР в это время кошачьим движением достает из кармана маленький шарик и бросает его в кофе АЗИАТУ.

АЗИАТ (*вернувшись*). Там никого.

РОГМЮЛЛЕР. Вы будете делать какие-нибудь пометки?

АЗИАТ. Нет, вы будете говорить. Я запишу ваш голос – это надежнее любой расписки.

РОГМЮЛЛЕР. Диктофон сильно меняет голос.

АЗИАТ. У нас хорошие пленки, Фрэд.

РОГМЮЛЛЕР. Тогда прекрасно. Как вам этот кофе?

АЗИАТ. Великолепный кофе.

РОГМЮЛЛЕР. Помните, вы мне рассказывали великолепную новеллу о разнице между азиатами и европейцами?

АЗИАТ. За последние пять лет у нас с вами было восемь разговоров на эту тему. Какой именно вы имеете в виду?

РОГМЮЛЛЕР (*дождавшись, пока АЗИАТ допил кофе*). Я имею в виду вашу новеллу об отравленном хмеле.

АЗИАТ. О хмеле?

РОГМЮЛЛЕР. Пистолет вы достать уже не сможете. Руки не двигаются, да?

АЗИАТ медленно оседает на стуле, глаза его начинают стекленеть.

Помните, вы говорили мне, что азиат, если он хочет убить врага, поначалу сажает отравленный хмель, делает из него отравленное пиво и пьет его по каплям, чтобы приучить себя к яду. Потом приглашает к себе врага, принимает его как лучшего друга и угощает его отравленным пивом, пьет это пиво сам, но враг умирает, а он – жив, и никто не обвинит его в злодействе, потому что он тоже пил из этой же бутылки вместе с покойником. Ну а мы, бедные европейцы, продолжаем работать по старинке.

АЗИАТ падает со стула. РОГМЮЛЛЕР обыскивает АЗИАТА, забирает у него все из кармана, берет портфель, диктофон и уходит. Появляется ОФИЦИАНТ. Приподнимает стол, достает маленький микрофон, прячет его, быстро уходит. Слышен его крик: «На помощь! Сюда! Фрэд убил человека!»

Затемнение.

3

Стеклянное кабаре аэропорта. За столиком – АНИ и ЖУРНАЛИСТ. Рядом за столиком три католических монаха пьют чай. Играет джаз. К столику подсаживается один из БРАТЪЕВ-ДВОЙНИКОВ, исполнитель ритмических танцев.

АНИ. Я хотела поблагодарить вас. Вы настоящие артисты.

ТАНЦОР. Нам с братом очень приятно слышать это от вас.

ЖУРНАЛИСТ. Вас объявили как чилийцев. Вы испанцы или португальцы?

ТАНЦОР. Мы венесуэльцы.

ЖУРНАЛИСТ. Парле испаньоль?

ТАНЦОР. Мы говорим только на немецком, идише и древнеиудейском. Мы с братом евреи, подданные рейха. Рейхсминистр Геббельс ценит искусство моего брата и мое. Поэтому мы были пожалованы за наше искусство венесуэльской национальностью.

Слышен голос диктора: «Через десять минут вылетает самолет “Эйр Франс” рейсом в Дакар. Просим пройти пассажиров к посадочному полю».

Знаете, когда рейхсмаршалу Герингу сказали, что маршал Мильх – полукровка, наш великий вождь ответил: «Я сам решаю, кто у меня в штабе еврей, а кто – не еврей». Не правда ли, это гуманно и остроумно?

ЖУРНАЛИСТ. По-моему, это вандализм.

ТАНЦОР. Тише! Что вы говорите? Разве можно так громко?!

ЖУРНАЛИСТ. Слава богу, здесь еще пока что не ваш рейх.

ТАНЦОР. Не говорите так, умоляю вас... Я же вижу фрейлейн – немка.

Голос Диктора: Самолет «Пан америкэн эйрлайн систем» выполняет рейс в Мадрид. Просим пассажиров занять места в аэроплане.

ЖУРНАЛИСТ. Мир в двадцатом веке обязан принадлежать человечеству, а не какой-то одной избранной нации.

ТАНЦОР. Зачем вы так говорите? Зачем вы пугаете меня? Вы так нарочито громко произносите свои ужасные слова?! (*Уходит.*)

АНИ. Они очень напуганы. Их семьи живут в Германии. Не надо с ними так говорить. Это безжалостно.

ЖУРНАЛИСТ. Жалость? Сострадание? Эти мерзкие химеры? Да еще по отношению к евреям? Какой позор, Ани...

АНИ поднимается, чтобы уйти, ЖУРНАЛИСТ берет ее за руку и рывком сажает подле себя. Она как-то покорно обмякает и опускается подле него. В это время появляется РОГМЮЛЛЕР. Он видит всю эту сцену. Подходит к столику.

РОГМЮЛЛЕР. Хэлло, Ани, добрая ночь, сэр. Внизу заняты все столики. Вы позволите мне присесть у вас?

ЖУРНАЛИСТ. Садитесь.

РОГМЮЛЛЕР. Ани молчит...

ЖУРНАЛИСТ. Садитесь.

РОГМЮЛЛЕР. Благодарю. Я сегодня весь вечер ломаю голову – где я вас видел?

ЖУРНАЛИСТ. Мы встречались при довольно занятных обстоятельствах в Испании и Германии. Заочно, правда.

АНИ. Фрэд – американец.

РОГМЮЛЛЕР. Я никогда не бывал в Германии. Вообще ненавижу немцев... Жирные колбасники.

ЖУРНАЛИСТ. А как быть с бедным Моцартом?

РОГМЮЛЛЕР. Он – выродец. Веселый парнишка, который хорошо умел любить. Немцы не умеют любить.

ЖУРНАЛИСТ. Да? Занятный вы парень...

К их столику подходит ТАНЦОР – это второй брат-близнец.

ТАНЦОР. Что вы здесь говорили моему брату? Он в истерике, он портит номер, роняя этим престиж великого рейха! Он артист, и не смейте путать его в вашу проклятую политику! Мы благодарны нашему рейху и обожаемому фюреру! А ваши гнусные разговоры нам отвратительны! Мы – венесуэльцы, ясно вам! Мы не имеем никакого отношения к проклятым евреям! Евреи в рейхе – слуги Рузвельта и Сталина!

ЖУРНАЛИСТ. Вон отсюда! Вон!

ТАНЦОР, враз сникнув, отходит от столика.

АНИ. Боже мой... Зачем вы так?

ЖУРНАЛИСТ. Я видел, как в вашем рейхе убивают людей за то лишь, что они не принадлежат к арийской расе...

РОГМЮЛЛЕР. Я никогда не думал, что журналисты умеют быть такими грозными.

ЖУРНАЛИСТ. Откуда вы знаете мою профессию?

РОГМЮЛЛЕР. Я стараюсь знать все о тех людях, которым нравится Ани. Ее покойный приятель был моим другом. Он погиб у меня на руках.

ЖУРНАЛИСТ. Простите, я сейчас.

Отходит к телефону, набирает номер. Тихо разговаривает.

РОГМЮЛЛЕР (*наблюдая за ЖУРНАЛИСТОМ, негромко*). Ани, вы заметили, что ваше чувство, если оно становится серьезным, трагично. Всякий, кем вы по-настоящему увлекаетесь, гибнет.

АНИ. Значит, на очереди вы, Фрэд.

РОГМЮЛЛЕР. Не лгите.

АНИ. Чем вы взволнованы?

РОГМЮЛЛЕР. Если этот парень не просто проведет с вами ночь, но будет спать с вами, он погибнет. Вы должны выполнить свой долг без этой... жертвы...

АНИ. А если это не жертва? Если я хочу этого?

РОГМЮЛЛЕР. Ани... Не надо так шутить... Ани...

АНИ. Знаете, какая самая страшная пытка двадцатого века?

РОГМЮЛЛЕР. Я не палач.

АНИ. Пытка – это постоянная память о тех, кто погиб, встретившись со мной. Это память о тех, кого я подставляла под ваш удар. Я понимаю, что из этой вашей игры мне нельзя выйти, но я очень... я смертельно устала... У меня так никогда не было.

РОГМЮЛЛЕР. Я обманывал вас когда-нибудь?

АНИ. Это глупо – обманывать агента. Обманутый агент становится двойником.

РОГМЮЛЛЕР. После того как завтра мы закончим операцию, я сделаю вам предложение, Ани. И если вы примете его, я буду готов нести любое наказание на родине, но вы окажетесь вне игры. Я закрою вас собой.

АНИ. А память, Фрэд? Что делать с нашей памятью? С моей, но особенно с вашей?

Подходит ЖУРНАЛИСТ.

ЖУРНАЛИСТ. Ани, мы можем идти.

АНИ. Спокойной ночи, Фрэд.

РОГМЮЛЛЕР. Всего хорошего, Ани. Доброй ночи, сэр. Сейчас стало очень холодно, видно, днем в горах прошли снежные обвалы.

ЖУРНАЛИСТ. Какое это имеет отношение к сегодняшней ночи?

РОГМЮЛЛЕР. Прямое, сэр, прямое. Ани может простудить горло, а это ее хлеб. Может быть, вы позволите мне довезти вас к вашему приятелю?

ЖУРНАЛИСТ. Почему вы решили, что мы едем к моему приятелю?

РОГМЮЛЛЕР. Куда еще едут так поздно?

АНИ. Оставайтесь, Фрэд. Это хорошо, когда в горах прошли обвалы, воздух очень чист, приятно гулять по холоду.

АНИ и ЖУРНАЛИСТ уходят. К РОГМЮЛЛЕРУ подходит ТАНЦОВЩИЦА, исполнявшая антифашистский танец в варьете.

РОГМЮЛЛЕР. Герта...

ТАНЦОВЩИЦА. Здравствуй, папочка...

Они обнимаются, он нежно целует ее, гладит ей руки, лоб, глаза.

РОГМЮЛЛЕР. Как ты вытянулась, моя девочка. Совсем тростиночка. Нежная ты моя дочка...

ТАНЦОВЩИЦА. Папочка, любимый... Дома так ждут тебя. Мама совсем не спит, Карл увеличил твое фото и повесил у себя над кроватью... Они же не знают, что мы должны увидеться, я не могла им сказать про это...

РОГМЮЛЛЕР. Как мама?

ТАНЦОВЩИЦА. Она так тоскует без тебя... Я очень боюсь за нее.

РОГМЮЛЛЕР. Я увижу ее послезавтра. Послезавтра я буду у нас в Рансдорфе.

Подходит КЕЛЬНЕР.

Пожалуйста, принесите этой крошке, которая хорошо дрыгает ногами, миндальное печенье, молоко и землянику.

КЕЛЬНЕР. Фрэд, земляника баснословно дорога.

РОГМЮЛЛЕР. Раз в месяц можно позволить себе роскошь.

КЕЛЬНЕР. Две порции?

ТАНЦОВЩИЦА. Мы поделимся одной.

КЕЛЬНЕР уходит.

Ты помнишь и про мою любимую землянику, папа?

РОГМЮЛЛЕР. Я только оттого еще и живу, что помню о вас всё. Всё, потому что вы – это родина.

ТАНЦОВЩИЦА. Я никогда не думала, что это такое мучительное счастье – выполнять свой долг перед нашей родиной.

РОГМЮЛЛЕР. В тебе не борется два человека: артист и разведчик?

ТАНЦОВЩИЦА. Я ненавижу себя – балерину. Мне омерзительно танцевать эту гадость... Но я помню тебя: «Гражданина создает дисциплина и точное сознание своего долга перед фюрером». Тебе понравилось, как мы работаем номер?

РОГМЮЛЛЕР. Он очень убедителен.

ТАНЦОВЩИЦА. Тебя не шокировал наш артистизм в этом пошлом танце?

РОГМЮЛЛЕР. Во-первых, без этого омерзительного танца ты не имела бы возможности ездить по миру как антифашист, изгнанный из рейха. А во-вторых, разведчик перестает быть нужным нации, если он потерял артистизм в прикрывающей его профессии. Ты же, наоборот, набираешь силу в том деле, которое позволяет тебе с наибольшей отдачей быть полезной родине. Впрочем, чуть-чуть можно притушить вашу антигерманскую направленность... Он слишком убедителен.

ТАНЦОВЩИЦА (*передает ему кассету*). Здесь фото журналиста и певицы. Я снимала их все время, пока они были здесь. Никто из посторонних к ним не подходил.

РОГМЮЛЛЕР. Хорошо.

ТАНЦОВЩИЦА. Я не слишком долго задерживаюсь с тобой?

РОГМЮЛЛЕР. Мне сейчас очень нужно, девочка, чтобы ты побыла со мной... Очень... Спасибо тебе, умница... Скажи... Ани была ласкова с ним? Просматривалась взаимная увлеченность?

ТАНЦОВЩИЦА. Нет. Они были сдержанны.

РОГМЮЛЛЕР. Пойдем танцевать... Всегда мечтал потанцевать с дочерью.

Подходит КЕЛЬНЕР.

КЕЛЬНЕР. Земляника слишком рано возвращена, она еще с зеленью, поэтому не слишком сладкая, Фрэд.

РОГМЮЛЛЕР. Ничего, я люблю кислое.

РОГМЮЛЛЕР и ТАНЦОВЩИЦА уходят на эстраду, где танцует несколько пар.

4

Мастерская скульптора. Одна стена – сплошное стеклянное широкое окно. Вдоль другой стены стоят скульптурные портреты из цикла «Концлагерь». ЖУРНАЛИСТ идет по мастерской и молча показывает АНИ работы.

АНИ. Как называется этот цикл?

ЖУРНАЛИСТ. «Концлагерь».

АНИ. Почему скульптор уехал из рейха?

ЖУРНАЛИСТ. Откуда-откуда?

АНИ. Из Германии.

ЖУРНАЛИСТ. Он не уезжал. Его изгнали.

АНИ. За что?

ЖУРНАЛИСТ. Вы давно из Германии? Вы не знаете, что происходит у вас на родине? Гитлеровским бонзам не нравится его искусство. Геббельсу не может нравиться искусство коммуниста.

АНИ. Отчего вы свободно входите в мастерскую? Даже ночью?

ЖУРНАЛИСТ. Хозяин этой мастерской был моим другом. Когда-то он сидел в концлагере. За него хлопотала жена. Вы ее, видимо, знаете... Это Лиз Джурович из Парижа. Она долго хлопотала... Из Берлина пришло указание – провести с ним цикл воспитательных бесед с нагрузкой – и освободить. Это у них такой термин – «с нагрузкой». Они связали его и положили руками в снег, так он пролежал всю ночь. Наутро его освободили, Лиз отвезла его в госпиталь, и там ему ампутировали обе кисти. А после этого ему предложили покинуть рейх. Он приехал сюда и сказал жене, что уйдет...

АНИ. Куда?

ЖУРНАЛИСТ. ...И попросил, чтобы она не мешала ему. «Что мне делать без рук в этом мире?» – сказал он тогда... Словом, он утонул. Купался и утонул... Так ведь часто бывает.

АНИ. Почему вы так посмеиваетесь, когда говорите про это? Как вы можете?

ЖУРНАЛИСТ. В концлагерях люди довольно скоро начинают смеяться надо всем, что в прошедшем времени.

Подходит к скульптуре, поворачивает ее к свету, это портрет худого, прячущего лицо от удара человека.

Похож? Или я теперь стал потолще?

АНИ. Вы?!

ЖУРНАЛИСТ. Говоря откровенно, я благодарен вашему рейху. Они поступили гуманно. Мой заочный обвинитель на процессе в Нюрнберге и главный свидетель обвинения – господин Рогмюллер требовали для меня гильотины... А мне дали пожизненную каторгу...

АНИ. Рогмюллер?

ЖУРНАЛИСТ. Угу... А что вы эдак встрепнулись?

АНИ. Почему он требовал для вас смерти?

ЖУРНАЛИСТ. Такой уж я злодей.

АНИ. А за что посадили в лагерь этого несчастного скульптора?

ЖУРНАЛИСТ. Он выставил на вернисаже композицию «Любовь». А «Зло» в этой композиции было коричневого цвета.

АНИ. Какого же цвета была «Любовь»?

ЖУРНАЛИСТ. Настоящий художник при жизни в рейхе узнает только зло. Любовь он узнает позже... Там... У нас в лагере был маленький приемник, мы очень им дорожили, его собрал венгерский коммунист, академик Золтан, вот он, видите? (*Показывает на портрет беззубого, бритого наголо старика, который роется в экскрементах в поисках пищи*). Однажды мы поймали голос, вы пели песенку о Париже. А этот мальчик (*показывает на портрет лысого человека*), – ему семнадцать лет, этому цыганенку, он был влюблен в ваш голос, он так плакал, слушая вас... Он был великим скрипачом, он был бы вторым Паганини, не награди его Господь цыганским носом...

ЖУРНАЛИСТ переходит от одной скульптуры к другой, гладит их, обращается с ними, как с живыми.

А это, видите, лауреат Нобелевской премии, писатель и журналист фон Осецки. В день, когда ему присудили Нобелевскую премию, охрана СС заставила его тысячу раз лечь и встать. Но мороз был не очень сильным, он не умер. Ему это даже помогло, он слег в лазарет с воспалением легких. Помните, в той песенке у вас были строчки: «Влюбленные не знают горя, они сдают его на ночь в гардероб». Вот этого паренька (*показывает портрет безумца*) взяли через три дня после того, как он женился. Его жену привезли к начальнику нашей охраны, а парня посадили за стенкой, и он слышал, как начальник охраны весело издевался над его женой. Видите, потому он такой улыбающийся. Он сошел с ума... Влюбленные не знают горя... Они сдают его на ночь в гардероб...

АНИ. Уйдем отсюда.

ЖУРНАЛИСТ. Почему? Здесь я среди друзей. Здесь мне спокойно. Они меня не предадут, во всяком случае.

АНИ. Уйдем отсюда, милый...

Она тушит свет, берет ЖУРНАЛИСТА за руку, и они уходят из мастерской скульптора.

Звучит песня Эрнста Буша «Болотные солдаты».

5

Вилла Пронто. Большой холл. Возле камина сидят РОГМЮЛЛЕР, ПЕРВЫЙ СД и ВТОРОЙ СД. ТРЕТИЙ СД стоит возле широкой – во всю стену – шведской стенки и упражняется со штангой. Включен приемник. Диктор передает последние известия: «Передаем приметы убийцы: невысокого роста, седой, известен как горноспасатель Фрэд. Все дороги перекрыты, из города не имеет права выходить ни один автомобиль без проверки на полицейских кордонах.

Единственный свидетель убийства, официант кабаре Шарль, только что кончил давать показания. В следующем выпуске новостей мы познакомим наших слушателей с теми выдержками из его показаний, которые нам предоставят в полиции». РОГМЮЛЛЕР выключает приемник.

ТРЕТИЙ СД. Вы безумец, Рогмюллер. Из-за дикого провала с Азиатом вы сорвали операцию. Я не буду молчать в Берлине об этом провале.

РОГМЮЛЛЕР (*сняв трубку телефона*). Соедините меня, пожалуйста, с шефом уголовной полиции.

ТРЕТИЙ СД. Неужели нельзя было увезти его из кабака?

РОГМЮЛЛЕР. Алло. Добрый вечер. Это я, Герман Швербауэр. Добрый вечер. Хотя, если три часа считать вечером... Я жду вас к себе. Почему? Ах, эта трагедия в кабаре... Понимаю... Я видел сегодня Фрэда, приезжайте, я помогу вам быстро найти его, он у меня в руках (*кладет трубку*).

ВТОРОЙ СД. Чертовски хочется есть. В горах всегда разыгрывается дикий аппетит.

ТРЕТИЙ СД. Они перекроют все дороги, и те двое уйдут, мы будем бессильны сделать что-либо. Что вы молчите, Фрэд?

РОГМЮЛЛЕР (*ВТОРОМУ СД*). У вас нет зубочистки?

ВТОРОЙ СД протягивает РОГМЮЛЛЕРУ пару зубочисток.

Спасибо (*чистит зубы*).

ВТОРОЙ СД. Видимо, разреженный горный воздух с ослабленной дозой кислорода требует постоянной пищевой компенсации.

РОГМЮЛЛЕР. Просто вы маленький обжора.

ВТОРОЙ СД. Я соблюдаю разгрузочные дни.

ТРЕТИЙ СД. Вы можете объясниться, Рогмюллер? Что вы молчите как рыба? У нас нервы не из канатов! Ясно вам?!

РОГМЮЛЛЕР (*ВТОРОМУ СД*). А что вы едите во время разгрузочных дней?

ВТОРОЙ СД. Яблоки. Только яблоки.

РОГМЮЛЛЕР. Вы их протираете или пользуете в натуральном виде?

ВТОРОЙ СД. Три яблока – в натуральном виде.

РОГМЮЛЛЕР. В кожуре?

ВТОРОЙ СД. В кожуре.

ПЕРВЫЙ СД. И еще полкило ветчины...

ТРЕТИЙ СД (*бросает итангу, идет к Рогмюллеру*). Слушайте меня! Я говорю сейчас с вами как партайлейтер нашей группы. Ваше присутствие здесь ставит под удар и нас. Что вы ответите на это? Где ваше мужество и честность в отношении к коллегам по СС?!

Раздается звонок телефона.

РОГМЮЛЛЕР. Да? Кто? Так... Хорошо. От скульптора они шли пешком или ехали? Пешком? Никаких неожиданностей не было? Хорошо. Спасибо (*опускает трубку*). Ну что ж... Хоть бы там всё хорошо...

ТРЕТИЙ СД. Рогмюллер, смотрите правде в глаза! Вы тащите нас в пропасть! Что вы видите хорошего?! В чем?!

РОГМЮЛЛЕР (*прислушивается*). По-моему, я слышал скрип тормозов. Это шеф полиции. Я сейчас вернусь, встречу его, он болезненно честолобив. (*Уходит*.)

ВТОРОЙ СД (*ТРЕТЬЕМУ*). Его надо сейчас убирать, а ты кричишь. Зачем нервировать его? Он получит свое, но пусть исчезнет спокойно. Надо щадить нервы друг друга, а особенно – проигравшему. После того как мы кончим с ним, я поеду на его машине к портье в отеле и сам

проведу всю операцию. Точнее – первую ее фазу. Вы будете сидеть здесь на связи. После того, как я выясню время и маршрут журналиста с Републикэном, включитесь вы.

ПЕРВЫЙ СД. Разумно.

ТРЕТИЙ СД. Я против. Хотя Рогмюллер и поставил операцию на грань срыва, но мы не вправе распоряжаться его жизнью! Он член нашей группы, он всегда был верен движению и идее.

ВТОРОЙ СД. Ты выскажешь особое мнение рейхсфюреру, когда мы выберемся из этой каши, а убрать его придется сейчас, увы...

Входят РОГМЮЛЛЕР и ШЕФ КРИМИНАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ.

РОГМЮЛЛЕР. Знакомьтесь, друзья. Это шеф уголовной полиции. Ставлю на него триста против одного в сравнении с Шерлоком Холмсом.

Трое СД и ШЕФ уголовной полиции обмениваются молчаливыми поклонами.

ШЕФ ПОЛИЦИИ. У меня всего пять минут, там понаехало до черта журналистов. Кто-то очень старается привлечь внимание к этому делу.

ВТОРОЙ СД. Кто именно?

ШЕФ. Я пока не вышел на этого человека.

РОГМЮЛЛЕР. Это второй вопрос. Меня интересует – кто дал вам приметы убийцы? Так называемого убийцы? Еще конкретнее – кто пытается подставить меня под всё это дело?

ШЕФ ПОЛИЦИИ. Вы же слушаете радио, это официант Шарль, единственный свидетель.

РОГМЮЛЛЕР. Он сам наблюдал факт убийства?

ШЕФ ПОЛИЦИИ. Нет.

РОГМЮЛЛЕР. Что показало вскрытие?

ШЕФ ПОЛИЦИИ. Он отравлен цианистым калием.

РОГМЮЛЛЕР. Какой ужас. А в чем ему была подана отравка?

ШЕФ ПОЛИЦИИ. В чашке кофе.

РОГМЮЛЛЕР. В чашке кофе? Вот как... Угу... А кто принес покойному кофе?

ШЕФ ПОЛИЦИИ. Официант Шарль.

РОГМЮЛЛЕР. Приходилось ли вам при вашей великолепной многолетней практике видеть убийцу, который сам признается в совершенном преступлении? Неужели вы, один из самых талантливых сыщиков Европы, не допустили хоть на миг мысли, что вас толкают на ложный путь?

ШЕФ ПОЛИЦИИ. Фрэд, там есть ваши пальцы...

РОГМЮЛЛЕР. Где именно?

ШЕФ ПОЛИЦИИ. На блюде.

РОГМЮЛЛЕР. А разве я отрицаю факт моей беседы с Азиатом? Я не отрицаю и того, что подвинул ему чашку с кофе... Азиат – мой большой приятель, я довольно часто виделся с ним и сейчас больше других скорблю о его трагической кончине. Я попрощался с ним и пошел звонить к портю – вызовите его и допросите, – а после я танцевал в кабаре аэропорта: мое алиби – абсолютно. Где этот официант?

ШЕФ ПОЛИЦИИ. В баре отеля. Он дал показания, они выглядели исчерпывающими.

РОГМЮЛЛЕР. Вот это (*протягивает ШЕФУ ПОЛИЦИИ целлулоидную пачку*) я видел у вашего свидетеля, у официанта. Как это попало ко мне – тема для особого криминалистического исследования. Здесь цианистый калий. Видимо, это надо возратить законному владельцу. Это легко делается при аресте. По-моему, мы уложились именно в пять минут. А?

ШЕФ ПОЛИЦИИ. Кто оплачивает риск?

РОГМЮЛЛЕР. Риска нет. Услугу оплачивает этот господин (*кивает на ТРЕТЬЕГО СД, тот молча достает чековую книжку*), мой большой друг.

ТРЕТИЙ СД. Вот чек. На предъявителя в банке Лозанны.

ШЕФ ПОЛИЦИИ. Всего хорошего, господа.

РОГМЮЛЛЕР. Всего хорошего, мой друг. Когда будет сообщение об аресте настоящего убийцы?

ШЕФ ПОЛИЦИИ. Я думаю, не позже чем через час.

РОГМЮЛЛЕР. Видимо, тогда же будут сняты посты на шоссе и возле аэропорта?

ШЕФ ПОЛИЦИИ. Да, конечно.

ШЕФ ПОЛИЦИИ идет к выходу.

РОГМЮЛЛЕР. Позвольте мне проводить вас?

ШЕФ ПОЛИЦИИ. К чему этот протокол? До встречи, Фрэд. До свидания, господа.

ШЕФ ПОЛИЦИИ уходит, РОГМЮЛЛЕР медленно обходит всех ТРЕХ СД, задерживается около ТРЕТЬЕГО СД и дает ему пощечину.

Мгновенная темнота. Зеленый глазок радиоаппарата. Транслируется речь Гитлера.

6

Номер ЖУРНАЛИСТА в гостинице. Сейчас здесь ЖУРНАЛИСТ и АНИ. ЖУРНАЛИСТ выключает приемник, речь Гитлера обрывается.

АНИ. У вас на столе великолепный беспорядок. Много работаете?

ЖУРНАЛИСТ. Стараюсь.

АНИ. Вы приносите зло своими статьями?

ЖУРНАЛИСТ. Кому именно?

АНИ. Людям.

ЖУРНАЛИСТ. Все люди делятся на моих друзей и врагов.

АНИ. А как быть с детьми врагов? С их женами? Сестрами? Матерями?

ЖУРНАЛИСТ. Кого вы спрашиваете? Себя или меня?

АНИ. Себя я уже много раз спрашивала. Я спрашиваю вас.

ЖУРНАЛИСТ. Я не пророк.

АНИ. А может быть, вы боитесь ответить? Путь к любому добру лежит через кровь, ужас, страдания... Люди должны жить как жили, без этой тяги к добру. Добра нет. Добро, справедливость, честность – это уж, наверняка химеры, выдуманные негодяями.

ЖУРНАЛИСТ. Я принесу вина.

АНИ. Мне – виски.

ЖУРНАЛИСТ. Хочется выпить?

АНИ. Хочется напиться.

ЖУРНАЛИСТ идет в бар при отеле – это неподалеку от его номера, на первом этаже – только спуститься по деревянной тихой лестнице. В баре – ОФИЦИАНТ ШАРЛЬ.

ЖУРНАЛИСТ. Зачем ты дал показания? Они теперь не отстанут от тебя. Зачем?

ОФИЦИАНТ. Для того чтобы это (*кивает головой на портфель*) сыграло завтра, когда ты с Пьером уедешь отсюда. Здесь Рогмюллер. Он теперь наш. И его певица тоже.

ЖУРНАЛИСТ. Пленка?

ОФИЦИАНТ. Еще какая. Я переписал ее в двух экземплярах. Забери для страховки. Свою я уже спрятал.

ЖУРНАЛИСТ. Принеси, пожалуйста, виски. Мне не стоит задерживаться. Она играет очень точно и сложно. Мне никак нельзя проиграть ей.

ОФИЦИАНТ. Я боюсь за тебя. За тобой охотятся... с собаками... Ты обложен, Максим... Может быть, тебе стоит сейчас исчезнуть?

ЖУРНАЛИСТ. А кто переправит Республикэна? Предложи вариант, исчезну. Думаешь, я не понимаю, что хожу по бритве?

ОФИЦИАНТ. Тебе может помочь эта пленка. Найди там кусок – Рогмюллер рассказывает, кто убрал ее любимого. Это впечатляет. Сейчас я принесу вино.

ЖУРНАЛИСТ. Она просила виски.

ОФИЦИАНТ. Странно. Она раньше пила вино.

ОФИЦИАНТ уходит, ЖУРНАЛИСТ достает из портфеля диктофон, осматривает его, прячет обратно. Опускает монетку в музыкальный ящик. Звучит песенка. Возвращается ОФИЦИАНТ.

ОФИЦИАНТ. Рогмюллер со своими людьми сидит на вилле Пронто. Полиция сняла все кордоны на дорогах.

ЖУРНАЛИСТ. Утро вечера мудренее. Ты подключил к этому делу прессу?

ОФИЦИАНТ. Да.

ЖУРНАЛИСТ. Ну, до завтра.

ОФИЦИАНТ. Завтра – это сегодня.

ЖУРНАЛИСТ. Ты стал говорить как Ларошфуко – афоризмами.

ЖУРНАЛИСТ, взяв портфель, уходит. ОФИЦИАНТ продолжает уборку. В бар врываются несколько детективов во главе с ШЕФОМ КРИМИНАЛЬНОЙ полиции. Двое детективов надевают наручники на ОФИЦИАНТА.

ДЕТЕКТИВ. Пошли, Шарль! Ты проиграл, придется платить по счету!

ОФИЦИАНТ. Я не буду ничего говорить, пока вы не вызовете адвоката.

ШЕФ ПОЛИЦИИ. Пошли, пошли... Там решим, кого вызвать – адвоката или прокурора.

7

Раннее утро. Номер Журналиста. На тахте спит АНИ. ЖУРНАЛИСТ выходит из номера и спускается в пустой бар. Сквозь жалюзи бьет солнце, и бар поэтому кажется изрезанным на тонкие черно-белые линии. ЖУРНАЛИСТ снимает трубку телефона.

ЖУРНАЛИСТ. В котором номере живет корреспондент «Интернейшнл газетт» Лиз Джурович? Благодарю. Соедините меня с ней. Алло, мадам Джурович? В баре вас ждет джентльмен, молодой джентльмен. Он ждет вас по крайне важному делу.

ЖУРНАЛИСТ опускает трубку, закуривает. Оборачивается на шаги. Входит ЛИЗ ДЖУРОВИЧ.

ДЖУРОВИЧ. Салют.

ЖУРНАЛИСТ. Доброе утро.

ДЖУРОВИЧ. Ты не видел здесь молодого парня... Погоди, это ты звонил?

ЖУРНАЛИСТ (*улыбается*). Я...

ДЖУРОВИЧ. Ты все еще считаешь себя молодым джентльменом?

ЖУРНАЛИСТ. Я парнишка хоть куда.

ДЖУРОВИЧ. Сумасшедший. Я легла спать час тому назад.

ЖУРНАЛИСТ. Безумствовала?

ДЖУРОВИЧ. Если бы...

ЖУРНАЛИСТ. А в чем дело?

ДЖУРОВИЧ. Это убийство несчастного Азиата...

ЖУРНАЛИСТ. Что бы ты сделала, если бы узнала настоящего убийцу?

ДЖУРОВИЧ. Я уже знаю. Это Шарль, наш милый официант.

ЖУРНАЛИСТ. Он признался?

ДЖУРОВИЧ. Что значит – признался? Ты видел кающихся злодеев? Он принес кофе, в кофе был яд, этот же яд обнаружили у него при обыске, а он хотел пустить полицию по ложному следу и оклеветал Фрэда...

ЖУРНАЛИСТ. Где у него нашли яд?

ДЖУРОВИЧ. В кармане.

ЖУРНАЛИСТ. Я понимаю, что не во рту. Кто нашел и где?

ДЖУРОВИЧ. В полиции. А что?

ЖУРНАЛИСТ. Я сейчас дам тебе поразительный материал. Выступить с ним по радио, опубликовать в своей вонючей газете ты сможешь сегодня после четырнадцати сорока.

ДЖУРОВИЧ. Что ты потребуешь взамен?

ЖУРНАЛИСТ. Я скажу тебе после.

ДЖУРОВИЧ. У тебя очень уставшее лицо, малыш.

ЖУРНАЛИСТ. А ты все так же хороша, Лиз.

ДЖУРОВИЧ. Ты раньше старался врать как можно меньше. Видишь, сколько у меня морщин? Я стала краситься – мне идет рыжий цвет, да?

ЖУРНАЛИСТ. По-моему, это ужасно.

ДЖУРОВИЧ. Нравится молодым джентльменам. Меня потянуло на мальчиков, а это – старость... Мечтаю заработать миллион. Я бы тогда уехала на Багамы.

ЖУРНАЛИСТ. Миллион не миллион, а денег я сейчас тебе дам. Считай в уме, сколько выйдет, если у тебя будут доказательства, что горноспасатель Фрэд на самом деле оберштурмбаннфюрер СС Гуго Рогмюллер?

ДЖУРОВИЧ. Тот, который был в Испании и упрятал тебя в лагерь?

ЖУРНАЛИСТ. Угу... Вон в том столике, за которым он всегда сидит, я поставил свой микрофон. Пленка у меня. Послушай.

ЖУРНАЛИСТ включает диктофон.

Слышны голоса РОГМЮЛЛЕРА и АЗИАТА.

ГОЛОС АЗИАТА. Там никого.

ГОЛОС РОГМЮЛЛЕРА. Вы будете делать какие-нибудь заметки?

ГОЛОС АЗИАТА. Нет. Вы будете говорить. Я запишу ваш голос – это надежнее любой расписки.

ГОЛОС РОГМЮЛЛЕРА. Диктофон сильно меняет голос.

ГОЛОС АЗИАТА. У нас хорошие пленки, Фрэд.

ГОЛОС РОГМЮЛЛЕРА. Помните, вы мне рассказывали великолепную новеллу о разнице между азиатами и европейцами?

ГОЛОС АЗИАТА. За последние пять лет у нас с вами было восемь разговоров на эту тему. Какой именно вы имеете в виду?

ГОЛОС РОГМЮЛЛЕРА. Я имею в виду вашу новеллу об отравленном хмеле.

ГОЛОС АЗИАТА. О хмеле?

ГОЛОС РОГМЮЛЛЕРА. Пистолет вы уже достать уже не сможете. Помните, вы говорили мне, что азиат, если он хочет убить врага, поначалу сажает отравленный хмель, делает из него отравленное пиво и пьет его по каплям, чтобы приучить себя к яду. Потом приглашает к себе врага, принимает его как лучшего друга и угощает его отравленным пивом, пьет это пиво сам, но враг умирает, а он – жив, и никто не обвинит его в злодействе, потому что он тоже пил из этой же бутылки вместе с покойником. Ну а мы, бедные европейцы, продолжаем работать по старинке.

ДЖУРОВИЧ. Ты делаешь слишком щедрые подарки. Почему ты хочешь отдать мне этот материал? Ты на этом возьмешь (*быстро считает в уме*) как минимум сто пятьдесят тысяч четыреста сорок семь франков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.